А 201/1165

иоанн кронштадтский

УРОКИ БЛАГОДАТНОЙ ЖИЗНИ.

ПО РУКОВОДСТВУ

О. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

МОСКВА.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищества И. Д. Сытина.
1894.

2007081217

А 201/1165

БИБЛИОТЕКА

о. Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій.

УРОКИ БЛАГОДАТНОЙ ЖИЗНИ.

ПО РУКОВОДСТВУ

О. ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

БИБЛ. ГЕМПМ.

МОСКВА.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищества И. Д. Сытина.
Валовая улица, свой домъ.
1894.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, октября 7 дня, 1893 года.

Цензоръ священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*

Введеніе.

Одинъ благочестивый старецъ сподобился дивнаго видѣнія. «Видѣлъ онъ поле широкое, широкое. По нему ходило множество людей разнаго рода. Ходили одни по грязи, иной по колѣно и болѣе, а думали, что ходятъ по цвѣтамъ, сами были въ лохмотьяхъ, испачканные и уродливые, а думали, что они красавцы и въ нарядахъ. Ни одного изъ нихъ не было покойнаго, всѣ въ тревогѣ и хлопотахъ, въ ладахъ или спорахъ и ссорахъ другъ съ другомъ... Къ востоку отъ нихъ лежала поляна нѣсколько возвышенная, покрытая травою и цвѣтами, а имъ казавшаяся сухою, песчаною и каменистою. За сею поляною поднималась гора, прерываемая хребтами въ разныхъ направленіяхъ, все выше и выше... Изъ-за горы виднѣлся необыкно-

венной красоты свѣтъ, ослѣпляющій и слѣпыя очи открывающій. Лучи отъ сего свѣта шли во множествѣ въ шумную толпу, блуждавшую по грязному полю. Въ каждую голову упиралъ свой лучъ. Что же люди? Смотрѣть на свѣтъ изъ-за горы самимъ имъ и въ голову не приходило. А что касается до лучей, то одни совсѣмъ не чуяли прикосновенія ихъ; иные, почувствовавъ безпокойный ударъ ихъ, потирали только себѣ голову и, не поднимая головы, продолжали дѣлать, что дѣлали; иные поднимали голову и обращали взоръ назадъ, но тотчасъ опять закрывали очи и возвращались на прежнее. Нѣкоторые, устремивъ очи свои по направленію луча, долго стояли въ наблюдательномъ разсматриваніи свѣта и любовались красотою его; но все стояли неподвижно на одномъ мѣстѣ и, наконецъ, то отъ утомленія, то будучи столкнуты другими, опять начинали шагать по той же дорогѣ, по которой шли прежде. Рѣдкіе, рѣдкіе, покоряясь возбужденію луча и указанію его, оставляли все, направляли шаги къ цвѣтистой полянѣ, и шли потомъ все далѣе и далѣе къ горѣ и по горѣ къ свѣту, осіявшему ихъ изъ-за горы» (Епископа Ѳеофана. «Письма о христіанск. жизни». 107).

Въ чемъ заключается смыслъ видѣнія? Въ томъ, конечно, что благодать Божія присутствуетъ въ сердцѣ каждаго христіанина и, по словамъ св. Макарія Великаго, «многоразличными образами» побуждаетъ и располагаетъ христіанина ко всему доброму. Но христіанинъ, погрузившись въ суету житейскую и, что еще хуже, предавшись грѣховнымъ наклонностямъ, можетъ пренебрегать данными ему дарами благодати

Св. Духа, оставаться глухимъ и невнимательнымъ къ ея спасительному зову. Тогда и благодать Божія оставляетъ душу христіанина. *Аще заблудитъ, оставитъ его и предастъ въ руцѣ паденія его* (Сир. 4, 22). Грѣховная тьма тогда ослѣпляетъ очи христіанина, такъ что онъ уже и не видитъ своей пагубы. Сердце, не умягченное благодатію, черствѣетъ, подобно камню. Все святое меркнетъ въ немъ...

Скажутъ, можетъ-быть, многіе: среди многоразличныхъ и многотрудныхъ заботъ нашей жизни не всегда найдешь и времени, чтобы подумать о душѣ, тѣмъ болѣе—быть постоянно внимательнымъ къ себѣ, всегда стоять настражѣ противъ грѣховныхъ соблазновъ, вообще—наблюдать надъ своею духовною жизнію, повѣрять свои слова и поступки. Не станемъ спорить: истинно-христіанская, благодатная жизнь — трудный подвигъ. Но развѣ достигается что-либо истинно полезное, истинно доброе безъ труда, — тѣмъ болѣе спасеніе души?

Чтобы облегчить себѣ этотъ подвигъ, будемъ учиться у другихъ, — у мужей высокой духовной жизни. Подобно тому, какъ дѣти учатся много, взирая на старшихъ, такъ и мы постараемся воспользоваться уроками благодатной жизни у тѣхъ, которые преуспѣли въ ней, тѣмъ болѣе, что благость Божія даже въ наши дни не оставляетъ насъ безъ столь необходимаго руководства.

Кому на Руси не извѣстно имя о. Іоанна кронштадтскаго, живущаго среди насъ, поставленнаго въ тѣ же самыя жизненныя условія, въ которыхъ находимся и мы? Кто не слыхалъ или не читалъ о немъ? Желая

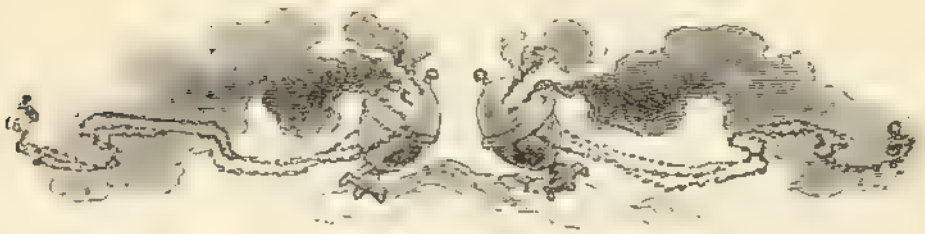
предложить читателямъ уроки благодатной жизни, мы прежде всего воспользуемся, какъ нѣкоей богатой сокровищницей, дневникомъ о. Іоанна кронштадтскаго. Воистину—предъ нами не книга, но сама жизнь. Духовные опыты, совѣты, наставленія извлекаются изъ глубины сердца, всецѣло стремящагося къ Богу, радующагося о Богѣ, томящагося при временномъ удаленіи отъ Бога, живущаго въ Богѣ. Потому—все, что вылилось изъ этого источника, каждая мысль, каждое чувство — сильно дѣйствуетъ на душу христіанина.

Дневникъ о. Іоанна кронштадтскаго—это лугъ обширный и роскошный, испещренный и изукрашенный многоразличными благоухающими цвѣтами. Глаза разбѣгаются при этомъ зрѣлищѣ, мысли не могутъ собраться... Мы постарались собрать цвѣты по роду ихъ и вручаемъ читателямъ готовые вѣнки, соотвѣтственно духовнымъ потребностямъ каждаго; мы постарались изложить вдохновенныя размышленія о. Іоанна кронштадтскаго въ надлежащей связи и послѣдовательности, расширяя и дополняя ихъ наставленіями другихъ богомудрыхъ наставниковъ. Нѣкоторыя дополненія приложены нами отдѣльно отъ уроковъ благодатной жизни, извлекаемыхъ изъ дневника.

Уроки благодатной жизни расположены сообразно съ кругомъ великихъ годовыхъ праздниковъ. Кто не старается ознаменовать праздника и украшеніемъ дома, и свѣтлыми одеждами, и болѣе изобильной трапезой? Да не будетъ у насъ недостатка и въ духовной трапезѣ!

«Господь сподоблялъ меня часто чудныхъ внутреннихъ озареній и свѣтлыхъ мыслей касательно молитвы

вообще и жизни христіанской»,—пишетъ о. Іоаннъ кронштадтскій. Будемъ надѣяться, что важнѣйшіе уроки, преподанные читателямъ по руководству опытнаго наставника, западутъ глубоко въ сердце каждому и ободрятъ къ подражанію «непрестанному духовному созерцанію и тайной молитвѣ».



О ВОПЛОЩЕНІИ БОГА-СЛОВА.

(Къ празднику Рождества Христова).

Слово стало плотію и обитало съ нами, полное благодати и истины; и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца (Іоан. I, 14).

Всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста (Соб. посл. Іоан. I, 3).

Человѣкъ—это чудное, величественное, премудрое, художественное произведеніе совершеннѣйшаго Художника-Бога—сдѣлался чрезъ грѣхъ скверным и болѣзненнымъ, нечистымъ и тлѣннымъ, по душѣ и по тѣлу. Премудрый, всемогущій и всеблагій Художникъ не допустилъ погибнуть Своему прекрасному и величественному творенію: Своимъ воплощеніемъ, Своимъ ученіемъ, чудесами, страданіемъ, смертію и воскресеніемъ, Своимъ чуднымъ и премудрымъ домостроительствомъ опять возстановляетъ дѣло рукъ Своихъ въ прежнее и даже большее благолѣпіе и славу, даруетъ ему снова нетлѣніе, святыню, чудную, божественную красоту и возводитъ въ

первое блаженство, обоживъ человѣческую природу и спосадивъ ее съ собою на престолѣ Божества".

Искупитель явился въ опредѣленное Богомъ время, когда родъ человѣческій былъ подготовленъ и ожидалъ Его. „Господь далъ человѣчеству испытать всю горечь грѣха, все безсиліе свое къ искорененію его, и когда пожелали всѣ Избавителя, тогда Онъ и явился, премудрый и всесильный Врачъ и Помощникъ. Какъ стали алкать и жаждать правды при оскудѣніи ея, тогда и пришла Правда вѣчная".

Человѣкъ палъ гордостью; искупить его нужно было глубокимъ смиреніемъ. Для сего явился на землю Сынъ Божій въ смиренномъ и униженномъ видѣ. „Пришелъ на землю Тотъ, Кто вначалѣ создалъ насъ изъ земли и вдунулъ божественное дыханіе Свое въ насъ; пришелъ *дающій* всѣмъ *животъ и дыханіе и вся* (Дѣян. 17, 25); пришелъ Тотъ, Кто единымъ словомъ призвалъ изъ небытія въ бытіе все видимое и невидимое; пришелъ Тотъ, Кому непрестанно со страхомъ и радостію служатъ безчисленныя воинства ангеловъ. И въ какомъ уничиженіи! Рождается отъ бѣдной Дѣвы, въ вертепѣ, пеленается убогими пеленами, полагается въ ясляхъ! Богатство, знатность, слава міра сего! пади, припади со смиреніемъ, умиленіемъ слезнымъ и глубокою благодарностію къ Спасителю человѣковъ и раздѣляй богатство свое съ неимущими и бѣдными, не гордись своею призрачною, скороисчезающею знатностію: истинная знатность только у добродѣтели. Слава міра сего! познай здѣсь, у яслей, свою суету. Итакъ все смирись, все пади въ прахъ предъ безмѣрнымъ смиреніемъ и истощеніемъ Владыки всѣхъ, Бога, пришедшаго увра-

Рождество Іисуса Христа.

чевать наши немощи, спасти насъ отъ гордости, отъ тлѣнія, отъ всякой скверны грѣховной". „Адамъ возгордился до того, что захотѣлъ быть богомъ, и умеръ за свою гордыню; Сынъ Божій смирился до смерти и оживотворилъ падшаго. О, бездна смиренія! Адамъ и Ева чревоугодіемъ погубили себя, — Господь за нихъ постился и умеръ, чтобы оживить ихъ. Они оказали непослушаніе, — Христосъ совершилъ послушаніе".

Въ домостроительствѣ спасенія нашего чрезъ воплощеніе Сына Божія проявилось особенное могущество Божіе: „Господь есть совершенный Обладатель и Повелитель всей твари... Но особенно сила, держава Господня проявляется въ томъ, что Онъ претворяетъ человѣка-грѣшника въ святой избранный сосудъ, падшаго паденіемъ ужаснымъ возстановляетъ, растлѣннаго воскрешаетъ и обновляетъ, мертваго душою и тѣломъ человѣка оживляетъ, падшаго въ вѣчную смерть вводитъ въ жизнь вѣчную. Это чудо чудесъ; это являетъ безконечную благость, премудрость и всемогущество Господа твари; или еще то, что Онъ Самъ, будучи Господомъ твари, безначальнымъ, невмѣстимымъ, изволилъ и возмогъ Самъ содѣлаться человѣкомъ нашего ради спасенія, и *Слово, имже вся быша, плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), съ человѣки поживъ и по всему бывъ какъ человѣкъ, кромѣ грѣха. Ужасеся о семъ небо и земли удивишася концы, яко Богъ явися человѣкомъ плотски, бесѣдовалъ съ нами, благодѣтельствовалъ намъ, безчисленныя чудеса сотворилъ, пострадалъ (о чудо!), умеръ (о ужасное чудо!) и воскресъ, и насъ, умершихъ въ Адамѣ, совоскресилъ съ Собою".

„Такимъ образомъ, чрезъ Свое воплощеніе Господь сталъ въ ближайшее отношеніе къ человѣку. Дивно! Самъ Богъ соединенъ въ одно лицо съ человѣкомъ. Богъ сталъ плотію — *Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14). Богъ Самъ вкушалъ нашу пищу и пилъ наше питіе, возлежалъ въ ясляхъ, обиталъ въ домѣ. Невмѣстимый небесами ходилъ стопами по землѣ, по водѣ, по воздуху... Вся земля, воды и воздухъ—все освящено вочеловѣчившимся Сыномъ Божіимъ; потому-то любезна для Него земля—это временное жилище человѣка, эта гостиница рода человѣческаго, это мѣсто обитанія Его между людьми. Но особенно любезны для Него сами люди, коихъ душу и тѣло Онъ принялъ въ единство Своего лица, и особенно истинные христіане. Онъ въ нихъ—и они въ Немъ".

„Благодарю Тебя, Радость мою, Господа славы, яко пріялъ еси образъ мой чрезъ воплощеніе отъ Пречистой Дѣвы, и почтилъ, и возвысилъ, и обожилъ человѣчество; благодарю Тебя, яко отъ тлѣнія паки къ нетлѣнію возводиши мя, скверны моя очищаеши, немощи и болѣзни врачуеши, скорби въ радость претворяеши, мраки страстей прогоняеши и свѣтъ Твой духовный даруеши. Слава Тебѣ, Спасителю, Сила всемогущая! Слава Тебѣ, Спасителю, Сила вездѣсущая! Слава Тебѣ, Утроба Преблагосердая! Слава Тебѣ, Слухъ Присноотверзающійся на услышаніе молитвы мене окаяннаго, во еже миловати мене и спасати отъ грѣхъ моихъ! Слава Тебѣ, Сладчайшій Іисусе, Спасе мой".

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

О СВЯТЫХЪ ДНЯХЪ.

(Святки).

Шесть дней дѣлай дѣла свои, а въ седьмый день покойся, чтобы отдохнулъ волъ твой и оселъ твой, и успокоился сынъ рабы твоей и пришлецъ (Исх. XXIII, 12).

Былъ праздникъ іудейскій, и пришелъ Іисусъ въ Іерусалимъ (Іоан. V, 1).

Какимъ образомъ надлежитъ христіанину встрѣчать и провождать святые дни, дни великихъ христіанскихъ праздниковъ?

Прежде всего слѣдуетъ достойно приготовиться къ встрѣчѣ праздника. Православная Церковь съ этою цѣлью предъ великими праздниками установила посты.

„Чтобы христіанинъ жилъ христіанскою жизнію, и не угасала въ немъ совершенно жизнь духа, ему необходима молитва домашняя и общественная, необходимо посѣщать съ вѣрою, разумѣніемъ, усердіемъ богослуженіе во храмѣ, какъ необходимо подливать елей въ лампадку, чтобы она горѣла и не угасала; а такъ какъ молитва искренняя, горячая бываетъ при воздержаніи,

то для поддержанія въ себѣ христіанской жизни или горячности вѣры, надежды и любви нужны воздержаніе и постъ. Ничто такъ скоро не погашаетъ въ насъ духъ вѣры, какъ невоздержаніе, лакомство и пресыщеніе и разсѣянная, разгульная жизнь".

„Какъ праздновать праздники? Надобно вникнуть въ исторію событія или лица, приближаться къ событію или лицу сердцемъ, впивать ихъ въ себя, иначе праздникъ будетъ несовершенный, небогоугодный. Праздники должны имѣть вліяніе на нашу жизнь, должны оживлять, возгрѣвать нашу вѣру въ будущія блага и питать благочестивые нравы".

„Источникъ всякой истинной радости течетъ въ храмѣ, всякаго истиннаго спокойствія и умиренія совѣсти, очищенія, исцѣленія душевнаго и тѣлеснаго, источникъ силы и бодрости душевной, а театръ и разныя домашнія утѣшенія мірскія никогда не замѣнятъ того, что получитъ истинный христіанинъ въ храмѣ".

Праздничное время для христіанина всего приличнѣе проводить въ тихомъ домашнемъ кругу въ благочестивыхъ упражненіяхъ, въ бесѣдахъ о духовныхъ предметахъ.

„Какъ много теряютъ люди въ домашней бесѣдѣ, для оживленія ея, чрезъ то, что не говорятъ о Богѣ! Какъ одушевлялся, плодился и разнообразился бы ихъ разговоръ! У вѣрующихъ тогда потекли бы рѣки отъ чрева ихъ (Іоан. 7, 38) спасительныхъ словъ. Сколько такіе разговоры доставили бы назиданія, успокоительности, истинной сладости! Между тѣмъ теперь, не говоря о Богѣ въ домашнихъ кружкахъ, а говоря о суетѣ мірской, скоро истощаются въ разговорѣ, скучаютъ и

потомъ убиваютъ драгоцѣнное время въ глупыхъ играхъ или въ танцахъ. Врагъ рода человѣческаго подмѣтилъ эту слабость въ людяхъ заниматься суетными, житейскими разговорами и вообще проводить время въ суетныхъ забавахъ; онъ извлекъ и извлекаетъ для себя изъ этой слабости огромную выгоду: завелъ театры, цирки — истое осуществленіе суеты, истинное посмѣяніе надъ суетою людскою, и безумные между людьми, склонные къ суетѣ, къ лѣности и бездѣйствію, охотно посѣщаютъ эти театры и цирки, не находя для себя лучшаго занятія, которое доставляло бы спокойствіе и пріятность ихъ духу. Суета суетствій—всяческая суета! (Еккл. 1, 2)".

Еще хуже, еще пагубнѣе для души, когда христіане въ дни, посвященные веселію духовному, предаются излишествамъ всякаго рода, распутству, чревоугодію.

„Какъ прискорбно видѣть, что врагъ въ праздники Господни беретъ съ христіанъ свой оброкъ, крайне великій оброкъ, и чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ больше оброкъ врагу платятъ христіане, ибо что́ мы видимъ въ праздники? Совершенную праздность, разнузданность плоти, пьянство, распутство, драки, кражи, увеселенія. Боже мой! Какое угодіе плоти! Какое усердное служеніе діаволу! Христіане ли эти люди, подумаешь, искупленные честною кровію Сына Божія? Въ христіанскія ли ты времена живешь, не въ языческія ли? Это ли причастники Животворящихъ Тайнъ? Это ли тѣ люди, которые бываютъ въ храмѣ Божіемъ и молятся вмѣстѣ съ тобою Господу? Если это они, для чего же они приходили въ храмъ? Видно, по одной привычкѣ, а не по влеченію благодарнаго ко Христу Спасителю сердца. Видно, они не молились Богу, не приближались къ Нему сердцемъ, а

только устами своими приближались къ Нему, если только хотя устами приближались,—и не вошли они въ силу праздника, вообще не понимаютъ они сущности и цѣли праздниковъ христіанскихъ, не участвуютъ въ нихъ такъ, какъ дѣти участвуютъ въ семейномъ праздникѣ своихъ родителей. Худыя дѣти у такой любящей, благой, святой матери-Церкви! Мать свята,—чада грѣшны; мать духовна,—чада плотяны; мать небесна,—дѣти земны; мать хочетъ даровать чадамъ своимъ блага вѣчныя, духовныя вмѣсто тлѣнныхъ и временныхъ,—чада отвергаютъ ихъ и избираютъ себѣ удовольствія земныя, грѣховныя, преходящія. Впрочемъ между пьяными и преданными разнымъ порокамъ людьми въ праздники больше встрѣчаешь такихъ людей, которые не были въ церкви и вовсе не знаютъ праздника, потому что никогда объ немъ не размышляли. Для таковыхъ существуетъ одинъ только праздникъ — праздникъ плоти... Господи! когда мы будемъ святить, какъ подобаетъ святынѣ, праздники Твои? Когда мы утѣшимъ святую матерь свою—Церковь повиновеніемъ ея уставамъ? Когда мы напоимся духомъ ея? Доколѣ, начиная духомъ, мы будемъ оканчивать плотію празднованіе великихъ спасительныхъ событій православной вѣры? Доколѣ врагъ будетъ посмѣваться надъ членами Христовыми, кои суть христіане? Доколѣ люди другихъ вѣръ и исповѣданій будутъ указывать на насъ и говорить: смотрите—вотъ христіане, называющіеся православными, — какъ они живутъ! Какова у нихъ вѣра сердечная!.. Что, наконецъ, будетъ при существующемъ безпорядкѣ въ нашей жизни? Беззаконіе разливается по землѣ; царство врага распространяется, — царство Твое сокращается; мало

избранныхъ Твоихъ, въ сердцахъ коихъ Ты почиваешь,—много рабовъ діавола, въ сердцахъ коихъ, какъ тать, возсѣдаетъ исконный человѣкоубійца. Что сотворишь съ нами, Господи?“

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

О СВЯТОЙ ТРОИЦѢ.

(Къ 6 января).

Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи, тройческое явися поклоненіе.

Съ Божіей помощію мы будемъ излагать вамъ, братія, самое главное ученіе въ нашей вѣрѣ—догматъ о Святой Троицѣ. Хотя есть между нами знающіе хорошо это ученіе, которые *не требуютъ, да кто учитъ* ихъ; но такихъ—очень немного: несравненно больше знающихъ нехорошо, даже меньше, чѣмъ нехорошо; а служитель св. алтаря долженъ всѣмъ преподать ученіе вѣры ясное и отчетливое. Да и для хорошо знающихъ не лишнее дѣло постоянно повторять въ памяти знакомое имъ ученіе вѣры, какъ не лишнее дѣло—постоянно видѣть глазами свѣтъ или вдыхать и выдыхать воздухъ; потому что наше ученіе еще нужнѣе, чѣмъ видимый свѣтъ и воздухъ. Памятовать о Богѣ, говоритъ св. Григорій Богословъ, необходимѣе, чѣмъ дышать.

Крещеніе Господа, или Богоявленіе.

Но прежде чѣмъ говорить о начальной, царственной и блаженной Троицѣ, скажемъ нѣсколько словъ о важности и непостижимости этого ученія и о смиренной простотѣ вѣры, съ какою нужно слушать его.

Ученіе о Пресвятой Троицѣ такъ важно, что въ вѣрѣ христіанской нѣтъ важнѣе и возвышеннѣе этого ученія; а всѣ другія знанія человѣческія, относящіяся къ земной жизни нашей и не касающіяся вѣры, если взять ихъ вмѣстѣ, — въ сравненіи съ познаніемъ Единаго Бога, въ Троицѣ поклоняемаго,—то же, что едва замѣтная точка: потому что Богъ есть источникъ всякой премудрости и знанія, и — познаніе Бога во Св. Троицѣ есть жизнь вѣчная для разумныхъ тварей. Безъ исповѣданія Пресвятыя Троицы нѣтъ христіанства. Мы называемся христіанами, какъ всякій знаетъ, отъ вѣры во Христа, Сына Божія Единороднаго, а *всякъ, исповѣдуяй Сына, и Отца имать,* по словамъ св. Іоанна Богослова *), имѣетъ и Духа Святаго, о Которомъ Господь сказалъ: *Духъ Господень на Мнѣ* **). Значитъ, кто вѣруетъ во Христа, тотъ непремѣнно вѣруетъ во Св. Троицу: въ Отца и Сына и Св. Духа. Безъ исповѣданія Пресв. Троицы у насъ не было бы ни Церкви, воспитывающей насъ для неба, ни таинствъ, которыми она освящаетъ, подкрѣпляетъ и руководитъ насъ... Такъ важно это ученіе.

Но оно есть вмѣстѣ и самое непостижимое... Какъ во Единомъ Богѣ три Лица, какъ и Отецъ есть Богъ, и Сынъ есть Богъ, и Св. Духъ есть Богъ, это выше всякаго разумѣнія. Троичность лицъ Божества есть ве-

*) I Іоан. II, 23. **) Лук. IV, 18.

личайшая тайна, сокрытая даже отъ многоочитыхъ херувимовъ, которые непрестанно проникаютъ въ непостижимый свѣтъ Божества и оттолѣ почерпаютъ для себя всякое вѣдѣніе и блаженство. „Но гдѣ тайна“, говоритъ св. Златоустъ, „тамъ великое молчаніе: гдѣ тайна, тамъ умъ призываетъ къ себѣ вѣру“. Такъ, братія, разумъ нашъ необходимо долженъ смириться и умолкнуть предъ тайною Триипостаснаго Божества, и, чувствуя свое безсиліе постигнуть ее, призвать себѣ на помощь вѣру.

Смиренная простота вѣры необходима каждому изъ насъ. Гдѣ нѣтъ тайнъ? Человѣкъ самъ для себя—и въ своей душѣ и въ своемъ тѣлѣ—есть тайна. Кто удовлетворительно объяснилъ, напримѣръ, какъ соединена душа человѣческая съ тѣломъ, какъ они взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, какъ сонъ возстановляетъ силы человѣка и пр.? Св. Писаніе свидѣтельствуетъ, что мы *едва разумѣваемъ яже на земли, и яже въ рукахъ, обрѣтаемъ съ трудомъ,* и за этимъ прибавляетъ: *а яже на небесѣхъ, кто изслѣди?* *).

„Посмотри на себя. Ты — тварь; и въ тебѣ бываетъ такая премудрость, что тебѣ удивляются весьма многіе. Ты творишь иногда подлинно удивительныя вещи, и тебя величаютъ творцомъ этихъ вещей. Но вѣдь это ты — маленькое, немощное созданіе. Какъ же, посуди теперь, въ Богѣ не быть Премудрости самоличной, какъ въ Богѣ не быть Творцу, какъ Ему не имѣть своей живой самосущей Премудрости? Посмотри ты на все въ мірѣ, какъ все премудро! Какъ во всемъ самомалѣйшемъ видна изумительная премудрость, уди-

*) Прем. Сол. IX, 16.

вительное выполненіе всепремудрой мысли съ изумительною точностью, чистотою безукоризненною! Какъ въ Богѣ не быть Личной Премудрости? Сообрази: какъ Богъ, создавъ множество разумныхъ, личныхъ, мудрыхъ, живыхъ существъ, Самъ не родилъ изъ Себя Личную Премудрость? Лѣпо ли это? Возможно ли это? Сообразно ли это съ совершенствами Творца? — Такъ въ Богѣ должна быть Ѵпостасная Премудрость, или Ѵпостасное Слово Отца".

„Какъ слово человѣческое открываетъ, что есть на умѣ и на сердцѣ человѣка, и чрезъ слово, открывающее умъ или мысль, исходитъ изъ человѣка дыханіе, такъ нѣсколько подобно Слово Божіе являетъ намъ Отца—этотъ великій всесотворившій Умъ и чрезъ Слово же вѣчно исходитъ и является людямъ отъ Отца Духъ Святый, Животворящій, Который есть Сила Вышняго (*Сила Вышняго осѣнитъ тя* (Лук. 1, 35). Теперь понятны Слова Спасителя: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и ему же аще волитъ Сынъ открыти* (Матѳ. 11, 27). Видишь? Только Сынъ открываетъ людямъ Отца, какъ наше слово—сокровенную въ душѣ мысль нашу.

„Изъ существа мыслящаго духа рождается слово, присущное ему, въ себѣ показующее мысль и равное ей, отъ мысли и съ мыслію исходитъ духъ, почивающій въ словѣ, и въ словѣ сообщающійся слушающимъ; духъ этотъ вполнѣ равенъ и мысли и слову и присущенъ имъ". „Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ Божествѣ Сына или Духа Божія? Сколько мы видимъ дѣлъ, совершающихся во Имя Отца и Сына и Святаго Духа? Сколько силъ Духа мы на себѣ испытали и испыты-

ваемъ? Духъ Святый есть духовный воздухъ разумныхъ существъ. Что воздухъ для физическихъ тѣлъ, то Святый Духъ — для разумныхъ и свободныхъ существъ. Онъ ихъ наполняетъ, оживляетъ, освѣщаетъ, умудряетъ, укрѣпляетъ. Сынъ Божій есть для насъ *путь*, *истина*, *жизнь* (Іоан. 14, 6), покой и радость". Отвергать истину Троичности Божества невозможно, потому что это значитъ отказаться отъ собственной жизни. „Богъ Отецъ—жизнь, Богъ Сынъ — жизнь, Богъ Духъ Святый—жизнь: Троица Святая—жизнь. Жизнь въ имени Отца и Сына и Святаго Духа".

„Воздавая подобающее поклоненіе Отцу и Сыну и Св. Духу, тремъ лицамъ во единомъ существѣ, постараемся, во славу Триединаго Бога, и сами соединяться между собой во едино мыслями, желаніями и дѣлами добрыми,—чего желалъ и просилъ Спаситель въ послѣдней молитвѣ Своей къ Отцу Своему: *не о сихъ* (апостолахъ) *молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* *). Къ этому единству призываетъ насъ и вѣра наша, основанная на любви къ Господу, и единство нашей природы, единство житейскихъ нуждъ и духовныхъ потребностей. Даже—можно сказать — вся окружающая природа, весь прекрасный міръ Божій призываетъ людей къ тѣснѣйшему взаимному соединенію. Вы видите, какъ онъ строенъ въ своемъ теченіи и жизни и, при всемъ различіи своихъ частей, составляетъ одно согласное цѣлое".

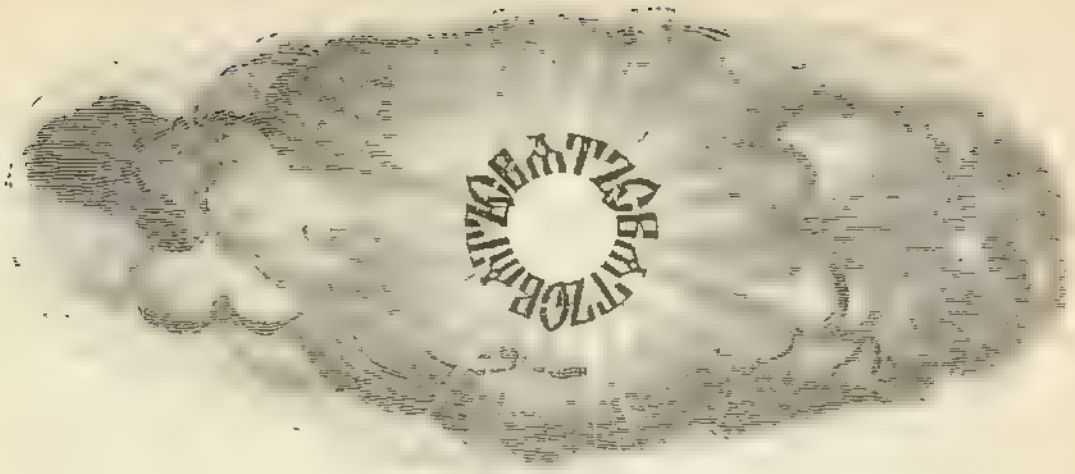
---

*) Іоан. XVII, 20, 21.

„Такъ должны быть согласны въ своей жизни люди, и при различіи своихъ силъ и способностей составлять одно, красующееся и вѣрою и любовію, цѣлое. Будетъ время, или,—лучше сказать,—вѣчность, когда все несмѣтное множество праведниковъ, отшедшихъ изъ этой жизни и еще имѣющихъ отойти изъ ней въ вѣчность, соединится въ будущемъ вѣкѣ совершеннѣйшимъ единствомъ мыслей, чувствъ и стремленій для славы Божіей и собственнаго блаженства. Еще здѣсь на землѣ св. Церковь старается приготовить насъ къ этому соединенію единствомъ вѣры, надежды и любви. Да сподобимся всѣ мы достигнуть блаженнаго единства во славу Триединаго Бога“.

„Триипостасная Единице, Отче, Сыне и Душе Живый, едино Божество, едино Царство, Тебе хвалятъ незаходимаго Свѣта Ангельская воинства, и мы, сущіи на земли, поемъ, благословимъ и превозносимъ во вся вѣки“.

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго



ПОКЛОНЕНІЕ СВЯТОЙ ТРОИЦѢ.

(Изъ сочиненій св. Димитрія, митрополита ростовскаго).

Вся силы души моея,

пріидите поклонимся Богу, въ Троицѣ единому, Отцу и Сыну и Святому Духу!

Вся мысли сердца моего,

пріидите, поклонимся Троицѣ, во Единицѣ почитаемой!

Вся чувства тѣла моего,

пріидите, поклонимся, и припадемъ, и восплачемся предъ Господемъ, сотворшимъ насъ!

Покланяюся Тебѣ, Пресвятая, Единосущная, Животворящая и нераздѣлимая Троице, Отче, Сыне, и Святый Душе: вѣрую въ Тя и исповѣдую, славлю, благодарю, хвалю, почитаю, превозношу Тя и молю: помилуй мя непотребнаго раба Твоего! *Трижды.*

Покланяюся Тебѣ, Боже Отче, яко отъ небытія въ бытіе привелъ мя еси, образомъ Твоимъ Божественнымъ украсилъ мя еси!

Покланяюся Тебѣ, Боже Сыне, яко честною Твоею кровію стяжалъ мя еси, отъ законныя клятвы искупилъ мя еси, крещеніемъ святымъ просвѣтилъ мя еси!

Покланяюся Тебѣ, Боже Душе Святый, яко оживилъ мя еси, вразумилъ мя еси, свѣтомъ вѣры облисталъ мя еси!

Покланяюся Тебѣ, Боже Отче, яко далъ ми еси душу Божественнымъ и животворящимъ Твоимъ вдохновеніемъ!

Покланяюся Тебѣ, Боже Сыне, яко душу Твою за мя на крестѣ положилъ еси!

Покланяюся Тебѣ, Боже Душе Святый, яко избавляеши душу мою отъ смерти, очи мои отъ слезъ, и нозѣ мои отъ поползновенія!

Покланяюся Тебѣ, Боже Отче, яко согрѣшающа мя не погубляеши со беззаконми моими, но долготерпиши, ожидая обращенія моего!

Покланяюся Тебѣ, Боже Сыне, яко не хощеши смерти мене грѣшнаго, но милосердно на покаяніе мя призываеши!

Покланяюся Тебѣ, Боже Душе Святый, яко обращающася мя не презираеши, припадающа не отметаеши, но яко блуднаго сына пріемлеши и обновляеши духъ правъ во утробѣ моей!

Покланяюся Тебѣ, Богу Отцу, очищающему вся беззаконія моя!

Покланяюся Тебѣ, Богу Сыну, исцѣляющему вся недуги моя!

Покланяюся Тебѣ, Богу Духу Святому, избавляющему отъ истлѣнія животъ мой!

Покланяюся Тебѣ, Богу Отцу, не до конца прогнѣвающемуся, ни во вѣкъ враждующему!

Покланяюся Тебѣ, Богу Сыну, не по беззаконіямъ моимъ творящему ми!

Покланяюся Тебѣ, Богу Духу Святому, не по грѣхомъ моимъ воздающему ми!

Покланяюся Тебѣ, Богу Отцу, ущедряющему мя, якоже щедритъ отецъ сыны!

Покланяюся Тебѣ, Богу Сыну, знающему страстное естество мое и слабость!

Покланяюся Тебѣ, Богу Духу Святому, врачующему немощи моя и очищающему мя отъ всякія скверны!

Покланяюся Тебѣ, Боже Отче, яко падшаго мя возставляеши!

Покланяюся Тебѣ, Боже Сыне, яко погибшаго мя взыскуеши!

Покланяюся Тебѣ, Боже Душе Святый, яко мертваго мя оживляеши!

Покланяюся Тебѣ, Боже Отче милосерде, упованіе мое!

Покланяюся Тебѣ, Боже Сыне долготерпѣливе, прибѣжище мое!

Покланяюся Тебѣ, Боже Душе Святый, незлобиве, покровителю мой!

Сіе падши ницъ на земли глаголи:

Достойно есть яко воистину покланятися, славословити и благодарити Тя, Троице Святая, Юже вся небесныя силы, херувимы, серафимы, трисвятыми пѣсньми восхваляютъ, вси святіи благодарятъ, всякое созданіе раболѣпно покланяется, и азъ, бренный червь ползящій, предъ величествомъ неприступныя славы Твоея бездерзновененъ, въ надеждѣ милости Твоея дерзаю,

безстудно припадаю и молю: даждь всегда Тебѣ, Создателю моему, неосужденно и нелѣностно кланятися, Тебе единаго знати, Тебе любити и боятися, Твоя повелѣнія хранити, Твоихъ заповѣдей путемъ ходити, Тебе хвалити и славити до послѣдняго моего издыханія, да и по разлученіи отъ бреннаго ми тѣла и паки съ нимъ совокупленіи, не лиши мя съ угодившими Тебѣ радостнѣ, Святъ, Святъ, Святъ, восклицати во вѣки. Аминь.

О ДОСТОЙНОМЪ СРѢТЕНІИ ГОСПОДА.

(Къ 2-му февраля).

Старайтесь не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ, пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ человѣческій.

Я хлѣбъ живый, сшедшій съ небесъ; ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я дамъ за жизнь міра.

Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную (Іоан. VI, 27, 51, 54).

Кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей или пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ противъ тѣла и крови Господней (I Кор. 27).

Соединяющійся съ Господомъ становится одинъ духъ съ Господомъ (I Кор. VI, 17).

Съ какимъ благоговѣніемъ, съ какою радостію срѣтилъ Симеонъ Богопріимецъ младенца Іисуса въ храмѣ Іерусалимскомъ! Живя въ такое время, когда желаніе каждаго благочестиваго израильтянина, „чтобы скорѣе пришелъ Утѣха Израиля, божественный Царь“, возвышалось до нетерпѣливости, получивъ въ награду своихъ пламенныхъ молитвъ откровеніе отъ Бога, что онъ не узритъ смерти, пока не увидитъ Христа Господня,

Срѣтеніе Господне.

Симеонъ, безъ сомнѣнія, по особенному божественному мановенію узналъ въ принесенномъ Маріею во храмъ Младенцѣ — того самаго Царя, Мессію, Котораго такъ горячо желалъ видѣть. Мы живо представляемъ себѣ благочестиваго старца въ этотъ торжественный моментъ. Взявъ Богомладенца на руки, онъ держитъ Его, трепеща, нѣсколько времени на своихъ рукахъ; потомъ весь преданный радости давно желаемаго зрѣлища, то поднимаетъ взоры къ небу, то, опуская ихъ на младенца, произноситъ торжественнымъ образомъ: теперь-то, Господи, рабъ Твой умретъ спокойно, потому что своими очами сподобился увидѣть Спасителя, Котораго Ты даровалъ всему міру. Я видѣлъ свѣтъ языковъ, видѣлъ славу Израиля — зачѣмъ же мнѣ еще жить на землѣ?

Такъ ли мы, христіане, срѣтаемъ Господа, который въ святыхъ животворящихъ Тайнахъ приходитъ къ намъ и тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ нами? Святый старецъ удостоился принять на руки Богомладенца и затрепеталъ отъ радости. Что же должны чувствовать мы, принимая внутрь себя въ святыхъ Тайнахъ всю полноту безконечнаго, невмѣстимаго Божества?

Сколько тысячелѣтій совершалось приготовленіе рода человѣческаго къ принятію Искупителя разнообразными способами: дивными знаменіями, пророчествами, прообразами, всѣмъ домостроительствомъ нашего спасенія! Христіанинъ, испытай себя: тебѣ также предлежитъ срѣтить Господа. Готовъ ли ты? Истинно ли сознаешь все величіе таинства?

„Что если бы Ты, Господи Боже мой, Іисусе Христе, возблисталъ свѣтъ Божества Своего отъ пречи-

стыхъ Твоихъ Таинъ, когда онѣ почиваютъ на св. престолѣ — на дискосѣ во время литургіи или дарохранительницѣ, или дароносицѣ, когда іерей Твой несетъ ихъ на персѣхъ своихъ, идя къ больному или отъ него! Отъ этого свѣта поверглись бы въ страхѣ на землю всѣ встрѣчающіеся или воззрѣвшіе на нихъ изъ домовъ своихъ, ибо и Ангелы отъ страха неприступной славы Твоей покрываются!“

Что же нужно прежде всего для того, чтобы достойнымъ образомъ приступить къ страшнымъ и животворящимъ Тайнамъ Христовымъ?

Прежде всего — вѣра искренняя, живая, нелицемѣрная. „Вѣрую, Господи!“ говоримъ всѣ мы, приступая къ святымъ Тайнамъ. Чтобы снискать эту вѣру, чаще размышляй о величіи и могуществѣ Творца. „Вообрази, по силѣ своей, всемогущество и велелѣпоту ѵпостаснаго Слова Божія. Онъ говоритъ, и слово Его тотчасъ становится многовиднымъ и многоразличнымъ бытіемъ; говоритъ: *да будетъ свѣтъ,* — и является свѣтъ; говоритъ: *да будетъ твердь,*—и является твердь; говоритъ: *да соберется вода, яже подъ небесемъ, въ собранія своя... да будутъ свѣтила на тверди небесной, да изведутъ воды гады...* и проч. (Быт. 1, 3. 6. 9), и все является по Его слову... Вообрази эти громады творимаго вещества; вообрази, какъ выдвигались изъ земли по Божію слову громады горъ; какой былъ шумъ водъ, когда онѣ собирались въ океаны, моря, рѣки и источники; вообрази, какъ разлился воздухъ; вообрази, какъ вдругъ явилась разнообразнѣйшая растительность, по одному слову Всетворца-Бога; вообрази, какъ явились и заблистали свѣтила и стали совершать свои безконечныя круго-

обращенія; какъ явились вдругъ рыбы, птицы, гады, звѣри и наконецъ человѣкъ... О сихъ всѣхъ не дивится ли умъ?.. Тебѣ показанъ примѣръ и въ Писаніи: воды превращаются, по гласу Моисея, въ кровь, земля — въ мошекъ, жезлъ — въ змѣя; рука покрывается проказою и вдругъ исцѣляется, возсозидается; свѣтъ прелагается въ осязаемую тьму. Моисей только простираетъ руку свою, и Господь во мгновеніе претворяетъ существо вещей; страна египетская покрывается жабами оттого, что Ааронъ, по гласу Моисея, протянулъ руку на воды; Моисей беретъ въ руку золу и бросаетъ ее на воздухъ, и люди и скотъ покрываются струпьями; Моисей только поднимаетъ жезлъ свой къ небу, и является страшная гроза съ градомъ. Пріиди и виждь. Вотъ какъ удобно все творить и претворять Господу! Не тотъ же ли Господь дѣйствуетъ чрезъ насъ, священниковъ, и у насъ? Здѣсь Самъ Господь, насъ ради воплотившійся и Ходатай и Совершитель всего: Онъ приносяй жертву и приносимый, пріемляй и раздаваемый".

„Что удивительнаго, если Самъ Богъ-Слово, Творецъ всего видимаго и невидимаго претворяетъ, пресуществляетъ хлѣбъ и вино въ пречистое тѣло и въ пречистую кровь Свою?.. Множество тайнъ въ природѣ, коихъ не можетъ постигнуть даже въ вещахъ мой разумъ: однакоже вещи существуютъ съ своими тайнами. Такъ и въ этомъ Таинствѣ Животворящаго Тѣла и Крови — тайна для меня, какъ хлѣбъ и вино дѣлаются Тѣломъ и Кровію Самого Господа; — но Тайны Тѣла и Крови на самомъ дѣлѣ существуютъ, хотя и непонятно для меня. У Творца моего, какъ у Бога премудраго,

безконечно всемогущаго — множество тайнъ: — я самъ для себя тайна...“

Такъ каждый христіанинъ долженъ проникнуться живой сердечной вѣрой, что „Господь весь во всякомъ храмѣ, въ Св. Тайнахъ и въ каждой самомалѣйшей частицѣ; а какъ храмы православные находятся по всей землѣ, то Господь не только Божествомъ, но и душою, и тѣломъ Своимъ присутствуетъ по всей землѣ, вездѣ сообщаясь вѣрующимъ весь нераздѣльно и производя въ нихъ сладостные плоды: очищеніе грѣховъ, освященіе душъ и тѣлесъ христіанскихъ, праведность, миръ и радость о Дусѣ Святѣ, соединяя всѣхъ съ Собою, съ Отцемъ и Святымъ Своимъ Духомъ“.

„Чтобы съ вѣрою несомнѣнною причащаться Животворящихъ Тайнъ и побѣдить всѣ козни врага, всѣ клеветы, представь, что принимаемое тобою изъ чаши есть Сый, то-есть единъ Сущій. Когда будешь имѣть такое расположеніе мыслей и сердца, то отъ принятія Св. Тайнъ вдругъ успокоишься, возвеселишься и оживотворишься, познаешь сердцемъ, что въ тебѣ истинно и существенно пребываетъ Господь, и ты въ Господѣ.— *Опытъ*“.

Кромѣ искренней вѣры, необходимо возгрѣвать въ себѣ истинно-христіанскія чувства и расположенія.

„Причастники божественныхъ Тайнъ! познайте, какъ вы преискренне пріобщаетесь Господу, если достойно причащаетесь. Какое дерзновеніе вы имѣете къ Господу! Какую чистоту должны имѣть! Какую кротость, смиреніе, незлобіе! Какое безпристрастіе къ земному! Какое горячее желаніе небесныхъ, чистѣйшихъ, вѣчныхъ наслажденій!“

Но болѣе всего для достойнаго принятія Св. Тайнъ необходимо для христіанина оказывать нелицемѣрную любовь къ ближнимъ и имѣть въ своемъ сердцѣ всегдашнюю готовность оказать помощь, по мѣрѣ силъ, каждому нуждающемуся.

„Святыя Тайны называются Божественными дарами, потому что подаются намъ Господомъ совершенно туне, даромъ, незаслуженно съ нашей стороны; вмѣсто того, чтобы насъ наказывать за безчисленныя наши беззаконія, совершаемыя каждый день, часъ, минуту, и предавать насъ смерти духовной, Господь въ Святыхъ Тайнахъ подаетъ намъ прощеніе и очищеніе грѣховъ, освященіе, миръ душевныхъ силъ, исцѣленіе и здравіе души и тѣла и всякое благо, единственно только по вѣрѣ нашей. Если же Владыка даромъ ежедневно подаетъ намъ для вкушенія Себя Самого, Свои Божественныя Тайны, то не должны ли мы неотложно давать туне, даромъ тлѣнныя блага: деньги, пищу, питіе, одежду — тѣмъ, которые просятъ ихъ у насъ? И какъ можемъ мы негодовать на тѣхъ, которые даромъ ѣдятъ хлѣбъ нашъ, когда мы сами вкушаемъ даромъ безцѣнное и безсмертное брашно Тѣла и Крови Господней?“

„Какъ достойно, съ вѣрою и любовію примешь ты Тѣло Христово, когда ты презираешь члены Его или не милосердуешь о нихъ? Христіане — члены Христовы, особенно бѣдные. Люби Его члены, окажи имъ милость, и Владыка окажетъ Свою богатую милость и тебѣ. А можетъ ли быть какая другая милость богаче той, которую Спаситель подаетъ намъ въ причастіи самаго пречистаго Тѣла и самой пречистой Крови Его?“

Эта милость Божія, подаваемая намъ въ Таинствѣ Св. Причащенія, состоитъ въ душевномъ и тѣлесномъ здравіи.

„Цѣни по достоянію величайшее чудо Іисуса Христа, Сына Бога Живаго, являемое въ причащеніи съ вѣрою Его Божественнымъ Тайнамъ. Какое же чудо? Упокоеніе и оживотвореніе твоего сердца, умерщвленнаго грѣхомъ, столь явное послѣ предшествующаго часто причащенію сердечнаго безпокойства и духовной смерти“.

„Ощущалъ я тысячекратно въ сердцѣ моемъ, что послѣ причастія Св. Тайнъ Господь подавалъ мнѣ какъ бы новую природу духа, чистую, добрую, величественную, свѣтлую, мудрую, благостную, вмѣсто нечистой, унылой и вялой, малодушной, мрачной, тупой, злой. Я много разъ измѣнялся чуднымъ, великимъ измѣненіемъ на удивленіе самому себѣ, а часто и другимъ“.

„Господи! исповѣдую предъ Тобою, что не на дачѣ, не въ лѣсу жизнь и здравіе и крѣпость духовныхъ и тѣлесныхъ силъ, а у Тебя въ храмѣ, наипаче въ литургіи и въ животворящихъ Твоихъ Тайнахъ! О, величайшее блаженство Св. Тайны! О, животъ дающія Св. Тайны! О, любовь неизглаголанная Божественныя Тайны! О, промышленіе чудное и непрестанное Господа Бога о спасеніи и обоженіи нашемъ Божественныя Тайны! О, предображеніе вѣчной жизни Божественныя Тайны!“

Но не только душевное здравіе получаетъ въ принятіи Св. Тайнъ христіанинъ, достойно причащающійся: какъ часто страдавшіе повидимому неизлѣчимыми недугами получали исцѣленіе послѣ причащенія!

„Дивлюсь величію и животворности божественныхъ Тайнъ! Старушка, харкавшая кровью и обезсилѣвшая совершенно, ничего не ѣвшая, отъ причастія Св. Тайнъ, мною преподанныхъ, въ тотъ же день начала поправляться. Дѣвушка, совсѣмъ умиравшая, послѣ Св. Тайнъ, въ тотъ же день начала поправляться, кушать, пить и говорить, между тѣмъ какъ она была почти въ безпамятствѣ, металась сильно и ничего не ѣла, не пила. Слава животворящимъ и страшнымъ Твоимъ Тайнамъ, Господи!“

„Нѣкто, бывши смертельно боленъ воспаленіемъ желудка девять дней и не получившій ни малѣйшаго облегченія отъ медицинскихъ пособій, лишь только причастился въ девятый день поутру животворящихъ Тайнъ, къ вечеру сталъ здоровъ и всталъ съ одра болѣзненнаго. Причастился онъ съ твердой вѣрою. Я молился объ немъ Господу, чтобы Онъ исцѣлилъ его— и благопослушливый Владыка помиловалъ. А то былъ на волосокъ отъ смерти. Слава всемогуществу, благости и благопослушеству Твоему, Господи!“

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскому обществу писателей подвергся тяжкой болѣзни. „*Врачъ* пришелъ довольно рано, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ и ни слова не сказалъ. Я спросилъ его, отчего по всей кожѣ моей показавшіяся сперва красныя пятна превратились въ фіолетовыя, а тутъ сдѣлались черными? „Да у васъ и языкъ уже весь почернѣлъ“,—отвѣчалъ онъ. Кажется, довольно бы сего приговора; онъ, выходя, остановился у дверей и вслухъ сказалъ слугѣ моему и случившемуся тутъ одному изъ инженерныхъ офицеровъ: „Не мучьте его понапрасну, не давайте ему

болѣе лѣкарствъ; я думаю, онъ и сутокъ не проживетъ“.

О здравіи больного отслуженъ былъ молебенъ. Затѣмъ онъ удостоился св. причащенія, въ день Воздвиженія Креста.

„По совершеніи сего вдругъ такъ быстро стали приходить ко мнѣ силы, безъ помощи лѣкарствъ, даже подкрѣпительныхъ, о коихъ давно уже я слышать не хотѣлъ, что братъ мой, не находя болѣе присутствіе свое для меня необходимымъ, чрезъ два дня, 16 числа (сентября) отправился...“

„Надо мной совершилось чудо, точно чудо!.. Когда висѣлъ я надъ могилой и не упалъ въ нее, на то была та же самая воля, безъ которой волосъ не спадетъ съ головы человѣческой. Многимъ ли удавалось быть одною узкою чертой отдѣленными отъ вѣчности и круто поворотить отъ нея вспять?.. Я могу сказать, что я отвѣдалъ смерти...“ (Русскій Архивъ. 1892 г., ноябрь. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. 192—195).

„Велика Твоя любовь, Господи: всего Себя истощилъ еси ради любве ко мнѣ. Взираю на крестъ и дивлюсь Твоей любви ко мнѣ и къ міру, ибо крестъ есть наглядный отпечатокъ Твоей къ намъ любви. Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя (Іоан. 15, 13). Твои животворящія Тайны, Господи, также служатъ всегдашнимъ громкимъ доказательствомъ Твоей къ намъ, грѣшнымъ, любви, ибо это божественное Тѣло Твое было за меня, за всѣхъ насъ ломимо; эта Кровь за меня, за всѣхъ насъ изліялась. Господи! славлю чудеса Св. Тайнъ Твоихъ надъ вѣрными Твоими, которымъ я преподавалъ оныя; славлю

исцѣленія безчисленныя, которымъ я былъ свидѣтелемъ; славлю дѣйствіе ихъ всеспасительное; славлю Твое милосердіе ко мнѣ, въ нихъ и чрезъ нихъ мнѣ являемое, силу Твою животворную, въ нихъ дѣйствующую. Господи! за толику любовь Твою ко мнѣ любити Тебя отъ всего сердца моего, и ближняго какъ себя, любить враговъ моихъ, не только любящихъ меня—подай мнѣ, Господи!“

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

ЧТО БОЛѢЕ ВСЕГО НУЖНО ДЛЯ ДОСТОИНАГО ПРИНЯТІЯ СВ. ТАИНЪ?

Не говори мнѣ: сколько дней я постился, того и того не ѣлъ, вина не пилъ, ходилъ въ рубищѣ; но скажи намъ: перемѣнился ли твой сварливый нравъ на незлобивый и твоя нечувствительность на состраданіе? Ибо когда душа полна злобою, что̀ пользы въ истощаніи тѣла? Когда въ сердцѣ зависть и любостяжаніе, что прибыли отъ питья воды?.. Никакъ не ограничивай себя однимъ постомъ: поелику постъ не восходитъ на небо одинъ, безъ сопровожденія сестры своей— милостыни".

„Не почтемъ достаточнымъ для спасенія, если, ограбивъ вдовъ и сиротъ, принесемъ златый и украшенный драгоцѣнными камнями сосудъ для св. трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва: душу свою сдѣлай золотою. Если же она хуже свинца и глины, а сосудъ золотой — какая тебѣ оттого польза? Посему будемъ заботиться не о томъ одномъ, чтобы принесть въ даръ золотые сосуды, но и о томъ, чтобы принесть отъ праведныхъ трудовъ. Ибо дороже золота пріобрѣ-

тенное безъ любостяжанія. Церковь не на то, чтобы въ ней плавить золото, ковать серебро; она есть торжественное собраніе ангеловъ. Посему мы требуемъ въ даръ ваши души: ибо для душъ принимаетъ Богъ и прочіе дары. Не серебряная тогда была трапеза, и не изъ золотого сосуда Христосъ давалъ пить кровь Свою ученикамъ. Однакоже тамъ все было драгоцѣнно, все возбуждало благоговѣніе, потому что все исполнено было Духа".

„Хочешь ли почтить тѣло Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагимъ. И что пользы, если здѣсь почтишь Его шелковыми покровами, а внѣ храма оставишь терпѣть и холодъ и наготу? Изрекшій: „сіе есть тѣло Мое" и утвердившій то словомъ, сказалъ также: „вы видѣли Меня алчущаго и не напитали;" далѣе: „такъ какъ вы не сдѣлали этого одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ". Для сего таинственнаго тѣла нужны не покровы, а чистая душа, члены же Христовы, т. е. бѣдные, имѣютъ великую нужду въ нашемъ попеченіи. Научимся быть любомудрыми и почитать Христа, какъ Самъ Онъ того хочетъ... Почитай Его тою честію, какую Онъ Самъ заповѣдалъ, т. е. истощай богатство твое на бѣдныхъ. Богу нужны не золотые сосуды, но золотыя души. Говоря сіе, не запрещаю дѣлать богатые вклады; требую только, чтобы вы вмѣстѣ со вкладами, и даже прежде оныхъ, творили милостыню. Тамъ одинъ приносящій получаетъ пользу, а здѣсь и пріемлющій. Тамъ даръ бываетъ иногда поводомъ къ тщеславію, а здѣсь все дѣлается по одному милосердію и человѣколюбію. Что пользы, если трапеза Христова полна золотыхъ сосудовъ, а Самъ Христосъ томится гладомъ? Сперва

напитай Его алчущаго, а потомъ остальное употреби на украшеніе трапезы Его. Ты дѣлаешь золотую чашу, и не даешь чаши студеной воды?! Что пользы устроить для трапезы златотканные покровы, а Христу не дать и нужнаго прикрытія? Какой плодъ оттого? Скажи, напримѣръ: ты видишь человѣка, не имѣющаго у себя необходимой пищи, и вмѣсто того, чтобы утолить его голодъ, только столъ обкладываешь серебромъ: поблагодаритъ ли онъ тебя за это или скорѣе огорчится? И еще: ты видишь человѣка, покрытаго рубищемъ и окоченѣвшаго отъ холода, а вмѣсто того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что дѣлаешь это въ честь его. Не скажетъ ли онъ, что ты надъ нимъ насмѣхаешься и не почтетъ ли сего крайнею обидою? То же представь и о Христѣ, когда Онъ, какъ безпріютный странникъ, ходитъ и проситъ крова: а ты вмѣсто того, чтобы принять Его, украшаешь полъ, стѣны, верхи столбовъ, привязываешь къ лампадамъ серебряныя цѣпи, а на Христа, связаннаго въ темницѣ, и взглянуть не хочешь!“

Изъ твореній св. Іоанна Златоуста.

О ПОСТѢ.

Не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ. (Мѳ. IV, 4).

Постившись сорокъ дней и сорокъ ночей, напослѣдокъ взалкалъ. (Мѳ. IV, 2).

Когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не передъ людьми, но передъ Отцомъ твоимъ, Который втайнѣ; и Отецъ твой видящій тайное воздастъ тебѣ явно. (Мѳ. VI, 17, 18).

Сей же родъ изгоняется только молитвою и постомъ. (Мѳ. XVII, 21).

Кому не приходилось слышать въ настоящее время нападеній на посты? Кому не извѣстны разсужденія людей, повидимому желающихъ быть истинными христіанами: „для чего постъ и — такой строгій, когда Самъ Господь говоритъ, что не входящее въ человѣка сквернитъ, но исходящее изъ сердца, и апостолъ учитъ: не ядый ядущаго да не осуждаетъ (Римл. 14, 3)?“

Но нѣтъ особенной надобности смущаться подобными рѣчами. Нападеніе на постъ столь же древне, какъ родъ человѣческій. Самое первое отверженіе и нарушеніе поста совершилось въ раю. Затѣмъ, во всѣ времена неоднократно повторялись и повторяются до настоящаго времени возгласы о безполезности поста,

по крайней мѣрѣ о возможности истинно-благочестивой жизни безъ соблюденія установленныхъ Церковію пощеній. Бѣдный постъ! Сколько онъ претерпѣлъ укоровъ, навѣтовъ, гоненій! Но вотъ все-таки, по милости Божіей, стоитъ. Значитъ, крѣпки у него основанія...

Одинъ древній учитель Церкви слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ современнымъ ему отрицателямъ поста.

— Какъ! говорятъ намъ, — носить темное платье, отречься отъ всѣхъ удовольствій, поблѣднѣть лицомъ, истомиться отъ поста!? Развѣ Богъ нуждается во всемъ этомъ?

— Ну, хорошо, пусть будетъ по-вашему! Вотъ игла, чтобы убрать ваши волосы! Вотъ пудра, чтобы освѣжить блескъ вашихъ зубовъ! Вотъ притиранья, чтобы распространить по вашимъ щекамъ и губамъ ложную бѣлизну и лицемѣрный румянецъ! Увеличьте ваши издержки, снабдите ваши столы дорогими яствами! Смакуйте старыя вина — и когда васъ спросятъ: къ чему все это?—отвѣчайте: я согрѣшилъ противъ Бога; я въ опасности погибнуть навѣки; я не знаю, что̀ мнѣ дѣлать для того, чтобы изнурить себя, распять свою плоть и примириться съ Богомъ, Котораго я оскорбилъ своими пороками... Что можно сказать о такомъ человѣкѣ?

Въ самомъ дѣлѣ, постъ — неразлучный спутникъ покаянія.

До ѣды ли намъ, тѣмъ болѣе до роскошныхъ ли яствъ, когда насъ постигаетъ какая-нибудь сильная скорбь? Не забываемъ ли мы въ это время всѣ удобства, не лишаемся ли всѣхъ обычныхъ развлеченій, даже сна? Но какая скорбь можетъ быть сильнѣе, глубже, какъ скорбь о грѣхахъ? Не самое ли горькое бѣдствіе

нашей жизни это—то, что мы своими пороками оскорбляемъ Бога и, благодаря имъ, лишаемся общенія съ Нимъ? „Милый сынъ мой, говаривала одна благочестивая мать своему царственному сыну, нѣтъ у меня на свѣтѣ ничего дороже тебя, но я желаю лучше видѣть тебя мертвымъ, чѣмъ запятнаннымъ грѣхомъ". Естественно, что каждый, почувствовавъ дѣйствительно глубину своего паденія и тяжесть грѣха, начинаетъ поститься, и чѣмъ глубже его скорбь о грѣхахъ, тѣмъ строже онъ постится. Напротивъ, кто отговаривается отъ поста, кому не хочется разстаться съ привычными вкусными и изобильными яствами, съ угожденіемъ своей плоти, у того, видно, не глубоко сокрушеніе о грѣхахъ, тому, видно, не дорого спасеніе.

Говорятъ: не въ постѣ дѣло, а въ томъ, чтобы душа наша была чиста передъ Богомъ. Странные люди! Указываютъ на цѣль и отвергаютъ средства, необходимыя для ея достиженія. Одинъ старецъ, встрѣтивъ молодого монаха, вышедшаго изъ харчевни, сказалъ ему: „Э, братъ! не доброе дѣло сюда ходить!"—„Пустяки! отвѣчалъ тотъ. Лишь бы сердце было чисто..."—„Сколько лѣтъ живу я въ пустынѣ, воскликнулъ въ изумленіи старецъ, и пощусь, и молюсь, и рѣдко куда выхожу, но еще не пріобрѣлъ чистаго сердца, а ты, юный, ходя по харчевнямъ, успѣлъ пріобрѣсти чистое сердце. Диво!.."

„Говорятъ: не важное дѣло ѣсть скоромное въ постъ, не въ пищѣ постъ; не важное дѣло носить дорогіе, красивые наряды, ѣздить въ театръ, на вечера, въ маскарады, заводить великолѣпную дорогую посуду, мебель, дорогой экипажъ, лихихъ коней, собирать и копить деньги и проч.; но изъ-за чего сердце наше отвра-

щается отъ Бога, Источника жизни, изъ-за чего теряемъ вѣчную жизнь? Не изъ-за чревоугодія ли, не изъ-за драгоцѣнныхъ ли одеждъ, какъ евангельскій богачъ, не изъ-за театровъ ли и маскарадовъ? Изъ-за чего мы дѣлаемся жестокосердыми къ бѣднымъ и даже къ своимъ родственникамъ? Не изъ-за пристрастія ли нашего къ сластямъ, вообще къ чреву, къ одеждѣ, къ дорогой посудѣ, мебели, экипажу, къ деньгамъ и проч.? Возможно ли работать Богу и мамонѣ? быть другомъ міра и другомъ Божіимъ, работать Христу и Веліару? Невозможно. Изъ-за чего Адамъ и Ева потеряли рай, пали въ грѣхъ и смерть? Не изъ-за яди ли единой? Присмотритесь хорошенько, изъ-за чего мы не радимъ о спасеніи души своей, столь дорого стоившей Сыну Божію; изъ-за чего прилагаемъ грѣхи ко грѣхамъ, впадаемъ непрестанно въ противленіе Богу, въ жизнь суетную? Не изъ-за пристрастія ли къ земнымъ вещамъ, и въ особенности къ сластямъ земнымъ? Изъ-за чего грубѣетъ наше сердце? Изъ-за чего мы дѣлаемся плотію, а не духомъ, извращая свою нравственную природу? Не изъ-за пристрастія ли къ пищѣ, питію и прочимъ земнымъ благамъ? Какъ же послѣ этого говорить, что ѣсть скоромное въ постъ не важно?"

Говорятъ наконецъ: постъ вреденъ для здоровья.

„Удивительная вещь! Сколько мы ни хлопочемъ о своемъ здоровьи, какъ ни бережемъ себя, какихъ самыхъ здоровыхъ и пріятныхъ кушаній ни ѣдимъ, какихъ здоровыхъ напитковъ ни пьемъ, сколько ни отгуливаемся на свѣжемъ воздухѣ, а все въ концѣ-концовъ выходитъ то, что подвергаемся болѣзнямъ и тлѣнію. Святые же, презиравшіе плоть, умерщвлявшіе ее без-

престаннымъ воздержаніемъ и постомъ, бдѣніемъ, трудами, молитвою непрестанною, обезсмертили и душу и плоть свою... Удивительное дѣло! Мы, созидая, разрушаемъ свое тѣло, а они, разрушая, созидали: мы, обливая его благоуханіями, не избѣгаемъ смрада его, а они, не заботясь о благоуханіи тѣла, а о томъ, чтобы душа была благоуханіемъ для Бога,—облагоухали свои тѣла. Братія мои! поймите задачу, цѣль своей жизни. Мы должны умерщвлять многострастное тѣло и страсти плотскія чрезъ воздержаніе, трудъ, молитву, а не оживлять его и страсти его чрезъ лакомство, пресыщеніе, лѣность". Нѣтъ, не постъ, не воздержаніе вредитъ здоровью, здоровье разрушается излишествами всякаго рода. Кому не извѣстно, что при воздержаніи въ пищѣ и питіи человѣкъ чувствуетъ себя бодрѣе, крѣпче, здоровѣе? Бодрость тѣлесная поддерживаетъ и бодрость духовныхъ силъ.

„Нѣтъ, поститься христіанину необходимо для того, чтобы прояснить умъ и развить чувство и подвигнуть къ благой дѣятельности волю. Эти три способности человѣка мы затмеваемъ и подавляемъ болѣе всего *объяденіемъ, пьянствомъ и заботами житейскими*, а чрезъ то отпадаемъ отъ источника жизни—Бога и ниспадаемъ въ тлѣніе и суету, извращая и оскверняя въ себѣ образъ Божій. Объяденіе и сластолюбіе пригвождаютъ насъ къ землѣ и обсѣкаютъ, такъ сказать, у души ея крылья. А посмотрите, какой высокій полетъ былъ у всѣхъ постниковъ и воздержниковъ! Они, какъ орлы, парили въ небесахъ; они, земнородные, жили умомъ и сердцемъ на небесахъ и слышали тамъ неизреченные глаголы, и тамъ научились божественной премудрости.

И какъ человѣкъ унижаетъ себя чревоугодіемъ, объяденіемъ и пьянствомъ! Онъ извращаетъ свою природу, созданную по образу Божію, и уподобляется скоту безсловесному и даже дѣлается хуже его. О, горе намъ отъ пристрастій нашихъ, отъ беззаконныхъ навыковъ нашихъ! Они препятствуютъ намъ любить Бога и ближнихъ и исполнять заповѣди Божіи; они коренятъ въ насъ преступное плотское себялюбіе, коего конецъ— погибель вѣчная. Такъ пьяница, для удовольствія плоти и одурѣнія себя не жалѣетъ множества денегъ, а нищимъ жалѣетъ копейки; курилъ табаку бросаетъ на вѣтеръ десятки и сотни рублей, а нищимъ жалѣетъ копеекъ, которыя могли спасти его душу; любящіе одѣваться роскошно или охотники до модной мебели и посуды тратятъ на одежду и мебель съ посудою огромныя деньги, а мимо нищихъ проходятъ съ холодностью и презрѣніемъ; любящіе хорошо поѣсть не жалѣютъ на обѣды десятки и сотни рублей, а бѣднымъ жалѣютъ грошей".

„Поститься и потому христіанину необходимо, что съ вочеловѣченіемъ Сына Божія природа человѣческая одухотворена, обожена, и мы поспѣшаемъ къ горнему царствію, которое нѣсть брашно и питіе, но правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ; брашна чреву и чрево брашномъ, Богъ же и сіе и сія упразднитъ (Римл. 14, 17). Ѣсть и пить, то-есть, имѣть пристрастіе къ чувственнымъ удовольствіямъ свойственно только язычеству, которое, не зная духовныхъ небесныхъ наслажденій, поставляетъ всю жизнь въ удовольствіи чрева, въ многоядении и многопитіи. Оттого Господь часто обличаетъ въ Евангеліи эту пагубную страсть. Да и разумно ли

человѣку жить непрестанно въ желудочномъ чаду, въ желудочныхъ испареніяхъ, поднимающихся внутри отъ непрестаннаго варенія пищи и ея броженія? Развѣ человѣкъ только ходячая кухня или самодвижущаяся дымовая труба, какой по справедливости можно уподобить всѣхъ, занимающихся непрестаннымъ куреніемъ? Какое удовольствіе жить въ непрестанномъ чаду, испареніи и дыму? На что будутъ похожи жилища наши? Зачѣмъ мы будемъ заражать воздухъ смрадомъ и дышать имъ, а паче всего омрачать душу, убивать ея послѣднія духовныя силы?"

Много бы можно было сказать о необходимости воздержанія и поста, но, чтобы не удлинять бесѣды, скажемъ кратко: „Постъ—хорошій учитель: 1) онъ скоро даетъ понять всякому постящемуся, что всякому человѣку нужно очень немного пищи и питья, и что вообще мы жадны и ѣдимъ, пьемъ гораздо больше надлежащаго, то-есть того, чѣмъ сколько требуетъ наша природа; 2) постъ хорошо указываетъ или обнаруживаетъ всѣ немощи нашей души, всѣ ея слабости, недостатки, грѣхи и страсти, какъ начинающая очищаться мутная, стоячая вода оказываетъ, какіе водятся въ ней гады или какого качества соръ; 3) онъ показываетъ намъ всю необходимость всѣмъ сердцемъ прибѣгать къ Богу и у Него искать милости, помощи, спасенія; 4) постъ показываетъ всѣ хитрости, коварство, всю злобу безплотныхъ духовъ, которымъ мы прежде, не вѣдая, работали, которыхъ коварства, при озареніи теперь насъ свѣтомъ благодати Божіей, ясно оказываются, и которые теперь злобно преслѣдуютъ насъ за оставленіе ихъ путей".

Господь нашъ І. Христосъ постился, апостолы постились и притомъ—не мало, но *въ пощеніяхъ многащи*; и всѣ святые Божіи соблюдали строгій постъ, такъ что, по словамъ одного великаго учителя благочестія, „если бъ дано было намъ обозрѣть обители райскія, мы не нашли бы тамъ ни одного, кто бы чуждался поста. Такъ и слѣдуетъ. Нарушеніемъ поста потерянъ рай,—подъятіе строгаго поста должно стоять въ числѣ средствъ къ возвращенію потеряннаго рая".

Что же!? Можемъ ли мы убѣдить всѣхъ отрицателей поста въ его необходимости для духовнаго обновленія, для исправленія души?

„Куда намъ! воскликнемъ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ учителемъ благочестія, куда намъ! Лобъ у нихъ мѣдянъ и выя желѣзна!.. Что вы съ ними сдѣлаете?.. А у насъ Богъ — Господь І. Христосъ постившійся, Мать у насъ—св. Церковь, уставами требующая поста, споручники наши св. апостолы, всѣ постники и законоположники поста! Такъ намъ иначе нельзя..." (Еписк. Ѳеофана „Письма о христ. жизни". 126).

„Благодарю всесвятую, всеблагую и премудрую матерь мою—Церковь Божію, спасительно руководствующую меня въ семъ временномъ житіи и воспитывающую меня для гражданства небеснаго; благодарю ее за всѣ чины молитвъ, богослуженія, таинствъ и обрядовъ; благодарю ее за посты, столь для меня благодѣтельные въ духовномъ и тѣлесномъ отношеніи; благодарю непорочную матерь мою—Церковь Божію, восхищающую меня небеснымъ служеніемъ своимъ, восторгающую горѣ, къ небеси духъ мой, просвѣщающую умъ

мой небесною истиною, указующую мнѣ пути живота вѣчнаго, избавляющую отъ насилія страстей, дѣлающую жизнь мою блаженною".

Изъ дневника отца Іоанна кронштадтскаго.

ЕЩЕ О ПОСТѢ.

Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви; истинный постъ есть злыхъ отчужденіе, воздержаніе языка, ярости отложеніе, похотей отлученіе, оглаголанія, лжи и клятвопреступленія. (Стихъ въ понедѣльникъ В. поста).

Церковный стихъ сей справедливо можно назвать поученіемъ церковнымъ на всѣ святые посты. Наши слова и проповѣди, по самой слабости ихъ, бываютъ нерѣдко продолжительны; а поученіе Церкви столь же кратко, сколько сильно и дѣйствительно. Тѣмъ нужнѣе обратить на него вниманіе и поразмыслить о томъ, чему учитъ въ отношеніи къ посту св. Церковь. Постимся постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Господеви!—Значитъ есть постъ непріятный и неблагоугодный Господу! Какой это постъ?

Тотъ, когда ты не вкушаешь обыкновенной, а можетъ-быть, и никакой пищи, а своимъ гнѣвомъ и строптивостью изъядаешь душу и тѣло подручныхъ твоихъ слугъ или домашнихъ. Тотъ постъ, когда ты въ храмѣ

падаешь на землю и просишь себѣ отпущеніе грѣховъ, говоришь, чтобы они прощены были такъ же, какъ ты прощаешь всѣ прегрѣшенія противу тебя, а вышедъ изъ храма пойдешь въ судъ, чтобы преслѣдовать бѣднаго должника твоего, взыскать съ него до послѣдней лепты, посадить его, въ противномъ случаѣ, въ темницу, разорить весь домъ его и семейства. Тотъ постъ не благопріятенъ Господу, когда ты, по внѣшности, какъ будто смиряешь себя и говоришь, что ты первый изъ грѣшниковъ, а внутренно не знаешь мѣры своимъ мнимымъ достоинствамъ. Тотъ постъ не пріятенъ и не угоденъ Богу, когда ты хочешь и ожидаешь, чтобы за малые поклоны и нѣсколько воздыханій твоихъ отверзлись для тебя всѣ сокровища благодати Божіей, уврачеваны были всѣ язвы твоей совѣсти, чтобы тебя ввели на самую вечерю Царскую и напитали Тѣломъ и Кровію Христовою; а самъ при всѣхъ стонахъ и вопляхъ бѣдныхъ братій твоихъ не расположенъ удѣлить имъ и малой части отъ избытковъ твоихъ, хладнокровно оставляешь безъ всякой помощи больныхъ и страждущихъ, медлишь ввести подъ кровъ твой странныхъ, скупишься раздѣлить съ алчущими не тѣло и кровь твою (пусть они остаются съ тобою), а тѣ горы и холмы снѣдей, отъ коихъ едва не распадаются житницы твои".

Изъ поученій преосвященнаго Иннокентія.

О ПОКАЯНІИ.

Покайтесь! (Мѳ. III, 2).

Сказываю вамъ, что такъ на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о девяносто девяти праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи (Лук. XV, 7).

Мытарь же, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на небо; но, ударяя себя въ грудь, говорилъ: Боже! будь милостивъ ко мнѣ, грѣшному! (Лук. XVIII, 13).

Жертва Богу духъ сокрушенный; сердца сокрушеннаго и смиреннаго Ты не презришь, Боже! (Пс. L, 19).

Приблизьтесь къ Богу, и приблизится къ вамъ; очистите руки, грѣшники, исправьте сердца, двоедушные. Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смѣхъ вашъ да обратится въ плачъ, и радость—въ печаль. Смиритесь предъ Господомъ и вознесетъ васъ (Іак. IV, 8—10).

Сотворите же достойные плоды покаянія! (Мѳ. III, 8).

Подобно тому, какъ находятся люди, отвергающіе посты, такъ, къ величайшему сожалѣнію, все чаще приходится встрѣчать людей, не думающихъ о покаяніи. О, если бы такіе люди могли хотя однажды, въ минуту душевнаго просвѣтлѣнія, сознать весь вредъ, происходящій отъ этого небреженія, они, навѣрное, сами первые ужаснулись бы своего духовнаго состоянія!

Въ болѣзняхъ тѣлесныхъ мы спѣшимъ къ врачу. Но вѣдь безспорно, что и душа, подобно тѣлу, подвержена болѣзнямъ. Болѣзни души—это страсти. И подобно тому, какъ запущенная физическая болѣзнь разрушаетъ нашъ организмъ, точно такъ же страсти, не подавленныя вначалѣ, производятъ ужасное опустошеніе въ душѣ, убиваютъ душу. Вотъ передъ вами старый скупецъ: вся душа его ушла въ деньги, омертвѣвши для самыхъ дорогихъ привязанностей, для самыхъ священныхъ чувствъ. Стоны и вопли ближнихъ, друзей, родственниковъ, даже дѣтей не тронутъ окаменѣвшаго сердца скупца... Ужасно! скажете вы. А вѣдь и въ этомъ скупцѣ, навѣрное, когда-то билось горячее, любящее сердце... Вы знали прекраснаго, добраго, симпатичнаго юношу, возбуждавшаго свѣтлыя надежды всѣхъ его знавшихъ. Вотъ, передъ вами отталкивающій, ужасный образъ пьяницы, готоваго на все дурное, чтобы только удовлетворить своей страсти къ вину, опустившагося до состоянія животнаго, даже хуже... Боже! Что же сталось съ этимъ молодымъ человѣкомъ? Куда дѣлись всѣ прекрасные душевные задатки? Какъ измѣнился его внѣшній видъ! Какое горькое зрѣлище! Или вотъ еще примѣръ: вы внезапно узнаете о какомъ-нибудь ужасномъ злодѣяніи, вы поражены, недоумѣваете: такой кроткій, тихій человѣкъ — да развѣ можно было предположить, чтобы онъ могъ покуситься на что-либо подобное? Но вы не знаете, что въ его душѣ развилась страсть, развившись и окрѣпши, вырвалась съ ужасающей силой наружу...

Дѣло въ томъ, что всякая страсть, возгнѣздившись въ душѣ и не встрѣчая противодѣйствія, растетъ и пи-

тается на счетъ всѣхъ другихъ душевныхъ силъ и наклонностей, буквально съѣдая все доброе въ человѣкѣ, производя въ душѣ такое страшное опустошеніе, что, подъ ея вліяніемъ, человѣкъ становится непохожимъ на самого себя, неузнаваемымъ для другихъ.

Въ материнской заботливости о своихъ чадахъ св. Церковь предлагаетъ намъ дѣйствительнѣйшее средство для уврачеванія нашихъ душевныхъ язвъ. Это — покаяніе и исповѣдь. „Чѣмъ дольше не каемся, тѣмъ хуже для насъ самихъ, тѣмъ запутаннѣе узы грѣховныя становятся“. „Грѣхи—тайные змѣи, грызущіе сердце человѣка и все его существо; они не даютъ ему покоя, непрестанно сосутъ его сердце; грѣхи—колючее терніе, бодущее непрестанно душу; грѣхи — грѣховная тьма“. „Каяться значитъ въ сердцѣ чувствовать ложь, безуміе, виновность грѣховъ своихъ,— значитъ сознавать, что оскорбили ими своего Творца, Господа, Отца и Благодѣтеля, безконечно святаго и безконечно гнушающагося грѣхомъ,— значитъ всею душою желать исправленія и заглажденія ихъ“. „Исповѣдываться во грѣхахъ чаще надо для того, чтобы поражать, бичевать грѣхи открытымъ признаніемъ ихъ и чтобы больше чувствовать къ нимъ омерзѣніе“.

Разсмотримъ, когда, при какихъ условіяхъ покаяніе приводитъ къ желаемой цѣли—уврачеванію нашихъ душевныхъ язвъ, къ полному очищенію души.

Прежде всего „покаяніе должно быть искреннее и совершенно свободное, а никакъ не вынужденное временемъ и обычаемъ или лицомъ исповѣдающимъ. Иначе это не будетъ покаяніе. *Покайтеся,* сказано, *приближи бо ся царство небесное* (Мѳ. 4, 17), приближися, то-есть.

само пришло, не нужно долго искать, оно ищетъ васъ, вашего свободнаго расположенія".

Далѣе — раскаяніе должно быть безусловно искреннимъ, безъ всякаго лукавства или самооправданія. „Братіе и сестры говѣющіе! Убоимся окаменѣннаго нечувствія грѣховъ нашихъ; убоимся гордости своей сердечной, которая говоритъ: не нуждаюсь я въ прощеніи грѣховъ, я не виноватъ, я не грѣшенъ, или: грѣхи у меня легкіе, человѣческіе, — какъ-будто нужно, чтобы были бѣсовскіе; или: мнѣ не худо и во грѣхахъ моихъ жить. Это сатанинская гордость... Восчувствуемъ глубоко, всѣмъ сердцемъ, безчисленныя беззаконія свои, будемъ воздыхать объ нихъ изъ глубины души, прольемъ объ нихъ слезы умиленія и умилостивимъ разгнѣваннаго Владыку. Не станемъ нимало оправдывать себя, какъ фарисеи, лицемѣры, ибо не оправдится, сказано, предъ Богомъ всякъ живый (Псал. 142, 2), а однимъ только искреннимъ покаяніемъ во грѣхахъ можемъ умилостивить Бога. Оставимъ равнодушіе и холодность, будемъ духомъ горящимъ работать Господу; не станемъ забывать, что за долгій періодъ беззаконной жизни мы пришли нынѣ умилостивлять Владыку живота нашего и праведнаго Судію нашего. Время ли тутъ холодности и равнодушія, не одобряемыхъ и въ общежитіи при сношеніяхъ съ людьми; не должна ли вся душа наша обратиться въ огонь духовный и излиться въ слезахъ чистосердечнаго раскаянія?"

Покаяніе должно сопровождаться сокрушеніемъ сердца и плачемъ о грѣхахъ. Слезы покаянія всѣмъ необходимы, и безъ нихъ нѣтъ спасенія. Одинъ святой

мужъ, проходя мимо кладбища съ своими учениками и, увидавъ вдову, съ воплемъ и рыданіями проливавшую слезы надъ могилою мужа, сказалъ своимъ ученикамъ: какъ убивается вдова сія на могилѣ, такъ намъ необходимо убиваться о душѣ своей, которую мы уморили грѣхами своими и похоронили на чуждой ей землѣ міра и похотей плотскихъ. „Покаяніе только на словахъ, безъ намѣренія исправленія и сокрушенія, называется лицемѣрнымъ. Сознаніе грѣховъ затмевается,—надо его прояснить; чувство заглушается, притупляется,—надо его пробуждать; воля тупѣетъ, обезсиливаетъ для исправленія,—надо ее принуждать; *царство небесное силою берется*“ (Мѳ. 11, 12).

Сокрушаясь всѣмъ сердцемъ о своихъ грѣхахъ и проливая слезы покаянія, кающійся долженъ принести искреннѣйшій обѣтъ Богу—разорвать узы, связывающія его со грѣхомъ, и исправить свою жизнь. Кающійся долженъ всею душою возненавидѣть грѣхъ, возжечь въ себѣ желаніе противостоять его соблазнамъ, истребить въ себѣ противленіе Богу и возжечь желаніе — исполнять Его заповѣди,—словомъ, совершить внутренній переворотъ, переломить свою волю. „Не просто бо воздержаніе отъ злыхъ, говоритъ св. Макарій, очищеніе есть; но истребленіе тѣхъ изъ совѣсти совершенное есть очищеніе. Вниди ты, кто либо еси, чрезъ возрастающія въ тебѣ выну помышленія, къ военноплѣнной и рабѣ грѣха душѣ твоей, и разсмотри до дна мысли твои, и глубину помышленій изслѣдуй: и узриши въ нѣдрахъ души твоея ползающаго и гнѣздящагося змія, убивающаго тебя отравою частей души твоея. Неизмѣримая бо бездна есть сердце; но аще убіеши

змія сего, похвалися предъ Богомъ о чистотѣ твоей".

Подвигъ покаянія долженъ сопровождаться молитвою, и молитва поддержитъ насъ. Когда, въ виду своей порочности и силы грѣха надъ душою, овладѣетъ тобою уныніе и, Боже упаси, отчаяніе въ Божіемъ милосердіи, „скажи отъ глубины души вмѣстѣ съ Метафрастомъ: „знаю, Владыко мой, что беззаконія мои превзыдоша главу мою, но безмѣрно множество щедротъ Твоихъ, неизреченна и милость незлобивой Твоей благодати, и нѣтъ грѣха, побѣждающаго Твое человѣколюбіе. Удиви же, пречудный Царю, незлобиве Господи, и на мнѣ грѣшномъ милости Твоя, покажи благости Твоея силу, и яви крѣпость благопотребнаго милосердія Твоего, и прими меня, обращающагося къ Тебѣ грѣшника... Я уповаю на Тебя, Боже мой! Если есть для меня надежда спасенія, если человѣколюбіе Твое безъ числа превышаетъ множество беззаконій моихъ, буди мнѣ Спаситель и по щедротамъ Твоимъ и милостямъ Твоимъ ослаби, остави мнѣ все, въ чемъ я согрѣшилъ предъ Тобою, ибо множествомъ золъ наполнилась душа моя, и нѣтъ во мнѣ надежды спасенія". „Ты грѣшникъ, ты постоянно падаешь, научись возставать; позаботься о снисканіи этой мудрости. Эта мудрость состоитъ вотъ въ чемъ: выучи наизусть псаломъ „Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей", внушенный царю и пророку Давиду Духомъ Святымъ, и читай его съ искреннею вѣрою и упованіемъ; послѣ искренняго раскаянія твоего, выраженнаго словами царя Давида, тебѣ тотчасъ возсіяетъ отъ Господа прощеніе грѣховъ, и ты ощутишь миръ душевныхъ своихъ силъ".

Приготовившись достойнымъ образомъ, сознавъ и оплакавъ грѣхи свои, ощутивъ въ себѣ рѣшимость исправить свою жизнь, христіанинъ долженъ исповѣдать грѣхи свои предъ священникомъ. Исповѣдь безусловно необходима для очищенія души. „Трудность и болѣзненную жгучесть операціи вынесешь, зато здравъ будешь. Это значитъ, что надо на исповѣди безъ утайки всѣ свои срамныя дѣла духовнику открыть, хотя и больно и стыдно, позорно, унизительно. Въ противномъ случаѣ рана останется неизлѣченною и будетъ болѣть, и ныть, и подтачивать душевное здравіе, закваскою останется для другихъ душевныхъ немощей или грѣховныхъ привычекъ и страстей. Священникъ—врачъ духовный; покажи ему раны, не стыдясь, искренно, откровенно, съ сыновнею довѣрчивостью: вѣдь духовникъ—твой отецъ духовный, который долженъ любить тебя больше твоихъ родныхъ—отца и матери, ибо Христова любовь выше плотской, естественной любви,—за тебя онъ долженъ дать отвѣтъ Богу. Отчего жизнь наша стала такъ нечиста, исполнена страстей и грѣховныхъ навыковъ? Оттого, что весьма многіе скрываютъ свои душевныя раны или язвы, оттого они и болятъ, и раздражаются, и нельзя къ нимъ приложить никакого врачевства“.

„Кто привыкаетъ давать отчетъ о своей жизни на исповѣди здѣсь, тому не будетъ страшно давать отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Для того и установлено здѣсь кроткое судилище покаянія, чтобы намъ, очищеннымъ и исправившимся чрезъ здѣшнее покаяніе, дать непостыдный отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ. Это первое побужденіе къ искреннему покаянію

и притомъ непремѣнно ежегодному. Второе побужденіе составляетъ спокойствіе: тѣмъ спокойнѣе будетъ на душѣ, чѣмъ искреннѣе исповѣдь. Сказалъ Господу грѣхи съ сокрушеніемъ сердца — и растаяли; вздохнулъ, пожалѣлъ о грѣхахъ — и нѣтъ ихъ. *Глаголи беззаконія твоя, да оправдишися.* Какъ приходятъ, такъ и уходятъ. Мечта—мечта и есть. Созналъ, что они мечта, нелѣпость, безуміе, возымѣлъ намѣреніе впредь вести себя исправно — и Богъ очистилъ ихъ чрезъ Своего служителя и Св. Таинства".

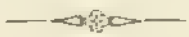
„Священники на страшномъ судѣ будутъ свидѣтелями предъ Спасителемъ о покаявшихся грѣшникахъ, что они раскаялись или не раскаялись въ тѣхъ или другихъ грѣхахъ, и покаявшіеся будутъ прощены. Но для чего Богу свидѣтели, когда Онъ все знаетъ Самъ, какъ сказано: не требоваше, да кто свидѣтельствуетъ о человѣцѣхъ, Самъ бо вѣдяше, что бѣ въ человѣцѣ (Іоан. 2, 25)? Богу не нужны, но намъ они нужны; намъ пріятно будетъ видѣть, какъ священники засвидѣтельствуютъ объ насъ предъ ангелами и человѣками, что мы покаялись въ грѣхахъ своихъ, осуждали себя, выражали отвращеніе ко грѣху, принимали твердое намѣреніе не грѣшить".

Наконецъ, каждый искренно кающійся и исповѣдующій грѣхи свои долженъ знать, что его покаяніе, доставляя ему душевное спокойствіе и радость очищенія отъ грѣха, въ то же время составляетъ предметъ радости на небѣ. „Какъ тебѣ пріятно бываетъ, какъ весело, когда ты найдешь какую-либо потерянную нужную и цѣнную вещь! Ты готовъ скакать отъ радости. Вообрази же, какъ пріятно Отцу небесному при видѣ

пропадавшаго чада Своего — человѣка-грѣшника, но нашедшагося, при видѣ погибавшей и ожившей овцы Своей, при видѣ утраченной и найденной драхмы Своей. то-есть этого живого образа Божія—человѣка? Невозможно описать этой радости. Радость у Отца небеснаго о пропадавшемъ и нашедшемся блудномъ сынѣ Своемъ такъ велика, что подвизаетъ къ радости все любящее и доброжелательное небо: ибо радость бываетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся"...

„Погибающіе братія и сестры! возвратитесь съ пути погибели къ Отцу небесному! Покайтеся, приближи бо ся царствіе небесное!"

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.



ЕЩЕ О ПОКАЯНІИ.

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы (Мѳ. XI, 28).

Согрѣшившимъ во святомъ крещеніи едина надежда осталась—истинное покаяніе.

Слава Богу о семъ, слава Богу, еще мы не погибли. Грѣшники! Еще надежда осталась, еще щедроты Божіи не скончалися, еще покаяніе грѣшникамъ проповѣдуется, еще нищимъ благовѣствуется, еще Царя небеснаго милость вездѣ возвѣщается, еще двери милосердія не затворены, еще благодать Божія всѣмъ отверста, еще

Евангеліе и Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, проповѣдуется, еще царствіе Божіе возвѣщается, еще грѣшники кающіеся спасаются, и мытари и любодѣи, очистившіеся покаяніемъ, въ царствіе Божіе входятъ; еще Богъ милосердый всѣхъ отвратившихся къ Себѣ призываетъ и ожидаетъ и обѣщаетъ милость; еще Отецъ чадолюбивый блудныхъ сыновъ, отъ страны дальней возвращающихся, пріемлетъ, и дому Своего двери имъ отверзаетъ, и въ первую одежду ихъ облекаетъ и даетъ перстень каждому на руку, и сапоги на ноги, и всей Своей святой фамиліи велитъ радоваться о нихъ: радуйтеся, ангели, и вси избранніи Мои! Грѣшники ко Мнѣ обращаются, человѣки, созданіе Мое, по образу Моему и по подобію сотворенное, погибшіи спасаются, мертвіи оживляются, и изгибшіи обрѣтаются.

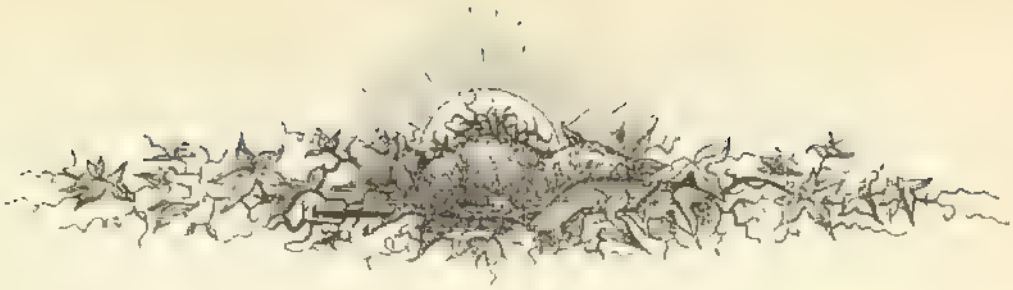
Слава благости Его, слава человѣколюбію Его, слава милосердію Его, слава щедротамъ Его!

Грѣшники бѣдніи! что и мы медлимъ на дальней странѣ и не идемъ ко Отцу нашему? Что гладомъ гибнемъ? Что беззаконіями, аки рожцами, исполняемся? Въ дому Отца нашего всякое изобиліе есть: тамо и наемники до избытка насыщаются. Съ великимъ усердіемъ и желаніемъ ждетъ насъ Отецъ нашъ и возвращающихся къ Нему издалеча любезно увидитъ насъ, и милосердыми очами воззритъ на насъ, и милы будемъ Ему, и такъ нападетъ на выю нашу и облобызаетъ насъ лобзаніемъ любве Своея святыя, и не будетъ намъ выговаривать, и грѣховъ нашихъ и беззаконій нашихъ не помянетъ ктому, и начнутъ о насъ радоваться и веселитися вси святіи ангели и избранніи Его. Ну жъ, пріидемъ въ себе, и возставше пойдемъ и поспѣшимъ къ

Отцу нашему, и всякъ скажетъ ему со смиреніемъ и жалѣніемъ: Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися Сынъ Твой; сотвори мя яко единаго отъ наемникъ Твоихъ! (Лк. 15, 18 и 19).

Поспѣшимъ, поспѣшимъ, грѣшники, пока время не ушло, пока Отецъ ждетъ, пока двери дому Его святаго не затворены. Покаемся, пока милосердіе Божіе дѣйствуетъ, да не познаемъ на себѣ правды Божія дѣло, вѣчный судъ. Аминь.

Изъ твореній св. Тихона Задонскаго.



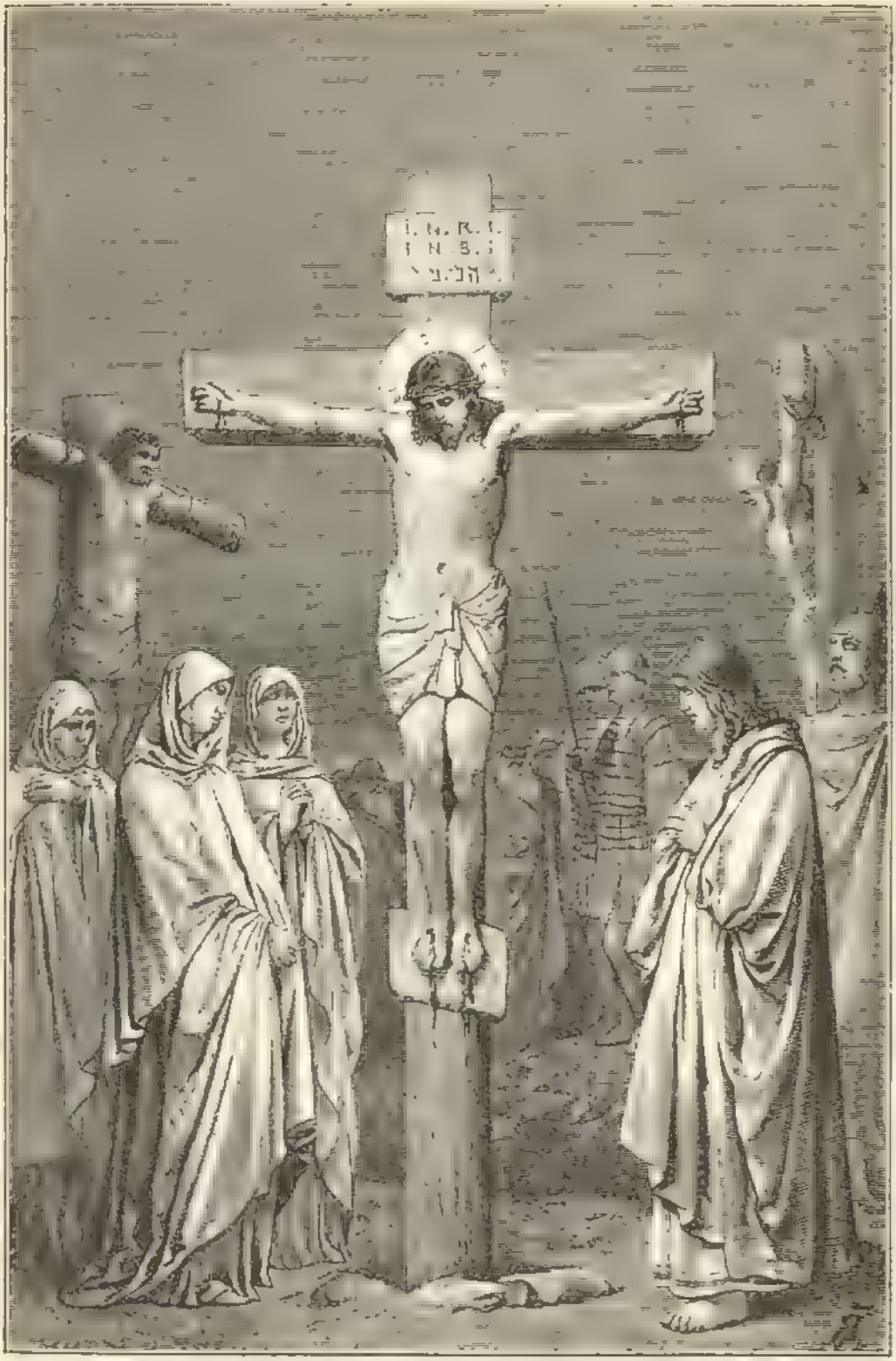
О КРЕСТѢ.

(Къ 4-й недѣлѣ Великаго поста).

Кресту Твоему покланяемся, Владыко!

„Взирая на крестъ Спасителя, созерцай распятую на немъ нашего ради спасенія Любовь и помышляй, для какого блаженства Онъ спасъ насъ, отъ какихъ мукъ Онъ искупилъ насъ! Изъ челюстей какого звѣря Онъ исторгнулъ насъ и къ какому Отцу Онъ приводитъ насъ! О любовь! О выкупъ! О ужасы мученій безконечныхъ! О блаженство неописанное и конца не имущее!“ (О. Іоаннъ кронштадтскій. „Моя жизнь во Христѣ“. 1, 195).

Среди житейской суеты, въ шумѣ и разнообразіи свѣта не часто приходится углубляться въ себя и прислушиваться къ голосу совѣсти. Многіе даже намѣренно ищутъ всевозможныхъ развлеченій, чтобы не остаться наединѣ съ самимъ собой. Такъ, душа человѣка, опутанная узами грѣха, какъ бы засыпаетъ. Но по великой милости Божіей человѣку почти никогда не удается совершенно усыпить и заглушить своей совѣсти. Бываютъ минуты, когда она просыпается и подобно молніи ярко озаряетъ всю тьму нашей жизни, всю мерзость



Распятіе Господа Іисуса Христа.

грѣха и представляетъ всѣ наши дѣйствія и побужденія въ истинномъ свѣтѣ. Такое прозрѣніе, отражаясь въ сердцѣ, порождаетъ чувства безпокойства и душевнаго разстройства, жгучую скорбь о своей грѣховности, глубокое убѣжденіе въ томъ, что не слѣдуетъ быть такимъ, какъ всегда, потребность выйти изъ такого ужаснаго состоянія...

Когда человѣкъ приходитъ въ такое настроеніе, его сердце „готово бываетъ на все и гибко, подобно шелковой матеріи. Тогда, что ни скажи, оно все сдѣлаетъ. Скажи ему: плачь,—заплачетъ; скажи: исповѣдуй грѣхи,—исповѣдуетъ; скажи ему: перестань грѣшить,—и отвѣтитъ: перестану, перестану. Тогда останется только одно еще сдѣлать: навесть на него зеркало Слова Божія, и заставить его смотрѣться въ немъ. Тогда оно отразится въ семъ зеркалѣ со всѣми своими пятнами, морщинами и ранами, то-есть, со всѣми грѣхами, и большими и малыми; тутъ увидитъ оно и гордость и спесь, блудъ и тщеславіе, щегольство и сластолюбіе, обиды, гнѣвъ, зависть и проч... вообще все, чѣмъ чье сердце грѣшно предъ Господомъ. Спросите его тогда: ты ли это? и оно охотно отвѣтитъ: да, это я... несчастное; а въ другое время оно спрячется или укажетъ на другого. Говорите ему: во всемъ этомъ ты виновно? Оно отвѣтитъ: да, я виновно и само добровольно все сіе надѣлало... а въ другое вромя оно сего не скажетъ. Говорите ему: ты безотвѣтно?—да, безотвѣтно; а въ другое время оно наговоритъ бездну оправданій и извиненій. Прибавьте ему, наконецъ: припади же къ стопамъ милосердія Божія и умоляй Его о помилованіи... плачь и сокрушайся, исповѣдуй всѣ грѣхи и положи твердое

намѣреніе не поблажать болѣе страстямъ своимъ, не грѣшить и не оскорблять Господа своего! И все сіе оно совершитъ, какъ послушное дитя. А въ другое время ему хоть и не говори! Вотъ какъ дорого умягченіе и сокрушеніе сердца! Оно одно замѣняетъ всѣ правила и всѣ руководства. Умягчите свое сердце и сокрушите его, и оно тогда само научитъ васъ всему!..“ (*Еп. Ѳеофана. Письма о христіанской жизни.* 175).

Но что нужно сдѣлать, чтобы привести сердце въ такое состояніе? Что нужно для того, чтобы ледъ превратить въ воду? Чтобы твердое желѣзо сдѣлать мягкимъ, какъ воскъ?!

Подъ лучами солнца ледъ таетъ. При сильномъ огнѣ плавятся твердые металлы. То же и съ сердцемъ. Поставьте его предъ лучами любви Божіей; пусть небесное пламя коснется его, и оно также смягчится.

У естествоиспытателей есть приборъ, который, сосредоточивая лучи солнца, зажигаетъ вещество, подвергнутое дѣйствію собранной теплоты. Нѣчто подобное можно сдѣлать и съ сердцемъ. Мы со всѣхъ сторонъ окружены дарами любви Божіей, но ничто сильнѣе, поразительнѣе не говоритъ объ этой безконечной любви, какъ крестъ Христовъ. Станемъ у креста—и поймемъ всю безпредѣльную силу этой любви. Закоренѣлое во грѣхахъ, свыкшееся со зломъ, неправдами и заблужденіями сердце человѣка упорствуетъ и противится волѣ Божіей, не страшится ни угрозъ, ни ударовъ судьбы. Но то, чего не достигаютъ ни кары, ни угрозы, то совершаетъ часто одинъ взглядъ на умирающаго на крестѣ Искупителя міра. При крестѣ сокрушается самое жестокое сердце, побѣждается закоренѣлое упорство

грѣшника; здѣсь онъ проливаетъ горькія слезы раскаянія; здѣсь научается любить и страдать...

Если ты желаешь мира душевнаго, утѣшенія и очищенія души своей, христіанинъ, приблизься и стань у креста и представь себѣ, что̀ сдѣлалъ для тебя Искупитель. „Поминай оную нощь, въ которую Онъ скорбѣлъ, тужилъ, ужасался и рыдалъ съ колѣнопреклоненіемъ предъ Отцомъ Своимъ небеснымъ, и явившимся Ему ангеломъ съ небесе укрѣпляемъ былъ: и бысть потъ Его яко капли крове, каплющыя на землю (Лук. 22, 44). Поминай нощь, въ которую отъ ученика проданъ и преданъ былъ въ руки беззаконныхъ, и связанный веденъ былъ на сонмище, и судимъ былъ Судія всѣхъ, и заушенъ, и поруганъ, и уязвленъ, и оплеванъ былъ, и отъ всѣхъ оставленъ былъ. Поминай оное утро, въ которое отъ беззаконныхъ людей Своихъ къ Пилату приведенъ и отъ него къ Ироду посланъ и укоренъ, и посмѣянъ былъ. Поминай то время, въ которое вопили на Него народи къ Пилату: возми, возми, распни Его! — то время, въ которое плещи Своя далъ на раны, и ланиты на заушеніе; въ которое отъ воиновъ хламидою червленою одѣянъ, и терніемъ вѣнчанъ, и оплеванъ, и тростію біенъ; въ которое на распятіе, при позорищѣ народа многаго, яко осужденникъ, веденъ былъ, и нагъ ко кресту пригвожденъ былъ, и между двумя разбойниками, яко злодѣй, повѣшенъ былъ, и въ жажду оцтомъ съ желчію напоенъ былъ и отъ мимоходящихъ посмѣянъ былъ...“ Представляй себѣ, что ты слышишь какъ бы голосъ Самого Господа, обращенный къ тебѣ со креста: „Почто ты Мене оставилъ? Почто тебе возлюбившаго удаляешься? Помни, яко тебе ради Я родился отъ Дѣвы.

и рабій зракъ пріялъ; тебе ради младенчествовалъ, обнищалъ, смирился, на земли пожилъ, плакалъ, трудился, гоненіе, злословіе, укореніе, безчестіе, поруганіе, раны, заплеванія, насмѣяніе и всякое злостраданіе претерпѣлъ; наконецъ, смертію крестною умеръ. Сошелъ съ небесъ, чтобы тебе на небо вознести; смирился, чтобы тебе возвысить уничиженнаго; обнищалъ, чтобы тебе обогатить обнищавшаго; обезчестился, чтобы тебе прославить обезчещеннаго; уязвился, чтобы исцѣлить тебе уязвленнаго; умеръ, чтобы тебе оживить умершаго. Ты согрѣшилъ, а Я грѣхъ твой на Себе взялъ; ты виноватъ, а Я казнь претерпѣлъ; ты должникъ, а Я за тебе долгъ заплатилъ; ты на смерть осужденъ, а Я за тебе умеръ. И къ сему Моему за тебе страданію не иное что, какъ любовь Моя къ тебѣ привлекла Мене. Почто убо самовольно сію Мою любовь, труды, подвиги, страданія, тебе ради подъятыя, пренебрегаешь?..“

Представляя все это въ умѣ своемъ, христіанинъ, при крестѣ твоего Искупителя, „твердо увѣрься, что Онъ твой Искупитель, Избавитель, Спаситель, Помощникъ, Защитникъ, Надежда и Животъ вѣчный, и все блаженство, и кромѣ Его и безъ Него нѣтъ тебѣ надежды и спасенія. Когда вся сія разсудиши и увѣришися, неотмѣнно, благодатію Святаго Духа, возбудится въ сердцѣ твоемъ живая вѣра въ Него. Познавши, что Сынъ Божій пришелъ тебе спасти и пострадалъ за тебе, тотчасъ познаешь и любовь къ тебѣ Небеснаго Отца, который ради тебе Сына Своего не пощадилъ, но на страданіе и смерть предалъ. А оттуду послѣдуетъ несомнѣнная надежда вѣчнаго живота и блаженства и исполненія всѣхъ обѣщаній Божіихъ. Иже убо Сына

Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?“ (Рим. 8, 32).

Размышляя о крестныхъ страданіяхъ Искупителя, обрати вниманіе на себя и скажи самъ въ сердцѣ своемъ: „Ради мене толикое безчестіе и мученіе терпѣлъ Господь мой!.. Терпѣлъ волею—о, кто я и что я, что ради мене терпѣлъ Господь мой?! Земля и пепелъ, грѣшникъ и рабъ непотребный!.. Возстани, душе моя, возстани, ужаснися, смирися, поклонися и припади Господу Твоему! О Господи! Что воздамъ благости Твоей, что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде ми? Аще бы тысящу разъ умеръ я ради Тебе, ни что бы было; понеже Ты—Господь мой, Создатель мой и Богъ мой, я же—земля и пепелъ, и грѣшникъ и рабъ Твой непотребный... Что воздамъ я, который ничего не имѣю своего, кромѣ растлѣнія, немощи и грѣховъ? Душа и тѣло мое и составъ мой — отъ Тебе есть, Твой есть, Твой есть, но отъ мене... увы мнѣ!.. растлѣнный и испорченный... О, какъ я нищъ, какъ убогъ, какъ я немощенъ! Но, Избавителю мой, помилуй мя, его же возлюбилъ еси и предалъ еси Себе по мнѣ,—помилуй мя и просвѣти мя, да познаю Тебе, въ немъ же животъ мой, и возжги въ сердцѣ моемъ любовь Твою, влеки мене за Собою, о любы горящая!“ *)

Чѣмъ глубже проникнешься, христіанинъ, мыслію о страданіяхъ Искупителя, тѣмъ живѣе почувствуешь долгъ свой вести жизнь соотвѣтственную твоему высокому призванію. Можешь ли ты роптать на несчастіе, бѣдность и недостатки, если видишь Сына Божія, не знавшаго ни удобствъ, ни роскоши и отдавшаго за тебя

*) Изъ сочин. свят. Тихона Задонскаго.

самую жизнь? Можешь ли ты хвалиться передъ свѣтомъ роскошью, богатою одеждой и пышностью, видя своего Господа распятымъ на крестѣ, въ ранахъ и истекающимъ кровію? Можешь ли гордиться, когда видишь Господа славы умирающимъ позорной смертію? „Пропади міръ со всѣми прелестьми своими: пусть ищутъ его и любуются имъ непознавшіе Христа! Намъ, о христіане, единъ Христосъ — красота, всѣхъ красотъ краснѣйшая, премудрость, вся премудрости сокровища содержащая, слава, честь и похвала истинная довлѣетъ. Онъ да будетъ намъ украшеніе, богатство, честь, премудрость, утѣшеніе, веселіе и все блаженство!“

При крестѣ смиряются грѣховные порывы и страсти, — вся гордыня и самонадѣянность нашего сердца; здѣсь душа разрываетъ оковавшія ее грѣховныя узы; здѣсь обрѣтаются новыя силы; здѣсь уничтожается страхъ смерти; здѣсь — очищеніе грѣховъ и прощеніе всякой вины; здѣсь — увѣренность въ вѣчномъ спасеніи. Крестъ Христовъ — древо жизни, изливающее неистощимое сокровище благодати, вѣрное убѣжище, подъ сѣнію котораго укрываемся отъ житейскихъ бурь, великое знаменіе побѣды надъ грѣхомъ и адомъ, царственное украшеніе и слава всѣхъ христіанъ!..

Кресту Твоему покланяемся, Владыко!

Непобѣдимая и непостижимая и божественная сила честнаго и животворящаго Креста, не остави насъ грѣшныхъ!

Сошествіе во адъ Спасителя.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Нѣтъ праздника радостнѣе Свѣтлаго Христова Воскресенія, нѣтъ во всемъ году утрени торжественнѣй Свѣтлой заутрени! Въ самую полночь, едва раздастся торжественный благовѣстъ, какъ тысячи рукъ поднимаются для крестнаго знаменія, изъ милліоновъ устъ несутся теплыя благодаренія Господу: „слава Тебѣ, Господи! Сподобилъ Ты насъ грѣшныхъ еще разъ встрѣтить Свѣтлое Твое Воскресеніе!“ И вотъ, не только зрѣлый возрастъ и рѣзвая юность съ притрепетной радостью спѣшатъ въ храмы Божіи, но и самая дряхлая старость, одолѣвая немощи, собираетъ послѣдній остатокъ силъ и спѣшитъ туда же, чтобы еще разъ услышать сладостное и радостное: *Христосъ Воскресе!* Войдите въ самый бѣдный сельскій храмъ въ эту святую ночь; весь онъ и внутри, а нерѣдко и вокругъ горитъ огнемъ въ знакъ свѣтлой радости и того духовнаго свѣта, которымъ Воскресеніе Христово озарило небо и землю. И среди этого моря свѣта звучитъ одна непрерывная пѣснь Воскресенія: это дивный пасхальный канонъ. Кто не знаетъ этого прекраснаго канона Пасхи? Даже дѣти, даже многіе

безграмотные простецы знаютъ его почти весь наизусть: такъ онъ сладостенъ для сердца, такъ легко напечатлѣвается въ душѣ! Прислушайтесь къ его чуднымъ тропарямъ, прослѣдите за каждымъ его словомъ, за каждымъ тономъ, звукомъ—во всемъ одна и единственная мысль: *Христосъ Воскресе!* Вдохновенный пѣвецъ, святый Іоаннъ Дамаскинъ, въ этомъ канонѣ какъ бы обтекаетъ мысленно весь міръ, видимый и невидимый, небо и землю, и самую преисподнюю, всѣхъ, все и повсюду призывая къ торжеству и радости. Радостенъ восходъ животворнаго солнца послѣ мрачной ночи; радостно пробужденіе природы къ новой жизни послѣ зимняго омертвѣнія; радостно будетъ всеобщее воскресеніе: но несравненно сладчайшимъ чувствомъ наполняетъ сердце наше явленіе изъ гроба Христа, Солнца правды, воставшаго изъ мертвыхъ въ новой славѣ послѣ тридневнаго погребенія и содѣлавшагося начаткомъ будущаго воскресенія всѣхъ людей. Веселился древній Израиль, празднуя свою Пасху въ память избавленія отъ руки ангела-губителя и освобожденія отъ египетскаго рабства; скакалъ въ восторгѣ Давидъ предъ ветхозавѣтнымъ ковчегомъ... Радовались святыя жены Мѵроносицы, когда увидѣли живымъ Того, Кого онѣ со слезами искали между мертвыми; но еще выше радость новаго Израиля, всѣхъ вѣрующихъ во Христа, которые торжествуютъ въ честь Его, яко Бога во плоти, освободившагося отъ узъ смерти... Св. пѣснопѣвецъ ублажаетъ день и ночь, ознаменованные чуднымъ событіемъ Воскресенія, призываетъ самое мѣсто Воскресенія—Іерусалимъ и Сіонъ—къ всеобщей радости и наконецъ возносится благоговѣйною молитвою ко Всевышнему о совер-

шеннѣйшемъ соединеніи всѣхъ насъ со Христомъ въ безвечерній день Его Царства.—Таковъ этотъ дивный канонъ; предлагаемъ его въ русскомъ переводѣ, дабы наши читатели могли въ часы пасхальнаго досуга вникнуть въ каждое слово сего канона, тѣмъ болѣе, что въ немъ есть слова, для многихъ мало понятныя.

Пѣснь 1-я.

ИРМОСЪ.

Воскресенія день! Просвѣтимся люди! Пасха! Господня Пасха! Ибо отъ смерти къ жизни и отъ земли на небо Христосъ Богъ привелъ насъ, поющихъ (пѣснь) побѣдную.

ТРОПАРИ.

Очистимъ чувства, и мы узримъ Христа, сіяющаго неприступнымъ свѣтомъ воскресенія и „радуйтесь“ явственно услышимъ отъ Него, воспѣвая (пѣснь) побѣдную (Мѳ. 28, 9. 1 Тим. 6, 16).

Небеса достойно да веселятся, земля — да радуется, и да празднуетъ весь міръ, видимый и невидимый; ибо восталъ Христосъ—веселіе вѣчное (Пс. 95, 11. 1 Кор. 15, 20).

Пѣснь 3-я.

ИРМОСЪ.

Пріидите, станемъ пить питіе новое, чудесно изводимое не изъ камня безплоднаго, но изъ гроба, изведшаго источникъ нетлѣнія, изъ гроба Христа, на Которомъ мы утверждаемся (Исх. 17, 6. Мѳ. 26, 29).

ТРОПАРИ.

Нынѣ все наполнилось свѣтомъ,—небо, земля и (мѣста) преисподнія; да празднуетъ же вся тварь востаніе Христа, на Которомъ она утверждена (Еф. 4, 10).

Вчера я погребался съ Тобою, Христе, сегодня востаю съ Тобою—воскресшимъ; вчера я распинался съ Тобою: прославь же Самъ Ты, Спаситель, и меня въ царствіи Твоемъ! (Рим. 6, 3. 8, 17).

Пѣснь 4-я.

ИРМОСЪ.

Богоглаголивый Аввакумъ да станетъ съ нами на Божественной стражѣ и покажетъ свѣтоноснаго ангела, ясно восклицающаго: нынѣ спасеніе міру, ибо воскресъ Христосъ, какъ всесильный! (Авв. 2, 1. Исаіи 9, 6).

ТРОПАРИ.

Вотъ наша Пасха—Христосъ! (Онъ во всемъ уподобился пасхальному агнцу ветхозавѣтному). Какъ разверзшій дѣвственную утробу, Онъ явился первенцемъ мужескаго пола; какъ предлагаемый въ снѣдь (въ таинствѣ Причащенія), Онъ названъ Агнцемъ; (названъ) непорочнымъ, какъ непричастный скверны (грѣха), а какъ истинный Богъ нареченъ совершеннымъ (Исх. 12, 5—11. Іоан. 6, 54).

Благословенный для насъ вѣнецъ — Христосъ, какъ однолѣтній агнецъ добровольно заклался за всѣхъ: Онъ—Пасха очистительная, и опять изъ гроба возсіялъ

намъ (какъ) прекрасное Солнце правды (Пс. 64, 12. 1 Кор. 5, 7).

Богоотецъ Давидъ въ восторгѣ скакалъ предъ прообразовательнымъ ковчегомъ: мы же, святый народъ Божій, видя исполненіе прообразованій, (тѣмъ болѣе) будемъ веселиться священно, ибо воскресъ Христосъ какъ всесильный (2 Цар. 6. Еф. 1, 18).

Пѣснь 5-я.

ИРМОСЪ.

Востанемъ въ глубокое утро, и вмѣсто мура принесемъ пѣснь Владыкѣ, и узримъ Христа—Солнце правды, всѣхъ жизнію озаряющаго (Лук. 24. 1. Малах. 4, 2).

ТРОПАРИ.

Узрѣвъ безмѣрное Твое милосердіе, содержимые въ адовыхъ узахъ радостными стопами потекли къ (Тебѣ) свѣту, Христе, прославляя вѣчную Пасху (Исаіи 49, 9. 1 Петр. 3, 19).

Со свѣтильниками въ рукахъ пойдемъ во срѣтеніе Христу, исходящему изъ гроба, какъ Жениху, и съ радостно-празднующими чинами (ангеловъ) будемъ праздновать спасительную Божію Пасху (Мѳ. 25, 1).

Пѣснь 6-я.

ИРМОСЪ.

Снисшелъ Ты въ преисподнія (мѣста) земли, и сокрушилъ вѣчные заклепы, содержащіе узниковъ, Хри-

сте, и въ третій день, какъ Іона изъ кита, вышелъ изъ гроба (Ефес. 4, 10).

ТРОПАРИ.

Неповредившій заключенной (утробы) Дѣвы въ рожденіи Твоемъ, Христе, Ты восталъ и изъ гроба, сохранивъ цѣлыми печати его, и отверзъ намъ райскія двери (Мѳ. 27, 66. Іезек. 44, 2).

Спаситель мой! живая и, какъ Богъ, незакалаемая Жертва! Добровольно приведши Себя къ Отцу, и воставъ изъ гроба, Ты воскресилъ съ Собою и родоначальника Адама (Лук. 23, 46. Рим. 6, 4. 5).

Пѣснь 7-я.

ИРМОСЪ.

Избавившій отроковъ изъ пещи, содѣлавшись человѣкомъ, страждетъ, какъ смертный, и страданіемъ (Своимъ) облекаетъ смертное въ красоту безсмертія; единъ Богъ отцовъ—благословенъ и препрославленъ!

ТРОПАРИ.

Богомудрыя жены вслѣдъ за Тобою спѣшили съ благовонными мастями; но Кого онѣ, какъ мертваго, искали со слезами, Тому поклонились съ радостію, (какъ) живому Богу, и ученикамъ Твоимъ, Христе, возвѣстили таинственную Пасху (Марк. 16, 1—7).

Мы празднуемъ умерщвленіе смерти, разрушеніе ада, начало другой вѣчной жизни, и въ восторгѣ воспѣваемъ Виновника (сего) единаго Бога отцовъ, благословеннаго и препрославленнаго (Осіи 13, 14. 1 Кор. 15, 54).

Поистинѣ священна и достойна всякаго торжества сія спасительная и свѣтозарная ночь, предвозвѣстница свѣтоноснаго дня Воскресенія, въ которую безлѣтный (вѣчный) Свѣтъ во плоти для всѣхъ возсіялъ изъ гроба (Іоан. 20, 1).

Пѣснь 8-я.

ИРМОСЪ.

Сей именитый и святый день, единственный, царь и господь субботъ, праздникъ изъ праздниковъ, и торжество изъ торжествъ; въ сей (день) благословимъ Христа во вѣки.

ТРОПАРИ.

Пріидите, пріобщимся новаго винограднаго плода — божественнаго веселія, въ именитый день Воскресенія и царствія Христа, воспѣвая Его, какъ Бога во вѣки (Мѳ. 26, 29. Пс. 103, 15).

Возведи взоры твои, Сіонъ, вокругъ себя и посмотри: вотъ стеклись къ тебѣ, какъ богосвѣтлыя свѣтила, отъ запада, сѣвера, моря и востока дѣти твои, благословляющія Христа во вѣки (Исаіи 60, 4. 49. 12).

Отецъ Вседержитель и Слово и Духъ! Существо единичное въ трехъ Лицахъ, всевышнее и Божественнѣйшее! Мы въ Тебя крестились, и Тебя будемъ благословлять во всѣ вѣки (Мѳ. 28, 19).

Пѣснь 9-я.

ИРМОСЪ.

Озаряйся свѣтомъ, озаряйся, новый Іерусалимъ! Ибо слава Господня возсіяла надъ тобою; торжествуй нынѣ

и веселись, Сіонъ! И Ты, Пречистая Богородица, радуйся о востаніи Рожденнаго Тобою! (Ис. 60, 1. Лук. 1, 47).

ТРОПАРИ.

О, какъ божественны, любезны и пресладостны глаголы Твои, Христе! Ты обѣщался неложно съ нами быть до кончины вѣка; имѣя ихъ опорою надежды, мы вѣрные радуемся (Мо. 28, 20).

О, Пасха великая и священнѣйшая, Христе! О, Премудрость, Слово Божіе и Сила! Удостой насъ совершеннѣе пріобщаться Тебя въ безвечерній день царствія Твоего! (1 Кор. 5, 7. 13. 12).

„Троицкіе листки“.

О СИЛѢ ВѢРЫ.

(Въ недѣлю св. апостола Ѳомы).

Блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе! (Іоан. XX, 29).

Имѣйте вѣру Божію. Ибо истинно говорю вамъ: если кто скажетъ горѣ сей: поднимись и ввергнись въ море; и не усомнится въ сердцѣ своемъ, но повѣритъ, что сбудется по словамъ его — будетъ ему, что̀ ни скажетъ! (Марк. XI, 23).

Вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, избѣгали острія меча, укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки на войнѣ, прогоняли полки чужихъ. (Евр. XI, 33, 34).

Господь мой и Богъ мой! воскликнулъ св. апостолъ Ѳома въ порывѣ непреоборимаго восторга, увидѣвъ воскресшаго Господа, и это радостное восклицаніе будетъ раздаваться до тѣхъ поръ, пока христіане будутъ жить на землѣ, то-есть, до конца вѣковъ.

Безмѣрно счастливъ былъ теперь сомнѣвавшійся прежде апостолъ, но послушаемъ, что̀ сказалъ ему Господь.

„Яко видѣвъ Мя вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи и вѣровавше!“ (Іоан. 20, 29).

„Ты увѣровалъ, потому что увидѣлъ Меня воскресшимъ своими чувственными очами. Блаженны, воистинну блаженны тѣ, которые будутъ вѣровать въ Меня не при помощи чувственнаго лицезрѣнія, но вслѣдствіе тѣснѣйшаго внутренняго общенія со мною!“

Радость св. апостола Ѳомы при видѣ Воскресшаго не сравнится съ блаженствомъ всецѣло вѣрующей души христіанина.

Что̀ можно сказать еще болѣе о безмѣрномъ сокровищѣ вѣры!?

Съ какимъ же благоговѣніемъ, съ какой любовію мы, христіане, должны хранить дарованное намъ сокровище? Святый Давидъ поетъ, что ему и прахъ дома Божія любезенъ... Благодаря вѣрѣ, мы сами становимся истиннымъ храмомъ Божіимъ, въ которомъ обитаетъ Христосъ Богъ. Вѣра есть внутреннѣйшее благодатное дѣйствіе въ насъ, чрезъ которое на наше ничтожество и бѣдность переносится полнота Христова и усвояется намъ.

„Свѣточъ ума нашего, очень ограниченный, немного вмѣщаетъ въ себѣ свѣта умнаго, а Господь Богъ есть безпредѣльный свѣтъ и міръ, есть бездна Его всемогущества и премудрости, тогда какъ въ насъ только ничтожная, такъ сказать, капля Его силы и мудрости, потому что столько, а не больше вмѣстить ихъ могли мы въ своемъ бренномъ тѣлѣ“.

Но вѣра восполняетъ наше несовершенство и дѣлаетъ насъ причастниками совершенства божественнаго.

„Вѣра есть ключъ къ сокровищницѣ Божіей: еже аще что можеши вѣровати, вся возможна вѣрующему

(Марк. 9, 23). Вѣра — духовныя уста; чѣмъ свободнѣе онѣ раскрываются, тѣмъ большимъ потокомъ входятъ въ нихъ божественные источники. Свободно да раскрываются эти уста, какъ тѣлесныя уста, да не сжимаются сомнѣніемъ и невѣріемъ: сожмешь ихъ сомнѣніемъ и невѣріемъ,—и заключится для тебя сокровищница Божіихъ благъ. Чѣмъ съ большей открытою сердечностію повѣришь Божіему всемогуществу, тѣмъ съ большею щедростью раскроется для тебя сердце Божіе".

Что сомнѣніе несвойственно духу христіанина, это каждый можетъ испытать на себѣ самомъ. Мы физически страдаемъ отъ приближенія къ тому, что̀ несвойственно нашей природѣ,—отъ чрезмѣрнаго холода, ранъ, болѣзней, голода и т. п. Точно также при сомнѣніи болѣзненно сжимается наше сердце, испытываетъ томленіе, тягостное чувство страха и душевнаго безпокойства.

„При помыслахъ сомнѣнія — кто страдаетъ: тотъ ли предметъ, о которомъ сомнѣваются, коему не вѣрятъ, или тѣ, которые сомнѣваются, не вѣрятъ?—Эти послѣдніе. Они боятся тогда страха, идѣ же не бѣ страхъ (Пс. 13, 5); они мучатся своимъ сомнѣніемъ, невѣріемъ; а предметъ ихъ агоніи остается твердъ, недвижимъ и беретъ надъ ними очевидный перевѣсъ тѣмъ, что ихъ же заставляетъ перемѣнить свои мысли объ немъ для ихъ собственнаго спокойствія и дотолѣ не даетъ имъ успокоиться, пока они не раскаются въ прежнихъ ложныхъ своихъ мысляхъ касательно его и не принесутъ мыслей благопріятныхъ, истинныхъ. Потому безразсудно колебаться и возмущаться, тѣмъ больше малодушествовать и унывать духомъ, когда приходятъ мысли сомнѣнія".

„Не прогнѣвляй же вседержавнаго Бога ни тѣнію сомнѣнія. Сомнѣніе—хула на Бога, дерзкая ложь сердца или гнѣздящагося въ сердцѣ духа лжи на Духа истины. Бойся его, какъ ядовитой змѣи!“

Напротивъ—живая сердечная вѣра исполняетъ сердце христіанина радостью. Усовершаясь, „вѣра должна доходить до сердечнаго зрѣнія. Это значитъ, что душа должна стать какъ бы выше чувственности и проникнуть возможно чистымъ зрѣніемъ сердца въ міръ духовный. Тутъ-то ей бываетъ хорошо, тутъ-то ея истинная жизнь, ея успокоеніе и радость!“

Исполняя сердце христіанина радостью, живая сердечная вѣра даетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ великое дерзновеніе въ молитвѣ къ Богу.

„Если хочешь испросить какого-либо блага у Бога, то прежде всего приготовь себя къ несомнѣнной крѣпкой вѣрѣ и прими заблаговременно всѣ средства противъ сомнѣнія и невѣрія. Худо, если во время самаго прошенія или молитвы сердце твое изнеможетъ въ вѣрѣ и не устоитъ въ ней; тогда и не думай, чтобы ты получилъ то, о чемъ просилъ Бога. *Вся, елика аще вопросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимите,* сказалъ Господь—и значитъ, если вопросите невѣрующе или съ сомнѣніемъ, не пріимете. *Аще имате вѣру и не усумнитеся,* еще говоритъ Онъ, *то и горы можете переставлять... Да проситъ же* (каждый человѣкъ) *вѣрою ничто же сумняся!* говоритъ апостолъ Іаковъ“.

„Помни, что Богъ во время прошенія твоего ожидаетъ утвердительнаго отвѣта на вопросъ, внутренно Имъ тебѣ предлагаемый: вѣруеши ли, что Я могу сіе сотворити? Да! ты долженъ изъ глубины сердца отвѣ-

тить: вѣрую, Господи! И тогда будетъ по вѣрѣ твоей... Бѣда наша въ томъ, что въ вѣру нашу мѣшается близорукій разсудокъ, этотъ паукъ, ловящій истину сѣтками своихъ сужденій, умозаключеній, аналогій. Вѣра вдругъ обнимаетъ, видитъ, а разсудокъ окольными путями доходитъ до истины: вѣра — средство общенія духа съ духомъ, а разсудокъ—духовно-чувственнаго съ духовно-чувственнымъ и просто матеріальнымъ, та — духъ, а этотъ—плоть!"

„У Господа неразлучно со словомъ дѣло: ни одно слово къ Нему не воротится изнемогшимъ: *не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ!* (Лук. 1, 37). Словесное существо! помни, что ты имѣешь начало отъ слова Всетворца и въ соединеніи (чрезъ вѣру) съ зиждительнымъ словомъ, посредствомъ вѣры, самъ можешь быть зиждителемъ вещественнымъ и духовнымъ. Вѣруй, что при вѣрѣ твоей въ зиждительное слово Отчее и твое слово не возвратится къ тебѣ никогда напраснымъ, безсильнымъ, но принесетъ Тебѣ благопотребный даръ".

„Зри Бога твердо сердечными очами и во время Его созерцанія проси, чего хочешь, во Имя Іисуса Христа,— и будетъ тебѣ. Богъ будетъ для тебя всѣмъ въ одно мгновеніе, ибо Онъ простое Существо, выше всякаго времени и пространства, и въ минуты твоей вѣры, твоего сердечнаго единенія съ Нимъ, совершитъ для тебя все, что тебѣ нужно ко спасенію тебя и ближняго, и ты будешь на это время самъ причастенъ божеству по преискреннему общенію съ Нимъ: *Азъ рѣхъ: бози есте* (Псал. 81, 6). Какъ между Богомъ и тобою на этотъ разъ не будетъ промежутка, то и между твоимъ словомъ и между самымъ исполненіемъ тоже не будетъ проме-

жутка; скажешь—и тотчасъ совершится, какъ и „Богъ *рече, и быша, повелѣ и создашася* (Пс. 32, 9)“. „Вѣруй твердо, что ты мыслишь, чувствуешь, говоришь, движешься и дѣйствуешь всегда въ Богѣ, такъ-сказать, въ самомъ лонѣ Его: *во мнѣ пребываетъ и Азъ въ Немъ* (Іоан. 6, 56). Со всѣхъ сторонъ заключилъ тебя въ Себѣ: проникаетъ тебя и знаетъ: *сзади и спереди*, говоритъ св. пророкъ и царь Давидъ, *ты заключилъ меня и наложилъ на меня длань Твою* (Пс. 1, 38). Въ Богѣ же и Божія Матерь, всѣ святые ангелы и всѣ святые. Чего же ближе? Кто можетъ быть удобообщимѣе съ вѣрующими христіанами, какъ святые ангелы и человѣки?—Призывай же съ вѣрою, упованіемъ и любовію какъ Самого Господа всяческихъ, такъ и святыхъ Его, прося ихъ ходатайства за себя предъ Богомъ; какъ просишь живыхъ о чемъ-либо за себя, стоя съ ними лицомъ къ лицу, такъ проси ангеловъ и святыхъ помолиться о тебѣ Богу, твердо вѣруя, что они находятся лицомъ къ лицу къ твоему сердцу“.

„Сколько благодѣяній доставила мнѣ вѣра Христова!.. Сколько душевныхъ возмущеній, страстей она прогоняла и умиротворяла меня! Сколько исправила кривыхъ стремленій сердца! Сколько разъ грѣхи очищены, и душа спасена была отъ духовной смерти! И какъ близокъ Господь нашъ къ вѣрующему! Онъ, какъ воздухъ, какъ дыханіе устъ нашихъ, дыханіе сердца нашего, души нашей! Итакъ твердо вѣруй, что Господь для тебя все: во время молитвы Онъ для тебя — сила и исполненіе всякаго твоего слова; во время благочестиваго разговора Онъ — живая вода твоя, огненный потокъ словъ твоихъ, во всякое время Онъ — всякое

благо для тебя, Онъ всего проникаетъ тебя и знаетъ всѣ твои мысли, всѣ нужды и расположенія, и если съ вѣрою и любовію будешь стоять въ Немъ, то не придетъ къ тебѣ никакое зло". „Борютъ тебя сильные, невидимые, неусыпающіе враги? — Побѣдишь. Враги внѣшніе, видимые? — Побѣдишь. Терзаютъ страсти? — Одолѣешь. Подавляютъ скорби?—Отвратишь. Унываешь духомъ? — Получишь мужество. — Все съ вѣрою возможешь побѣдить, и самое царство небесное получишь. Вѣра—величайшее благо въ земной жизни: она соединяетъ человѣка съ Богомъ и въ Немъ дѣлаетъ его сильнымъ и побѣдоноснымъ".

„О вѣра святая! Какими словами, какими пѣснями я прославлю тебя за безчисленныя блага для души и тѣла моего, дарованныя мнѣ тобою, за всѣ силы, которыя ты во мнѣ совершила и совершаешь, за блага міра и отъятіе смятенія, за благо свободы съ отъятіемъ тѣсноты горькой, за блага свѣта духовнаго и прогнаніе тьмы страстей, за благо дерзновенія съ отъятіемъ малодушія и боязни, за благо духовной власти и духовнаго величія съ отъятіемъ рабства грѣховнаго и низости духа, за благо святыни съ отъятіемъ грѣховной нечистоты... Слава Тебѣ, Богу, благодѣтелю моему, во вѣки вѣковъ! Познанъ буди, Господи, въ вѣрѣ Твоей всѣмъ людямъ Твоимъ и всѣмъ племенамъ земнымъ, да вси прославятъ Тебя единѣми усты и единѣмъ сердцемъ отъ востока солнца до запада. Буди, буди. Аминь".

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

КАКЪ ОБРѢСТИ ИСТИННУЮ ВѢРУ?

Къ сему два способа: одинъ внѣшній, научный, а другой внутренній, путь вѣры. Первый предлагается обыкновенно въ систематическомъ изложеніи Богословія. Онъ дѣйствителенъ и для ученыхъ существенно необходимъ, но, очевидно, не всеобщъ, ибо въ основаніи своемъ содержитъ знанія, не для всѣхъ доступныя... Сей путь очень, очень дологъ и труденъ, и, что особенно замѣчательно, оставляетъ сердце себѣ самому, своему своенравію и свободѣ. Путь *вѣры* искреннѣе, живѣе, многоплоднѣе и общедоступнѣе. Это молитва къ единому истинному Богу о вразумленіи. Есть Богъ истинный. Онъ сказалъ волю Свою намъ въ наше спасеніе, съ желаніемъ, чтобъ она была понята и выполнена. Теперь мудрованіями людскими она скрыта или запутана до того, что тотъ или другой не имѣетъ достаточно силъ найти исходъ изъ сего лабиринта. Когда, въ чувствѣ сей кровной нужды, съ воплемъ, стенаніемъ, болѣзнію сердечною, обратится кто къ Богу, истинному Отцу всѣхъ человѣковъ, Богу, желающему, чтобъ вѣра его была дѣйственною — можетъ ли быть, чтобы Онъ не далъ такому рѣшительнаго указанія къ убѣжденію въ истинѣ ея? Онъ врановъ кричащихъ питаетъ, по молитвѣ посылаетъ дождь въ жажду плоти нашей... а человѣку, еще духу его, Своему образу, томящемуся, ищущему узнать, какъ прославлять Бога, — будто Онъ не укажетъ источника для утоленія сей

жажды духовной? Такая молитва нисколько не есть искушеніе Бога, хотя можетъ быть превращена въ него, когда кто неискренно, изъ одного любопытства, желалъ бы такихъ знаковъ. Примѣры убѣжденія въ вѣрѣ симъ путемъ почти повсюдны. Корнилій сотникъ испросилъ себѣ вѣру... Множество было такихъ, кои приходили къ пустынникамъ вопрошать о вѣрѣ, а они, вмѣсто всякихъ доводовъ, заставляли ихъ молиться, и Богъ открывалъ имъ истину, наприм., св. великомученицѣ Екатеринѣ. Въ смутныя времена ересей, Богъ воздвигалъ людей съ отличною святостію, облекалъ ихъ силою чудодѣйственною и ставилъ въ виду всѣхъ, какъ свѣчи на свѣщницѣ, да свѣтятъ всѣмъ; какъ они были сосуды вѣры и силы Божіей, то и служили для всѣхъ сумнящихся рѣшительными указателями истины. Всѣ ожидали или желали знать, какъ исповѣдуетъ тотъ и тотъ святой мужъ, и держались его исповѣданія. Бывали, что влагали въ руки нетлѣнныхъ людей хартіи съ изображеніемъ исповѣданія, молились исправить неправое и получали по молитвѣ. Но что слишкомъ и напрягаться сіе доказывать? Господь сказалъ, что все можно получить у Бога, молясь Ему съ вѣрою, тѣмъ больше молясь о вѣрѣ, началѣ и источникѣ всего. Онъ Самъ въ своей послѣдней молитвѣ что говоритъ къ Отцу Своему? *Святи ихъ во истину* (Іоан, 17, 17), это апостоловъ, а въ лицѣ ихъ и всякаго вѣрующаго. Даже то несомнѣнно, что какъ истинная вѣра по самому происхожденію своему есть чудодѣйственная, то сіи чудодѣйственныя свидѣтельства должны въ ней и для ней пребывать непрерывно. Они и пребываютъ. Одинъ говорилъ о себѣ: когда я смотрю на сіи нетлѣнные останки, источающіе

цѣлебную Божественную силу, и помышляю, что духъ, освятившій сіе тѣло, исповѣдалъ именно ту вѣру, которую я содержу, то у меня исчезаетъ всякое сомнѣніе, которое иногда навѣваетъ врагъ истины, и я не могу не радоваться тому, что Богу угодно было дать намъ такой рѣшительный и вмѣстѣ такой доступный способъ убѣжденія въ истинѣ св. вѣры. Въ самомъ дѣлѣ такъ. Потому мощи современны христіанству и въ немъ непрерывны и повсюдны... У насъ въ Россіи они есть во всѣхъ предѣлахъ и въ такомъ количествѣ! На западѣ они прекратились вмѣстѣ съ отдѣленіемъ его отъ востока и отпаденіемъ отъ истины, а о новыхъ, образовавшихся изъ папства, исповѣданіяхъ и говорить нечего. Такъ вотъ гдѣ успокоительная проповѣдь объ истинѣ вѣры!.. Но блаженнѣе изъ всѣхъ тотъ, кто, вмѣстѣ съ Іеронимомъ греческимъ, можетъ сказать: „истинна вѣра, исповѣдуемая мною, ибо ею я сподобился пріять Божественную нѣкоторую силу, дѣйствующую во мнѣ ощутительно. И язычники имѣютъ писанія, и храмы, и жертвы, и учителей, и книги, и отчасти Боговѣдѣніе, и нѣкоторыя добрыя дѣла, и праздники, и премѣненіе одеждъ, и молитвы, и всенощныя бдѣнія, и священниковъ, и много другого; но сей сокровенной въ сердцѣ христіанина благодати и дѣйствія Св. Духа никто въ цѣломъ свѣтѣ не получаетъ, а получаютъ вѣрою только одни правильно крестившіеся въ Отца, Сына и Св. Духа“ (Хр. чт. 1821; 11, 129). Такъ вотъ прямѣйшій путь къ открытію истинной вѣры, именно: вѣра же, молитва, непрерывность чудодѣйственности въ Церкви и, особенно, внутренняя сила, доставляемая въ вѣрѣ.

Посмотри всякъ вокругъ себя и увидишь, что всѣ искренно вѣрующіе вѣруютъ по симъ основаніямъ, а не по научнымъ... Почитай, если хочешь, и научныя основанія вѣры въ какомъ-либо православномъ Богословіи. Но сердечныя сильнѣе и сподручнѣе...“

(Пр. Ѳеофанъ. Начертаніе христіанскаго правоученія. 331).

О БЛАГОДАТИ СВ. ДУХА.

(Ко дню св. Пятидесятницы).

Я умолю Отца, и дастъ вамъ другого Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ.

Утѣшитель же Духъ Святый, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научитъ васъ всему, и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ (Іоан. XIV, 16, 26).

Пріимите силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святый.

И будетъ въ послѣдніе дни, говоритъ Богъ, излію отъ Духа Моего на всякую плоть (Дѣян. I, 8, II, 17).

Каждому дается проявленіе Духа на пользу (I Коринѳ. XII, 7).

Тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, Котораго вы имѣете отъ Бога (I Кор. VI, 19).

Пріяли Духа усыновленія, Которымъ взываемъ: Авва, Отче! (Римл. VIII, 15).

Ревнуйте о дарахъ духовныхъ! (I Кор. XIV, 1).

„Часу въ девятомъ утра, разсказывается со словъ священнаго бытописанія о великомъ событіи Пятидесятницы, когда народъ собрался въ храмъ для жертвоприношеній и молитвы и когда апостолы и ученики І. Христа находились въ своей горницѣ, внезапно произошли движеніе и шумъ съ небеси: что-то неслось оттуда, куда взошелъ Іисусъ,—разсѣкая воздухъ и производя стремленіемъ своимъ шумъ, который слышали

Сошествіе Св. Духа на апостоловъ.

собирающіеся въ храмъ (какъ движеніе славы Господней, видѣнной Іезекіилемъ). Эта сокровенная сила устремилась на мѣсто пребыванія свидѣтелей Христовыхъ и, проникнувъ внутрь, исполнила собою весь домъ (какъ слава Господня, видѣнная Исаіею) и, какъ будто превративъ такимъ образомъ горницу ихъ въ купель новаго крещенія, въ видѣ раздѣляющихся огненныхъ языковъ почила на главахъ апостоловъ, и они стали говорить на неизвѣстныхъ имъ доселѣ языкахъ. Вотъ обѣтованный свидѣтель Іисусовъ, Утѣшитель и Наставникъ апостоловъ! Ободряемые и просвѣщаемые Имъ, теперь смѣло могутъ выступить они на чреду своего дѣйствія и вдругъ на нѣсколькихъ языкахъ возвѣстить разнороднымъ поклонникамъ Іерусалима, что Господь Іисусъ есть Христосъ".

„Изливаясь въ прославленіи величія и благости божественной, они исходятъ къ изумленнымъ іудеямъ, которые слышатъ ихъ говорящими каждый на своемъ языкѣ. Насталъ праздникъ новый и всемірный. Предметомъ праздника было не древнее благодѣяніе, но благодѣяніе, теперь предъ очами всѣхъ излившееся съ небеси отъ Іисуса, и не законъ рабства, но законъ свободы и всыновленія Богу изрекается нынѣ Духомъ Святымъ, и въ этомъ изліяніи Духа каждый народъ получалъ залогъ новой жизни, залогъ благодатнаго обновленія, когда достигнетъ до него Евангеліе царствія. Въ апостолахъ предначиналось то славное торжество, когда всѣ народы сойдутся въ Іерусалимѣ небесномъ и будутъ славить единую всещедрую благодать Божію" (А. В. Горскій; исторія Евангельская и Церкви апостольской, 371).

Начиная отъ великаго дня Пятидесятницы, благодать Св. Духа сообщается каждой душѣ христіанской.

„Какъ солнце, хотя само всегда на небѣ, но лучами своими, какъ безчисленными руками, досягаетъ земли, всей ея поверхности, и сообщается всѣмъ органическимъ тѣламъ, входя въ нихъ (солнце входитъ въ тѣла лучами своими), разогрѣвая, оживотворяя и возращая ихъ теплотой своею, прозрачныя проходя сквозь, или отражаясь въ нихъ всецѣлымъ кругомъ своимъ (сколько прозрачныхъ тѣлъ, столько и образовъ солнца), непрозрачныя, твердыя и неорганическія нагрѣвая, — такъ мысленное Солнце-Богъ, хотя Самъ преимущественно на небесахъ, но Животворящимъ Духомъ Своимъ, какъ бы лучами Своими, сообщается всей разумной твари — ангеламъ и человѣкамъ, проникая ихъ духовное существо, освящая, оживляя, укрѣпляя и возращая, подобно солнечнымъ лучамъ, проникающимъ органическія и растительныя тѣла, оживляющимъ и возращающимъ ихъ".

„Утѣшитель Духъ Святый, исполняя всю вселенную, проходитъ сквозь всѣ вѣрующія, кроткія, смиренныя, добрыя и простыя души человѣческія, живя въ нихъ, оживляя и укрѣпляя ихъ; Онъ бываетъ одинъ духъ съ ними и бываетъ все для нихъ: свѣтъ, сила, миръ, радость, успѣхъ въ дѣлахъ, особенно благочестивой жизни,—все доброе. Сквозѣ вся проходяй духи разумичныя, чистыя (Прем. Солом. 7, 23). Вси единѣмъ Духомъ напоихомся (1 Кор. 12, 13). Всѣ благочестивые духи — напоеніе единаго Духа Божественнаго, подобно напоенной губкѣ".

Такъ—благодать Св. Духа есть достояніе каждой души христіанской и въ то же время—совершенно не-

обходимая помощь свыше для истинно-христіанской жизни. Предоставленные однимъ своимъ человѣческимъ силамъ, мы не можемъ совершить ничего истинно-добраго, по слову Господа: безъ Мене не можете творити ничесоже (Іоан. 15, 5).

„Что такое благодать? Благая сила Божія, даруемая человѣку вѣрующему и крестившемуся во имя Іисуса Христа или Святую Троицу, очищающая, освящающая, просвѣщающая, вспомоществующая въ дѣланіи добра и удаленіи отъ зла, утѣшающая и ободряющая въ напастяхъ, скорбяхъ и болѣзняхъ, споручительствующая въ полученіи вѣчныхъ благъ, уготованныхъ Богомъ на небесахъ избраннымъ Его. Гордъ ли кто былъ, самолюбивъ, золъ, завистливъ, но сталъ кротокъ и смиренъ, самоотверженъ, ради славы Божіей и блага ближняго, ко всякому доброжелателенъ, снисходителенъ, уступчивъ безъ потворства,—онъ сталъ такимъ силою благодати. Невѣрующимъ ли кто былъ, но сдѣлался вѣрующимъ и усерднымъ исполнителемъ предписаній вѣры, — онъ сталъ такимъ силою благодати. Сребролюбивъ ли кто былъ, корыстенъ и неправосуденъ, жестокосердъ къ бѣднымъ, но, перемѣнившись въ глубинѣ души, сдѣлался нестяжателенъ, правдивъ, щедръ, сострадателенъ,— онъ обязанъ этимъ силѣ благодати Христовой. Былъ ли кто чревоугодникомъ, многоядцею и многопійцею, но сдѣлался воздержникомъ, постникомъ, не по болѣзни или по сознанію вреда для тѣла невоздержанія, но изъ сознанія цѣли нравственной, высшей.—онъ сталъ такимъ по силѣ благодати. Былъ ли кто ненавистникомъ и злопамятнымъ, мстительнымъ, но сдѣлался вдругъ человѣколюбивымъ, любящимъ и самихъ враговъ, недобро-

желателей и ругателей своихъ, не помнящимъ никакихъ обидъ: онъ сталъ такимъ по возрождающей, претворящей и обновляющей силѣ благодати. Холоденъ ли кто былъ къ Богу, къ храму, къ богослуженію, къ молитвѣ, вообще къ таинствамъ вѣры, очищающимъ и укрѣпляющимъ наши души и тѣла, и вдругъ, перемѣнившись въ душѣ, сталъ горячъ къ Богу, къ богослуженію, къ молитвѣ, благоговѣенъ къ таинствамъ,— онъ сталъ такимъ по дѣйствію спасающей благодати Божіей".

„Многіе живутъ внѣ благодати, не сознавая ея важности и необходимости для себя и не ища ея, по слову Господа: ищите прежде царствія Божія и правды Его (Мѳ. 6, 33). Многіе живутъ во всякомъ изобиліи и довольствѣ, наслаждаются цвѣтущимъ здоровьемъ, съ удовольствіемъ ѣдятъ, пьютъ, гуляютъ, забавляются, сочиняютъ, работаютъ по разнымъ частямъ или отраслямъ человѣческой дѣятельности, но благодати Божіей въ сердцахъ своихъ не имѣютъ, этого безцѣннаго сокровища христіанскаго, безъ котораго христіанинъ не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ и наслѣдникомъ царствія небеснаго".

„Долго и я не зналъ во всей ясности, какъ необходимо укрѣпленіе нашей души отъ Духа Святаго. А теперь Многомилостивый далъ мнѣ узнать, какъ оно необходимо. Да, оно необходимо каждую минуту нашего бытія, какъ дыханіе,—необходимо на молитвѣ и во всей жизни; безъ укрѣпленія Его, душа наша постоянно склонна ко всякому грѣху и, значитъ, къ смерти духовной, она разслабѣваетъ, совершенно обезсилѣваетъ отъ входящаго въ сердце зла и немощна становится

для добра; безъ укрѣпленія отъ Духа Святаго чувствуешь, какъ сердце подмывается отъ различнаго зла и готово ежеминутно потонуть въ безднѣ его. Тутъ-то надобно, чтобы сердце наше стояло на камнѣ. А камень этотъ — Духъ Святый: Онъ укрѣпляетъ наши силы и, если человѣкъ молится, Онъ укрѣпляетъ сердце его въ вѣрѣ и надеждѣ на полученіе просимаго; Онъ воспламеняетъ душу его любовію къ Богу; Онъ навѣваетъ на душу мысли свѣтлыя, благія, укрѣпляющія умъ и сердце; если человѣкъ совершаетъ различныя дѣла, Онъ укрѣпляетъ сердце его сознаніемъ важности и необходимости труда его и терпѣніемъ несокрушимымъ, которое всѣ трудности преодолѣваетъ; Онъ, при обращеніи съ людьми различныхъ состояній и обоихъ половъ, вдыхаетъ въ него уваженіе къ лицу человѣка, который есть равно—образъ Божій, кто бы онъ ни былъ, искупленный кровію Христа-Бога, и отвлекаетъ его сердце и вниманіе отъ его, иногда очень неблаговидной, внѣшности тѣла и одежды, его грубости въ словѣ и обращеніи. Онъ-то соединяетъ всѣхъ насъ любовію, какъ чадъ Отца небеснаго и во Христѣ Іисусѣ учитъ насъ молиться: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...“

„Съ величайшей осторожностью нужно держать въ своемъ скудельномъ сосудѣ, въ сердцѣ, сокровище Духа, рѣки во чревѣ своемъ воды живой (Іоан. 7, 38); нужно бодрствовать надъ своимъ сердцемъ, быть кроткимъ, удерживаться отъ раздражительности и движеній самолюбія, привязанности къ земному, отъ нечистыхъ возстаній плотскихъ; въ противномъ случаѣ, безцѣнное сокровище Духа мгновенно оставитъ насъ: вдругъ исчезнутъ изъ сердца миръ и радость,—это чувство не-

обыкновенной, ангельски-духовной легкости души, парящей на свободѣ сердца и мысли; исчезнутъ и эти рѣки воды живой, которыя передъ тѣмъ только текли и напояли обильно бразды души; душу наполнитъ чуждый огнь, мучительно палящій внутренности, лишающій ее мира и радости и наполняющій ее чувствомъ скорби и тѣсноты и подстрекающій къ раздражительности и хулѣ".

„Различай въ себѣ Духа Животворящаго и духа мертвящаго, убивающаго твою душу. Когда въ душѣ твоей мысли добрыя, тебѣ благо, легко; когда на сердцѣ спокойствіе и радость, тогда въ тебѣ Духъ благій, Духъ Святый, а когда въ тебѣ недобрые помыслы или недобрыя сердечныя движенія, тогда — худо, тяжело; когда ты внутренно смущенъ, тогда въ тебѣ духъ злой, духъ лукавый. Когда въ насъ духъ лукавый, тогда при сердечной тѣснотѣ и смущеніи мы обыкновенно чувствуемъ трудность дойти сердцемъ до Господа, потому что злой духъ связываетъ душу и не допускаетъ ея возвышаться къ Богу. Духъ лукавый есть духъ сомнѣнія, невѣрія, страстей, тѣсноты, скорби, смущенія; а Духъ благій есть Духъ несомнѣнной вѣры, Духъ добродѣтелей, Духъ свободы духовной и широты, Духъ мира и радости".

„Такъ явно, такъ рѣзко обозначаются и смѣняются въ насъ царство Божіе и царство врага, царство жизни и царство смерти! Христіанинъ видитъ это внутренними очами и удивляется Божіей правдѣ и святости, удивляется и недремлемости врага, всегда яко левъ рыкающаго и ищущаго кого поглотити" (1 Петр. 5, 8).

„По этимъ признакамъ знай, когда въ тебѣ — Духъ

Божій и когда—духъ злой, и какъ можно чаще возвышайся благодарнымъ сердцемъ къ Всесвятому Духу, оживотворяющему и освящающему тебя, и всѣми силами бѣги сомнѣнія, невѣрія и страстей, съ которыми вползаетъ въ нашу душу духовный змій, тать и убійца душъ нашихъ".

„Духа же Святаго такъ же легко вѣрующему привлекать въ себя, какъ воздухъ; подобно воздуху, Онъ все наполняетъ и все проникаетъ! Вездѣ сый и вся исполняяй. Кто усердно молится, тотъ привлекаетъ въ себя Духа Святаго и молится Духомъ Святымъ".

„Душе Святый, всѣ мы христіане — Твое дыханіе, Твое рожденіе послѣ крещенія, да и по первому зиждительному дуновенію въ лицо перваго человѣка, мы всѣ, всѣ племена земныя — Твое дыханіе, Твое рожденіе. Помилуй убо и созижди всѣхъ насъ, Душе Святый! дыханіемъ Своимъ прогоняй смрадъ грѣховъ и страстей нашихъ, искорени смрадъ всѣхъ грѣховныхъ наклонностей!"

Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины, иже вездѣ сый, и вся исполняяй, сокровище благихъ, и жизни подателю, пріиди, и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, души наша.

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

ЕЩЕ О БЛАГОДАТИ.

„Когда человѣкъ преступилъ заповѣдь Божію и лишился райской жизни, тогда онъ связанъ сталъ какъ бы двумя цѣпями: во-первыхъ, цѣпью житейскихъ заботъ... во-вторыхъ, цѣпію невидимою; ибо душа отъ духовъ злобы связана нѣкими узами тьмы, такъ что не можно ей ни любить Бога, ни вѣровать въ Него, ни заниматься молитвою по ея желанію“ (О своб. ума, гл. 29).

„Когда Христосъ, сія первая и существенная благодать, послалъ Божественнымъ ученикамъ даръ Духа, то съ тѣхъ поръ Божественная сила, осѣняя всѣхъ вѣрующихъ и обитая въ душахъ ихъ, врачуетъ грѣховныя страсти и освобождаетъ отъ тьмы и смерти; но до того времени душа была въ ранахъ, содержалась подъ стражею и объята была грѣховнымъ мракомъ. Да и нынѣ душа, не удостоившаяся еще имѣть общеніе съ Господомъ и силу Св. Духа, которая бы дѣятельно всею силою и полнотою ее осѣняла, находится во тьмѣ, а у тѣхъ, на кого низошла благодать Духа Божія и у кого поселилась она въ глубинѣ ума, *Господь есть* какъ бы душа: *соединяющійся съ Господомъ,* говоритъ апостолъ, *становится одинъ духъ съ Господомъ* (I Кор. VI, 17)“. (Тамъ же, 12).

„Мы всѣ, то-есть, совершенною вѣрою рожденные отъ Духа, открытымъ лицомъ взираемъ на славу Божію... Когда кто обратится къ Господу, взимается по-

крывало... (II Кор. 3. 17. 18). Симъ ясно показалъ апостолъ, что на душѣ лежало покрывало тьмы, которая, со времени преступленія Адамова, имѣла свободный входъ въ человѣчество; нынѣ же она, чрезъ осіяніе Духа, снимается съ вѣрующихъ и истинно достойныхъ душъ. Для сей самой причины и было пришествіе Іисуса Христа, ибо угодно было Богу, чтобы истинно вѣрующіе приходили въ сію мѣру святости" (Тамъ же, гл. 22).

„Благодать, пришедши чрезъ очищеніе внутренняго человѣка и ума, снимаетъ покрывало сатаны, послѣ преступленія возложенное на человѣковъ, и очищаетъ душу отъ всякой скверны и помысла нечистаго, желая, чтобы она, возвратясь въ собственное естество, открытыми и ясными очами усматривала славу истиннаго свѣта. Таковые отселѣ восхищаются уже въ тотъ вѣкъ и видятъ тамошнія красоты и чудеса. Какъ тѣлесное око, неповрежденное и здоровое, свободно смотритъ на сіяніе солнечное, такъ и сіи, посредствомъ просвѣщеннаго и очищеннаго ума, повсюду усматриваютъ неприступное сіяніе Господа" (Слово о воззв. ума, гл. 13).

„Какъ невозможно безъ глазъ, языка, ушей и ногъ смотрѣть, говорить, слышать, ходить,—такъ равно невозможно безъ Бога и сообщаемаго Имъ дѣйствія участвовать въ Божественныхъ тайнахъ, постигать Божественную мудрость, или богатѣть по духу. Ибо греческіе мудрецы упражняются въ наукахъ и ревностно занимаются словопреніями, но рабы Божіи, хотя бы и не знакомы были съ науками, совершенствуются знаніемъ Божественнымъ и благодатію Божіею" (Тамъ же, гл. 15).

„Блаженны по истинѣ и счастливы по жизни и сверхъестественному наслажденію тѣ, кои, посредствомъ пламенной любви къ добродѣтельной жизни, получили опытное и ощутительное познаніе небесныхъ таинъ Духа и имѣютъ жилище свое на небесахъ! Они превосходятъ всѣхъ людей, и вотъ доказательство тому ясное: кому изъ сильныхъ или мудрыхъ, или разумныхъ, обращающихся на землѣ, случилось взойти на небо, производить тамъ дѣла духовныя и зрѣть красоты Духа? Между тѣмъ, повидимому, нищій, крайне нищій и уничиженный, нимало не извѣстный даже и сосѣдямъ, падши на лицо свое предъ Господомъ, подъ руководствомъ Духа восходитъ на небо и въ твердой вѣрѣ души своей наслаждается тамъ чудесами, тамъ дѣйствуетъ, тамъ имѣетъ жилище, какъ говоритъ Божественный апостолъ: *наше житіе на небесахъ* (Фил. III, 20); и еще: *чего не видалъ глазъ, не слыхало ухо, и что на сердце человѣку не приходило, то приготовилъ Богъ любящимъ Его* (I Кор. 2, 9), и потомъ прибавляетъ: *а намъ Богъ открылъ Духомъ Своимъ* (I Кор. 2, 10)“. (Сл. о любви, гл. 17).

„Имѣющій благодать, укоренившуюся въ душѣ и сорастворившуюся съ нею... позналъ на опытѣ иное богатство, иную честь и иную славу и питаетъ душу нетлѣнною радостію, и ощущаетъ, и вполнѣ наслаждается оною чрезъ сообщеніе съ Духомъ“ (Тамъ же, гл. 22).

„Сколько есть различія между разумнымъ пастыремъ и безсловесными скотами, столько таковый человѣкъ смысломъ, знаніемъ и разсужденіемъ различествуетъ отъ другихъ людей, ибо онъ имѣетъ иной духъ и иной умъ, иной смыслъ и иную мудрость, нежели какова мудрость міра сего“ (Тамъ же, гл. 23).

„Божественный апостолъ Павелъ точно и ясно показалъ, что совершенное таинство Христово опытно познаетъ вѣрующая душа по дѣйствію Божію, которое есть сіяніе небеснаго свѣта въ откровеніи и силѣ Духа, дабы кто не подумалъ, что освѣщеніе Духа бываетъ только посредствомъ познанія ума, и по невѣдѣнію и нерадѣнію не подвергся опасности уклониться отъ совершеннаго таинства благодати“ (О своб. ума, 21).

„Оное сіяніе Духа не есть только освѣщеніе ума и благодатное просвѣщеніе, какъ сказано выше, но есть постоянное и непрестанное въ душахъ сіяніе существеннаго свѣта“ (гл. 22).

„И блаженному Павлу возсіявшій на пути свѣтъ, посредствомъ коего онъ восхищенъ былъ и до третьяго неба и содѣлался слышателемъ неизреченныхъ таинствъ, не было какое-либо просвѣщеніе мыслей и разума, но существенное сіяніе силы благого Духа въ душѣ, коего чрезвычайнымъ блескомъ ослѣпились тѣлесныя очи, не могли перенести онаго, и которымъ открывается всякое знаніе и истинно является Богъ душѣ, достойной и любящей Его“ (гл. 23).

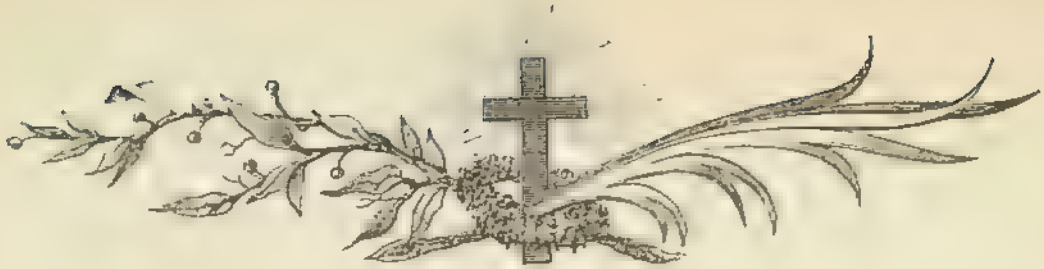
„Всякая душа, за свое усиліе и вѣру по дѣйствію и увѣренію благодати удостоившаяся совершенно облечься во Христа и соединившаяся съ небеснымъ свѣтомъ нетлѣннаго образа, и нынѣ уже участвуетъ въ существенномъ познаніи небесныхъ таинствъ“ (гл. 24).

„Какъ сначала... опредѣленіе смерти за преступленіе... открылось душѣ тѣмъ, что умственныя чувства, лишившись небеснаго и духовнаго наслажденія, погасли въ немъ и содѣлались какъ бы мертвыми,—такъ нынѣ, крестомъ и смертію Спасителя примирившійся съ чело-

вѣкомъ, Богъ истинно вѣрующей душѣ, еще въ тѣлѣ находящейся, снова даетъ наслаждаться небеснымъ свѣтомъ и таинствами и снова просвѣщаетъ умственныя чувства Божественнымъ свѣтомъ благодати“ (гл. 26).

„Когда случается тебѣ слышать объ общеніи жениха съ невѣстою, о хорахъ пѣвцовъ, о праздникахъ, то не представляй ничего вещественнаго и земного. Это берется только въ примѣръ по снисхожденію; поелику тѣ вещи неизреченны, духовны и неприкосновенны для плотскихъ очей, но подходятъ подъ понятіе только души святой и вѣрной. Общеніе Святаго Духа, небесныя сокровища, хоры пѣвцовъ и торжества св. ангеловъ понятны только для человѣка, познавшаго сіе самымъ опытомъ, а не испытавшій не можетъ вовсе и представить себѣ этого. Итакъ слушай о семъ съ благоговѣніемъ, доколѣ и ты за вѣру свою не удостоишься достигнуть таковыхъ благъ. И тогда ты душевными очами на самомъ опытѣ увидишь, какихъ благъ и здѣсь могутъ пріобщаться христіанскія души“ (Сл. о любви, гл. 13).

Св. Макарій египетскій.



О ХРИСТІАНСКОМЪ ПЕРЕНЕСЕНІИ СКОРБЕЙ.

(Къ 29 іюня).

Если, дѣлая добро и страдая, терпите, это угодно Богу. Ибо вы къ тому и призваны: потому что и Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его.

Итакъ страждущіе по волѣ Божіей да предадутъ Ему, какъ вѣрному Создателю, души своя, дѣлая добро (I Петр. II, 20—21, IV, 19).

Входите тѣсными вратами; потому что широки врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель, и многіе идутъ ими.

Потому что тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и не многіе находятъ ихъ (Мѳ. VII, 13—14).

Въ примѣръ злостраданія и долготерпѣнія возьмите, братія мои, пророковъ, которые говорили именемъ Господнимъ (Іак. V, 10).

Донынѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками! Злословятъ насъ, мы благословляемъ; гонятъ насъ, мы терпимъ; хулятъ насъ, мы молимъ; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый донынѣ (I Кор. IV, 11—13).

Въ мірѣ скорбни будете (Іоан. 16, 33), сказалъ Господь апостоламъ предъ Своими страданіями, и слово Божественнаго Учителя вполнѣ исполнилось надъ ними. Чего только они не претерпѣли, свидѣтельствуя

объ истинѣ? „Бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойниковъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды во лжебратіи...“ Вся жизнь ихъ прошла „въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ“ (II Коринѳ. 11, 26—27). Припоминая все это, въ полной силѣ уразумѣемъ слова Господа о Своихъ ученикахъ: „Отъ міра не суть“ (Іоан. 17, 16). Дѣйствительно, „живя въ мірѣ, апостолы были чужды его, чужды пристрастія къ нему, не искали въ немъ себѣ ни славы, ни богатства, ни сластей, ни спокойствія, но были какъ бы существа иного міра, небеснаго; о небесномъ мудрствовали и заботились, небесной славы нетлѣнной искали, небеснаго, нетлѣннаго богатства, небесныхъ сладостей и небеснаго покоя въ Богѣ и соединеніи съ Нимъ“.

„Мы же грѣшные—отъ міра сего, потому что ищемъ славы міра сего, богатства матеріальнаго, здоровья, долгоденствія земного, наслажденій здѣшними благами, здѣшнимъ спокойствіемъ, здѣшними радостями“ и при этомъ сильно огорчаемся и ропщемъ, когда постигаютъ насъ какія-либо невзгоды.

Но этого не должно быть. Полная всевозможныхъ трудовъ и лишеній жизнь первыхъ учениковъ и послѣдователей нашего Божественнаго Наставника должна служить примѣромъ и для всѣхъ насъ.

„Настоящая жизнь есть изгнанничество: изгна его, сказано, Господь Богъ изъ рая сладости (Быт. 3, 23), и мы всѣ должны усиленно стремиться чрезъ покаяніе и дѣла, достойныя покаянія, къ своему отечеству. Настоящая жизнь есть тѣсный путь, путь скорбей, лише-

ній, болѣзней. Чѣмъ тѣснѣе этотъ путь, тѣмъ убѣдительнѣе, вѣрнѣе, что мы стоимъ на истинномъ пути, чѣмъ шире—тѣмъ несомнѣннѣе, что мы близки къ погибели. Настоящая жизнь есть ежедневная жестокая, горчайшая война со врагами нашего спасенія... Нѣтъ, не время покоиться, веселиться и развлекаться въ этой жизни, данной для приготовленія къ будущей, ни тогда, когда мы искушаемся бѣдствіями, ни даже тогда, когда намъ кажется, что мы совершенно покойны и счастливы, когда, напримѣръ, предаемся удовольствіямъ въ театрѣ, на вечерахъ, когда рисуемся въ нарядныхъ одеждахъ и уборахъ, когда предаемся наслажденію чрева, кружимся въ веселыхъ танцахъ, разъѣзжаемъ въ великолѣпныхъ экипажахъ и проч. Среди всѣхъ твоихъ житейскихъ удовольствій надъ тобою тяготѣетъ величайшее несчастіе, человѣкъ: ты грѣшникъ, ты въ большой опасности потерять вѣчную жизнь, особенно если живешь нерадиво, не творишь дѣлъ, достойныхъ покаянія. Надъ тобою тяготѣетъ гнѣвъ Бога твоего, особенно если ты не умилостивляешь оскорбленнаго тобою Бога твоею молитвою, покаяніемъ, исправленіемъ. Не до удовольствія тебѣ, но скорѣе до слезъ; удовольствія должны быть рѣдки, и то по преимуществу такія удовольствія, которыя тебѣ представляетъ вѣра въ духовныхъ празднествахъ“.

Можетъ-быть, кто-нибудь скажетъ: „смотря на міръ Божій, что я вижу? Вижу вездѣ необыкновенную широту, игривость жизни: въ царствѣ животномъ, между четвероногими, между гадами, насѣкомыми, птицами, между рыбами. Отчего же — тѣснота и скорбный путь жизни у человѣка и особенно у людей, ревнующихъ о

благочестіи? Господь разлилъ вездѣ жизнь, довольство и радость съ просторомъ, и всѣ твари, кромѣ человѣка, прославляютъ Творца довольствомъ, жизнію и игривой радостію. Отчего же во мнѣ разногласіе съ общей жизнію? Развѣ я не твореніе того же Творца?"

„Разгадка простая. Наша жизнь отравляется то нами самими грѣхомъ, то врагомъ безплотнымъ, особенно имъ и преимущественно у тѣхъ людей, которые подвизаются въ благочестіи. Жизнь человѣка — истиннаго христіанина—впереди, въ будущемъ вѣкѣ; тамъ откроются для него всѣ радости, полное блаженство. А здѣсь онъ изгнанникъ и подъ наказаніемъ: здѣсь иногда вся природа вооружается на него за грѣхъ, не говоря объ исконномъ врагѣ, который какъ левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити (1 Петр. 5, 8). Итакъ не смущаюсь тѣмъ, отчего въ мірѣ вездѣ радость и довольство, а во мнѣ часто нѣтъ радости, и я смотрю угрюмо на радость и просторъ Божіихъ тварей. У меня есть палачъ за грѣхъ, этотъ палачъ всегда со мною и бьетъ меня. Но и для меня настанутъ радости, только не здѣсь, а въ другомъ мірѣ".

Мы слабы, суетны, всѣмъ сердцемъ преданы соблазнамъ. Чтобы показать намъ истинную цѣну благамъ и утѣхамъ міра сего и приготовить къ вѣчной жизни, Господь посылаетъ намъ бѣдствія и тяжкія лишенія.

„Какъ мать младенца учитъ ходить, такъ Господь учитъ насъ живой вѣрѣ въ Него. Поставитъ мать младенца, оставитъ его самому себѣ, а сама отойдетъ, потомъ велитъ итти къ себѣ младенцу. Младенецъ плачетъ безъ матери, хочетъ итти къ ней, но боится сдѣлать попытку шагнуть, усиливается подойти, дѣлаетъ

шагъ и падаетъ. Такъ и христіанина Господь учитъ вѣрѣ въ Него—оставляетъ Своей помощію и предаетъ діаволу или разнымъ бѣдствіямъ и скорбямъ".

„Скорби—великій учитель; скорби показываютъ намъ наши слабости, страсти, нужду въ покаяніи; скорби очищаютъ душу, вытрезвляютъ ее какъ отъ пьянства, низводятъ благодать въ душу, смягчаютъ сердце, внушаютъ отвращеніе къ грѣху, утверждаютъ въ вѣрѣ, упованіи и добродѣтели".

„Безъ искушенія и желѣзо обыкновенное кажется сталью, и латунь или жесть серебромъ, и бронза золотомъ или смѣсь золота съ землей чистымъ золотомъ, и обыкновенное стекло алмазомъ, но испытаніе показываетъ настоящее ихъ достоинство. Такъ и съ людьми бываетъ. По виду многіе кажутся кроткими и смиренными, милостивыми, добрыми, простыми, цѣломудренными, вѣрующими и проч., а испытаніе показываетъ нерѣдко, что они и злы, и горды, и жестокосерды, и нечисты, скупы, жадны, завистливы, злопамятны, лѣнивы и проч. Искушенія же бываютъ чрезъ лишенія и потери, скорби, болѣзни, безчестіе, и выдержавшій искушеніе надеженъ для царствія Божія, а не выдержавшій не надеженъ, потому что въ немъ остается большая примѣсь зла".

„При покоѣ, просторѣ, услажденіи плоти, она оживаетъ со всѣми своими страстями и наклонностями; а при тѣснотѣ, озлобленіи, томленіи умерщвляется со всѣми своими страстями; — вотъ почему премудрость и благость Отца небеснаго подвергаетъ душу и тѣло наше тяжкимъ скорбямъ и болѣзнямъ, вотъ почему намъ должно не только благодушно терпѣть скорби и

болѣзни, но и радоваться въ нихъ больше, чѣмъ въ состояніи душевнаго спокойствія, простора и тѣлеснаго здоровья, ибо, несомнѣнно, худо душевное состояніе того человѣка, который не подвергался душевнымъ скорбямъ или тѣлеснымъ болѣзнямъ, особенно при обиліи благъ земныхъ: сердце его непримѣтнымъ образомъ плодитъ изъ себя всѣ виды грѣховъ и страстей и подвергаетъ его духовной смерти".

„Замѣчательное явленіе въ природѣ: когда посадишь растеніе въ большой, широкій горшокъ или въ кадку, растеніе сильно идетъ въ корень: оно толстѣетъ, даетъ много развѣтвленій, и дерево худо растетъ вверхъ, даетъ небольшіе листья и цвѣты. А когда посажено въ малый горшокъ, тогда корень бываетъ малый, а растеніе быстро возрастаетъ вверхъ, даетъ хорошіе листья и цвѣты. Не такъ ли бываетъ съ человѣкомъ? Когда онъ живетъ въ просторѣ, изобиліи и довольствѣ, тогда онъ растетъ въ чрево свое и не возрастаетъ духомъ ввысь, не приноситъ плодовъ — добрыхъ дѣлъ, а когда живетъ въ тѣснотѣ, бѣдности, въ болѣзняхъ, въ напастяхъ, въ скорбяхъ, словомъ, когда животная сторона его подавляется, тогда онъ духовно возрастаетъ, произращаетъ цвѣты добродѣтелей, зрѣетъ и приноситъ богатые плоды".

Потерялъ ли ты богатство, можетъ-быть, скопленное трудами цѣлой жизни? Ты сокрушаешься, ропщешь? Но помысли: „въ чемъ состоитъ истинное богатство человѣка? Въ образѣ и подобіи Божіемъ, а не въ имѣніи, не въ земляхъ, не въ деньгахъ, не въ разнаго рода земныхъ познаніяхъ и искусствахъ, не во множествѣ одеждъ, вообще благъ земныхъ, ибо все это

тлѣнно и временно, а душа—образъ Божій — вѣчна, и богатство ея — добродѣтель, святыня, смиреніе, незлобіе, воздержаніе во всемъ, вѣра, надежда и любовь".

„Какъ тяжело въ часъ кончины человѣку, который въ этой жизни имѣлъ своимъ идоломъ деньги или пищу и питье или земныя почести! Теперь все это ему ни къ чему не послужитъ, а между тѣмъ сердце его крѣпко привязано къ нимъ, и истиннаго сокровища, дающаго ему жизнь, то-есть добродѣтели, не имѣетъ. Итакъ, чтобы легче было умирать, — а умирать надо всѣмъ,—не должно любить ничего въ мірѣ. Имѣя пищу и одежду, сими довольни будемъ!"

Или вотъ новое искушеніе, новая скорбь: тебѣ причиняютъ обиды, иногда очень тяжкія и несправедливыя, тебѣ за твое добро платятъ черной неблагодарностію, тебя глубоко уязвляютъ люди тебѣ близкіе и тобою любимые. Тебѣ горько, ты возмущенъ до глубины души, негодуешь... Но подумай: „гдѣ было бы мѣсто для борьбы, для подвиговъ, для добродѣтели, если бы не было намъ причиняемо зла отъ ближнихъ, если бы насъ не обижали? Гдѣ было бы мѣсто терпѣнію обидъ, кротости и смиренію?"

„Помни изреченіе Св. Писанія: не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое (1 Римл. 12, 21). Тебѣ грубятъ, тебя раздражаютъ, на тебя дышутъ презрѣніемъ и злобою, не плати тѣмъ же, но будь тихъ, кротокъ и ласковъ, почтителенъ и любящъ къ тѣмъ самымъ, которые недостойно ведутъ себя предъ тобою. Если ты самъ смутишься и будешь говорить съ волненіемъ, грубо, презрительно и, значитъ, безъ всякой любви, тогда ты самъ побѣжденъ и тебѣ въ правѣ ска-

зать обидѣвшіе: врачу, исцѣлися самъ... Будь всегда покоенъ, возвышенъ, немнителенъ, твердъ духомъ, простъ и добръ сердцемъ,—и ты всегда будешь торжествовать надъ своими врагами“.

Или вотъ еще — „ты боленъ, и болѣзнь твоя очень мучительна; ты упалъ духомъ, унылъ, мысли одна другой мрачнѣе обуреваютъ тебя, твое сердце и твои уста готовы къ ропоту, къ хулѣ на Бога. Братъ мой! прими искренній отъ меня совѣтъ: терпи великодушно свою болѣзнь и не только не унывай, напротивъ, если можешь, радуйся своей болѣзни. Чему же радоваться, спросишь, когда ломаетъ вдоль и поперекъ? Радуйся тому, что Господь взыскалъ тебя временнымъ наказаніемъ, да очиститъ душу твою отъ грѣховъ, его же бо любитъ Господь, наказуетъ (Евр. 12, 6); радуйся о томъ, что ты теперь не удовлетворяешь тѣмъ страстямъ, которымъ удовлетворялъ бы, будучи здоровымъ; радуйся, что несешь крестъ болѣзни и, значитъ, идешь узкимъ и скорбнымъ путемъ, ведущимъ къ царствію. Болѣзни, на наши глаза, представляютъ изъ себя только одно болѣзненное, непріятное, ужасное: рѣдко кому изъ насъ во время болѣзни представляется польза, которую приноситъ душѣ нашей болѣзнь; но у премудраго и всеблагого Промыслителя — Бога ни одна болѣзнь не остается безъ пользы для души нашей. Болѣзни въ рукахъ Промысла то же, что горькія лѣкарства для души нашей, исцѣляющія страсти ея, худыя привычки и наклонности. Не возвратится тоща ни одна болѣзнь, посланная на насъ. Поэтому надо имѣть въ виду пользу болѣзней, чтобы легче и спокойнѣе было страдать. Пострадавый плотію преста отъ грѣха!“ (1 Петр. 4, 1).

„Когда страдаетъ отъ болѣзни плоть твоя, помни, что страдаетъ первый врагъ твоего спасенія, который болѣзнію обезсиливается, и терпи великодушно болѣзнь свою во имя Господа Іисуса Христа, насъ ради претерпѣвшаго крестъ и смерть; еще помни, что всѣ наши болѣзни суть наказаніе Божіе за грѣхи; онѣ очищаютъ, примиряютъ насъ съ Богомъ и вводятъ снова въ любовь Его: Твой миръ, сказано, и Твою любовь даруй намъ: вся бо воздалъ еси намъ. Помни, что въ болѣзни Господь съ тобою: съ нимъ есмь въ скорби (Пс. 90, 15), что она произошла отъ мановенія Владыки, отечески наказующаго насъ. Вѣруя во время благополучное, смотри, не отпадай во время напасти, но, какъ мученикъ, будь постояненъ въ вѣрѣ, надеждѣ и любви“.

„Ты въ горести души своей желаешь иногда умереть. Умереть легко, недолго: но готовъ ли ты къ смерти? Вѣдь за смертію слѣдуетъ судъ всей твоей жизни (Евр. IX, 27). Ты не готовъ къ смерти, и если бы она пришла къ тебѣ, ты затрепеталъ бы всѣмъ тѣломъ. Не трать же словъ попустому, не говори: лучше бы мнѣ умереть, а говори чаще: какъ бы мнѣ приготовиться къ смерти по-христіански вѣрою, добрыми дѣлами и великодушнымъ перенесеніемъ случающихся со мною бѣдъ и скорбей и встрѣтить смерть безъ страха, мирно, непостыдно, не какъ грозный законъ природы, но какъ отеческій зовъ безсмертнаго Отца небеснаго, святаго, блаженнаго, въ страну вѣчности. Вспомни старца, который, утрудившись подъ своимъ бременемъ, захотѣлъ лучше умереть, чѣмъ жить, и сталъ звать къ себѣ смерть. Явилась—не захотѣлъ, а пожелалъ лучше нести тяжкое бремя свое“.

Итакъ, „если тебѣ приходится переносить сильныя напасти, скорби и болѣзни, то не малодушествуй, не унывай и не ропщи, не желай себѣ смерти, не говори дерзкихъ рѣчей предъ всевидящимъ Богомъ, напримѣръ, такихъ: о, какая лютая скорбь, о, какая не по силамъ моимъ напасть,—лучше бы ужъ умереть мнѣ, или: лучше убилъ бы я себя! Избави тебя Богъ отъ такого малодушія, ропота и дерзости! Но все это терпи великодушно, какъ посланное тебѣ отъ Бога за грѣхи твои, съ разбойникомъ благоразумнымъ повторяй: достойная по дѣламъ моимъ пріемлю, да взирай мысленными очами на страждущаго на крестѣ Спасителя“.

„Смотри, чтобы рѣки внутреннихъ скорбей и бѣдствій не отторгли тебя отъ Господа Іисуса Христа, ибо врагъ всѣмъ старается отвлечь насъ отъ Господа: и прелестію удовольствій, тяготою бѣдствій, какъ Іова, и особенно внутренними тѣснотами и скорбями. Терпи все, благодари Бога, ибо любящимъ Бога все поспѣшествуетъ во благое. Вспомни, что ты самъ ежедневно исповѣдуешь въ молитвѣ къ Богу, что ты по грѣхамъ своимъ, коими всегда прогнѣвляешь Бога и Пречистую Его Матерь, и всѣхъ небесныхъ силъ, и святого ангела-хранителя, не достоинъ Его человѣколюбія, но достоинъ всякаго осужденія и муки. Вотъ Господь являетъ на тебѣ правду Свою и вмѣстѣ любовь Свою, посѣщаетъ тебя скорбями и тѣснотами, и уничиженіемъ, и посрамленіемъ, чтобы очистить сердце Твое, смягчить, истончить его, смирить его и сдѣлать достойнымъ храмомъ Своимъ“.

„Его же любитъ Господь, наказуетъ, біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ. Всякое же наказаніе не

мнится радость быти, но печаль, послѣди же миренъ тѣмъ наученымъ воздастъ плодъ правды!“ (Евр. 12, 11).

„Какіе духовные бури, ураганы, вихри страшные, огненные, порывистые бываютъ въ жизни человѣческой, въ жизни тѣхъ людей, которые стараются провождать жизнь христіанскую!.. Только по милости Божіей не разбивается совсѣмъ и не погибаетъ челнокъ, въ которомъ странствуетъ по житейскому морю наша душа къ вѣчности, ее ожидающей. Тѣмъ же и страждущіи по волѣ Божіей, яко вѣрну Зиждителю да предадятъ души своя!“ (1 Петр. 4, 19).

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

О СИЛѢ МОЛИТВЫ.

(Къ 20-му іюля).

Просите, и дано будетъ вамъ; ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ (Мѳ. XI, 9).

Илія былъ человѣкъ подобный намъ, и молитвою помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя на землю три года и шесть мѣсяцевъ. И опять помолился: и небо дало дождь, и земля произрастила плодъ свой (Іак. V, 17, 18).

„Много можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема“, говоритъ апостолъ Іаковъ и указываетъ на примѣръ св. пророка Иліи, какъ на самое поразительное доказательство силы молитвы. Дѣйствительно, трудно указать на кого-либо другого изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, который бы превосходилъ святого пророка силою дерзновенія къ Богу. „И возсталъ Илія пророкъ какъ огонь, говоритъ позднѣйшій библейскій писатель, и слово его горѣло какъ свѣтильникъ... Словомъ Господнимъ онъ заключилъ небо и три раза низводилъ огонь. Какъ прославился ты, Илія, чудесами твоими, и кто можетъ сравниться съ тобою въ славѣ! Ты воздвигъ мертваго отъ смерти и изъ ада словомъ Всевышняго. Ты низводилъ въ погибель царей и знатныхъ съ ложа ихъ; ты слышалъ на Синаѣ обличенія на нихъ, и на Хоривѣ суды мщенія; ты помазалъ царей на воздаяніе

и пророковъ въ преемники себѣ; ты восхищенъ былъ огненнымъ вихремъ на колесницѣ съ огненными конями; ты предназначенъ былъ на обличенія въ свои времена,

Взятіе на небо св. пророка Иліи.

чтобъ утишить гнѣвъ, прежде нежели обратится онъ въ ярость, обратить сердце отца къ сыну и возстановить колѣно Іакова. Блаженны видѣвшіе тебя!“ (Сирах. XLVIII, 1—11).

Таковъ былъ пророкъ Илія, молитвенное слово котораго имѣло столь великую силу у Бога!

Но мы — христіане, сыны Новаго Завѣта, и намъ даны еще бо́льшія обѣтованія, чѣмъ ветхозавѣтнымъ праведникамъ. „Все, сказалъ Господь, елика аще воспросите въ молитвѣ вѣрующе, пріимите (Мѳ. XXI, 22). Просите, и дастся вамъ; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вамъ (Мѳ. VII, 7). Аще убо вы, лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него (Мѳ. VII, 11). Аминь, глаголю вамъ: аще имате вѣру и не усумнитеся... аще и горѣ сей речете: двигнися и верзися въ море, будетъ! (Матѳ. XXI, 21). Аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ, и больша сихъ сотворитъ!“ (Іоанна 14, 12).

Воистину не ложно слово самой истины Господа нашего Іисуса Христа, и вся многовѣковая исторія Церкви Божіей свидѣтельствуетъ о поразительныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, совершенныхъ силою молитвы. Благодареніе Богу, не оскудѣла и никогда не оскудѣетъ въ Церкви благодать Божія, обильно изливающая намъ свыше благодѣянія Божія. Истинные христіане, ревностно подвизающіеся въ духовной жизни, и теперь, какъ и всегда, испытываютъ на себѣ благодатную силу молитвы.

Нѣкто былъ смертельно боленъ воспаленіемъ желудка — болѣзнь ужасная! „Я молился объ немъ Господу, чтобъ Онъ исцѣлилъ его. Господи! говорилъ я, исцѣли раба Твоего отъ болѣзни его. Господи! Животе нашъ! Какъ мнѣ помыслить легко объ исцѣленіи, такъ Тебѣ

исцѣлить всякую болѣзнь, какъ мнѣ помыслить легко о воскресеніи изъ мертвыхъ, такъ Тебѣ легко воскресить всякаго мертвеца. Исцѣли убо раба Твоего Василія отъ лютой его болѣзни и не допусти ему умереть, да не предадутся рыданію жена и дѣти его. И благопослушливый Владыка помиловалъ".

„Младенцы Павелъ и Ольга по безпредѣльному милосердію Владыки и по молитвѣ моего непотребства исцѣлились отъ одержавшаго ихъ духа немощи. У Павла-малютки немощь разрѣшилась сномъ; малютка Ольга получила спокойствіе духа, и личико изъ темнаго сдѣлалось яснымъ. Девять разъ ходилъ я молиться съ дерзновеннымъ упованіемъ, надѣясь, что упованіе не посрамитъ, что толкущему отверзется, что хоть за неотступность дастъ мнѣ Владыка просимое; что если несправедливый судія удовлетворилъ, наконецъ, утруждавшую его женщину, то тѣмъ болѣе Судія всѣхъ, праведнѣйшій, удовлетворитъ мою грѣшную молитву о невинныхъ дѣтяхъ, что Онъ призритъ на трудъ мой, на ходьбу мою, на молитвенныя слова и колѣнопреклоненія мои, на дерзновеніе мое, на упованіе мое. Такъ и сдѣлалъ Владыка, — не посрамилъ меня, грѣшника. Прихожу въ десятый разъ.— младенцы здоровы..."

Но отчего же между нами мало такихъ, которые считали бы молитву самымъ дѣйствительнымъ средствомъ во всѣхъ злоключеніяхъ и напастяхъ? Что значитъ, напримѣръ, такое явленіе: когда христіанину, при случившейся съ нимъ какой-нибудь бѣдѣ, подаешь совѣтъ помолиться Господу, онъ холодно принимаетъ совѣтъ, какъ будто бы дѣло шло о давно испытанномъ и не оказавшемъ пользы средствѣ? Это значитъ только

то, что между христіанами все еще очень мало такихъ, которые умѣютъ молиться какъ слѣдуетъ, а потому и не испытываютъ на себѣ всей спасительности молитвы. Молитва—великое и святое дѣло, благоуханный цвѣтъ духовной жизни. Сперва надлежитъ научиться молитвѣ, познать, какая молитва угодна Богу. Это — великій подвигъ!

Прежде всего христіанину надлежитъ съ благоговѣніемъ приступать къ молитвѣ, къ этой живой бесѣдѣ съ Богомъ. „Молясь Богу, надо всегда представлять себѣ Его безконечное величіе, поклоненіе Ему тысячей-тысячъ и тьмы-темъ ангеловъ небесныхъ и святыхъ, также Его вездѣсущіе и всевѣдѣніе, Его безконечную благость, правду и святость. Всегда считай за великое счастіе бесѣдовать въ молитвѣ съ Господомъ или съ Пречистою Госпожею Богородицею, или съ ангелами, или со святыми человѣками, и съ радостію да и съ трепетомъ благоговѣнія молись имъ, всегда памятуя, съ Кѣмъ ты бесѣдуешь, нечистый и ничтожный червь. Дорожи постоянно и неизмѣнно этимъ высочайшимъ счастіемъ, этимъ блаженствомъ, которое представила тебѣ безконечная благость Бога твоего, и не забывайся во время молитвы твоей. Тебѣ внимаетъ Богъ, тебѣ внимаютъ ангелы и святые Божіи человѣки. Прослезился я, писавъ эти строки!“

„Когда ты молишься Богу, то не иначе представляй себѣ близость Его, какъ такъ, что ты ежеминутно дышишь Имъ, двигаешься, просвѣщаешься, освящаешься, утѣшаешься и укрѣпляешься, —словомъ, живешь Имъ по Писанію: о Немъ бо живемъ и движемся и есмы“ (Дѣян. 17, 28).

„Молясь Богу, бесѣдуешь съ Нимъ лицомъ къ лицу; бесѣдуй же съ Нимъ какъ съ Царемъ—глазъ на глазъ, съ Матерію Царицею небесной бесѣдуй, какъ съ живою, съ ангелами и святыми такъ же, какъ глазъ на глазъ, и отнюдь ничѣмъ постороннимъ сердце да не занимается въ это время и ни къ чему не прилѣпляется, ибо скажи: станешь ли ты, разговаривая съ царемъ или съ царицею, заниматься въ это время чѣмъ-либо стороннимъ или маловажнымъ, напр., смотрѣть въ окно на проѣзжающихъ или разсматривать вещи, находящіяся въ покояхъ, и проч.? И не было ли бы это крайней обидой для царскаго величія? Какъ же мы при бесѣдѣ съ Господомъ дѣлаемъ подобное и гораздо хуже этого?“

Второе и самое главное условіе успѣшности молитвы—живая сердечная вѣра въ силу молитвы.

„Многіе не молятся потому, что имъ кажется, будто они не получили отъ Бога молитвою никакихъ даровъ или считаютъ молитву ненужнымъ дѣломъ; Богъ, говорятъ, все знаетъ прежде нашего прошенія. Но наши прошенія нужны именно для усиленія нашей вѣры. „О жено, велія вѣра твоя!“ сказалъ Господь, исполняя прошеніе жены-хананеянки. Спаситель для того и заставилъ женщину усиленно просить, чтобы возбудить ея вѣру, усилить ее. Такіе люди не видятъ того, что они не имѣютъ вѣры — самаго драгоцѣннаго достоянія христіанина“.

„Молясь, нужно такъ вѣровать въ силу словъ молитвы, чтобы не отдѣлять самыхъ словъ отъ самаго дѣла, выражаемаго ими; нужно вѣровать, что за словомъ, какъ тѣнь за тѣломъ, слѣдуетъ и дѣло, такъ

какъ у Господа слово и дѣло нераздѣльны: ибо Той рече, и быша; Той повелѣ, и создашася (Пс. 148, 5). И ты такъ же вѣруй: что ты сказалъ на молитвѣ, о чемъ попросилъ, то и будетъ. Ты славословилъ—и Богъ принялъ славословіе, поблагодарилъ Господа — и Богъ принялъ благодареніе твое въ воню благоуханія духовнаго. Ты просишь здоровья себѣ или кому-либо, — слово здоровье имѣй за самое дѣло: вѣруй, что ты его уже имѣешь,—ты имѣешь вѣрный залогъ въ полученіи предмета твоихъ прошеній въ самыхъ словахъ, коими означается этотъ предметъ, по милости и всемогуществу Бога, ибо самое слово, названіе во мгновеніе у Господа можетъ быть дѣломъ—и получишь непремѣнно просимое за свою непоколебимую вѣру. То бѣда, что мы маловѣрны и отдѣляемъ слова отъ дѣла, какъ тѣло отъ души, какъ форму отъ содержанія, какъ тѣнь отъ тѣла, бываемъ и на молитвѣ, какъ въ жизни, тѣлесни, духа не имуще (Іуд. 1, 19), оттого-то и безплодны наши молитвы".

„Чувствуй только искренно нужду въ томъ, о чемъ молишься, да искренно вѣруй, что всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ отъ Бога нисходитъ, а не отъ людей, не отъ случая, не отъ обстоятельствъ, не отъ судьбы,—что видитъ и слышитъ Владыка каждую твою нужду, каждое движеніе твоего сердца и твоихъ мыслей, что Онъ всеблагъ, всемогущъ, премудръ — и все удобно во мгновеніе, единымъ движеніемъ мысли Своей, чрезъ Сына въ Духѣ Святомъ, можетъ совершить для тебя потребное,—и все получишь. Ибо хотя отъ человѣкъ многое невозможно, но не у Бога: вся бо возможна суть у Бога!"

Правда, „во время молитвы бываютъ иногда минуты убійственнаго мрака и стѣсненія сердечнаго, происходящихъ отъ невѣрія сердца. Не малодушествуй въ эти минуты, но вспомни, что если пресѣкся свѣтъ Божественный въ тебѣ, то онъ сіяетъ всегда во всемъ блескѣ и величіи въ Богѣ, въ Церкви Божіей, небесной и земной, и въ мірѣ вещественномъ, въ которомъ видимы Его присносущная сила и Божество. Не думай, что изнемогла истина: она никогда не изнеможетъ, потому что истина—Самъ Богъ, и все существующее въ Немъ имѣетъ свое основаніе и причину, — изнемогаетъ въ истинѣ только твое слабое, грѣшное, темное сердце, которое не всегда можетъ переносить напряженіе свѣта ея и не всегда способно вмѣстить чистоту ея,—только тогда, когда оно очищается или очищено отъ грѣха, какъ первой причины духовнаго мрака. Такъ—безсильна, хладна, безплодна бываетъ душа наша, какъ оная языческая неплодящая церковь; но лишь напряжемъ сердце свое въ искренней молитвѣ къ Богу, обратимъ мысли и сердце свое къ Нему съ вѣрой живою, тотчасъ оживетъ, согрѣется и оплодотворится душа наша. Какое вдругъ спокойствіе, какая легкость, какое умиленіе, какой внутренній святый огонь, какія теплыя слезы о грѣхахъ, какое искреннее чувство сожалѣнія о томъ, что прогнѣвали ими Владыку Преблагаго, какой свѣтъ въ сердцѣ и въ умѣ, какой обильный потокъ живой воды заструится въ сердцѣ, льющійся свободно съ языка! Пустыня душевная процвѣтетъ яко кринъ пришествіемъ Господа въ сердце. Ахъ! зачѣмъ мы чаще не обращаемъ сердецъ своихъ ко Господу! Сколько у Него всегда сокрыто для насъ покоя,

утѣшенія! Коль многое множество благости Твоея, Господи, юже скрылъ еси боящимся Тебе, Господи!“ (Псал. 30, 20).

„Нѣкто во время молитвы, когда онъ дѣлался вялъ, разслабленъ духомъ и тѣломъ и ему хотѣлось дремать, возбуждалъ себя слѣдующимъ внутреннимъ вопросомъ: съ кѣмъ ты бесѣдуешь, душа моя? и, живо представляя послѣ этого предъ собою Господа, начиналъ молиться съ великимъ умиленіемъ и со слезами; притупленное вниманіе его изощрялось, умъ и сердце просвѣтлялись, и онъ весь оживотворялся. Вотъ что значитъ живо представлять предъ собою Господа Бога и ходить въ присутствіи Его!“

Исполненная живой сердечной вѣры, молитва естественно должна быть согрѣта искреннимъ, горячимъ чувствомъ. „Многіе люди молятся лицемѣрно, и ихъ лицемѣрная молитва вошла у нихъ въ привычку; они сами даже не замѣчаютъ и не хотятъ замѣтить, что молятся лицемѣрно, а не въ духѣ и истинѣ, такъ что если бы кто сказалъ имъ въ обличеніе, что они молятся лицемѣрно, они прогнѣвались бы на дерзнувшаго сказать такую, по ихъ мнѣнію, несообразность. До лицемѣрія человѣкъ доходитъ не вдругъ, а постепенно. Сначала онъ, можетъ-быть, молился отъ сердца, но потомъ, такъ какъ молиться всегда сердцемъ составляетъ значительный трудъ, къ коему надо всегда принуждать себя, ибо царствіе небесное (сказано) нудится (Мѳ. 11, 12), онъ начинаетъ больше молиться устами, поверхностно, а не изъ глубины души, такъ какъ это гораздо легче; и наконецъ, при усиленной борьбѣ плоти и діавола, молится устами, не доводя до сердца силы

словъ молитвенныхъ. Такихъ людей очень много; Господь говоритъ объ нихъ: приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ Меня, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене“ (Мѳ. 15, 8).

„Помни, что если ты во время молитвы не празднословишь, а съ чувствомъ говоришь слова молитвы, то слова твои не возвратятся къ тебѣ тощи, безъ силы (какъ шелуха безъ зерна), но непремѣнно принесутъ тебѣ тѣ самые плоды, которые заключаются въ словѣ, какъ плодъ въ оболочкѣ. Это дѣло самое естественное, какъ естественны и обыкновенны въ природѣ плодъ и оболочка его. Но если ты слова бросаешь попусту, не чувствуя силу ихъ, какъ шелуху безъ ядра, то пустыми они къ тебѣ и воротятся; шелуху бросаешь, шелуха къ тебѣ и воротится; сѣмя бросаешь, колосъ тебѣ принесетъ, и чѣмъ лучше, тучнѣе сѣмя, тѣмъ обильнѣе колосъ. Такъ и съ нашими молитвами: чѣмъ искреннѣе, сердечнѣе будешь произносить каждое слово, тѣмъ больше плода отъ молитвы: каждое слово, какъ зернышко, принесетъ тебѣ плодъ духовный, какъ зрѣлый колосъ. Кто изъ молящихся не испыталъ этого? Или еще—слова молитвы подобны дождю или снѣгу, если выговариваются съ вѣрою и сочувствіемъ: дождевыя капли или снѣжинки, падающія непрерывной нитью или хлопьями, поятъ землю, и она прозябаетъ и приноситъ плодъ; такъ слова молитвы — этотъ дождь душевный — каждое въ отдѣльности, напояютъ душу, и она прозябаетъ плоды добродѣтелей, содѣйствующу Святому Духу, особенно если еще есть слезный дождь“.

Поэтому „всѣ приступающіе работать Господу въ молитвѣ научитесь быть подобно Ему кроткими, смирен-

ными и истинными сердцемъ, не будьте хладны, постарайтесь имѣть Духъ Его, ибо кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ (Римл. 8, 9); — и Господь подобнаго Себѣ и сроднаго ищетъ въ насъ, къ чему бы могла привиться благодать Его. И люди не много цѣнятъ тѣ услуги, которыя мы дѣлаемъ съ холодностію, по привычкѣ. А Богъ хочетъ именно нашего сердца. Даждь ми, сыне, твое сердце! (Притч. XXIII, 26), потому что сердце — главное въ человѣкѣ, жизнь его; больше — сердце наше есть самый человѣкъ. Потому, кто не молится или не служитъ Богу сердцемъ — тотъ все равно, что вовсе не молится, потому что тогда молится тѣло его, которое само по себѣ, безъ души — то же, что земля".

Искренность на молитвѣ предполагаетъ неизбѣжно искренность и прямоту сердца во всемъ поведеніи христіанина, во всей его жизни и обращеніи съ людьми. „Если хочешь, чтобы Господь давалъ скорѣе сердечную вѣру твоей молитвѣ, старайся отъ всего сердца все говорить и дѣлать съ людьми искренно и отнюдь не будь съ ними двоедушенъ. Когда будешь прямодушенъ и довѣрчивъ съ людьми, тогда Господь подастъ тебѣ прямодушіе и искреннюю вѣру и по отношенію къ Богу. Того, кто непрямосердеченъ съ людьми, Господь неудобно принимаетъ на молитвѣ, давая ему почувствовать, что онъ не искрененъ въ отношеніи къ людямъ, а потому не можетъ быть совершенно искрененъ и въ отношеніи къ Богу, безъ душевнаго злостраданія".

Разумъ долженъ придти на помощь нашему бѣдному сердцу, погруженному всецѣло въ суету житейскую,

возбуждая его представленіями и мыслями о совершенствахъ божественныхъ. „Зажигательное стекло тогда зажигаетъ дерево или бумагу или что другое удобосгараемое, когда мы наведемъ его на предметъ такъ, что лучи солнечные, сосредоточенные въ фокусѣ стекла, всѣ сосредоточиваются на одной точкѣ зажигаемаго предмета, всей своею совокупностью дѣйствуютъ на него и такимъ образомъ, какъ бы все солнце въ уменьшенномъ видѣ помѣщается въ предметѣ. Такъ и въ молитвѣ, тогда душа наша согрѣвается, оживляется и воспламеняется умнымъ Солнцемъ-Богомъ, когда умомъ своимъ, какъ зажигательнымъ стекломъ, мы наведемъ на сердце, какъ на духовную точку въ нашемъ существѣ, это мысленное Солнце, и когда Оно будетъ дѣйствовать на сердце всею Своей простотою и Своей силою. То же и о Богоматери, и объ ангелахъ, и святыхъ. Наведи на свое сердце ихъ образы такъ, какъ они есть, со всей силою и святынею, пусть сердце приметъ озареніе ихъ на себя съ возможною полнотою и силою, и оно воспламенится ихъ любвеобильнымъ, какъ бы огненнымъ дѣйствіемъ; ихъ чистота, святость, благость, сила сообщатся твоему сердцу, и оно будетъ само очищаться, само укрѣпляться въ вѣрѣ и любви, и чѣмъ дальше, чѣмъ рѣшительнѣе и постояннѣе ты будешь имѣть сердце свое обращеннымъ къ Богу и къ Его святымъ, тѣмъ болѣе будетъ сердце твое просвѣщаться, очищаться и оживотворяться“.

„Хорошо иногда на молитвѣ сказать нѣсколько своихъ словъ, дышащихъ горячей вѣрою и любовію къ Богу. Да, не все чужими словами бесѣдовать съ Богомъ, не все быть дѣтьми въ вѣрѣ и надеждѣ, а надо

показать и свой умъ, отрыгнуть отъ сердца и свое слово благо, притомъ же къ чужимъ словамъ какъ-то привыкаемъ и хладѣемъ. И какъ пріятенъ бываетъ Господу этотъ нашъ собственный лепетъ, исходящій прямо отъ вѣрующаго, любящаго и благодарнаго сердца—пересказать нельзя!“

Наконецъ, для достиженія дара истинной молитвы необходима истинно-христіанская жизнь. „Молитва при чувственности и душевности то же, что куреніе смраднаго изгребія... Вотъ почему у святыхъ отшельниковъ находимъ и молитву въ совершеннѣйшемъ видѣ! Обыкновенный порядокъ жизни какъ-то не совсѣмъ благопріятенъ совершенству въ молитвѣ. Ибо тогда, какъ въ ней надобно отрѣшаться отъ всего и какъ бы не существовать для внѣшняго, тутъ все вызываетъ вонъ и низвергаетъ духъ съ высоты, на которую лишь только востечетъ онъ со всѣми усиліями!“ (Епископъ Ѳеофанъ. „Начертаніе христіанскаго нравоученія“. 396). „Чтобы христіанинъ жилъ христіанскою жизнію и не угасала въ немъ совершенно жизнь духа, необходимо посѣщать съ вѣрою, разумѣніемъ, усердіемъ богослуженіе въ храмѣ, какъ необходимо подливать елей въ лампадку, чтобы она горѣла и не угасала; а такъ какъ молитва искренняя, горячая, бываетъ при воздержаніи, то для поддержанія въ себѣ христіанской жизни, или горячности вѣры, надежды и любви, нужны воздержаніе и постъ“.

Благость Божія къ намъ, грѣшнымъ, однако столь велика, что кто бы ты ни былъ, братъ мой, какъ бы много ты ни оскорбилъ небеснаго Отца своими прегрѣшеніями, но если, сознавъ и всѣмъ сердцемъ почувство-

вавъ грѣховную погибель, возведешь съ вѣрой умоляющій взоръ къ небу, будь увѣренъ—Оно слышитъ тебя! „Когда станешь на молитву, обремененный грѣхами многими и одержимый отчаяніемъ, начни молиться съ упованіемъ, духомъ горящимъ, вспомни тогда, что Самъ Духъ Божій способствуетъ намъ въ немощахъ нашихъ, ходатайствуя о насъ воздыханіи неизглаголанными. Когда ты вспомнишь съ вѣрою объ этомъ въ насъ дѣйствіи Духа Божія, тогда слезы умиленія потекутъ изъ очей твоихъ, и на сердцѣ будешь ощущать миръ, сладость, оправданіе и радость о Дусѣ Святѣ, ты будешь глаголомъ сердца вопіять: Авва, Отче“.

„Гдѣ во всей полнотѣ, силѣ и красотѣ является жизнь въ Богѣ? На высшихъ степеняхъ молитвы! говоритъ богомудрый наставникъ. Такъ велика сила молитвы и такъ высоко ея значеніе! Молитва есть все: вѣра, благочестіе, спасеніе. Слѣдовательно объ ней столь можно говорить, что и конца не будетъ!“ (Еп. Ѳеофанъ. Тамъ же. 399).

„О, какой даръ неоцѣненный—молитва! Слава Тебѣ, Отче щедротъ и всякія утѣхи! Слава Тебѣ, Сыне Божій, единородный, исходатайствовавый намъ безконечное прощеніе грѣховъ нашихъ! Слава Тебѣ, Душе Всесвятый, ходатайствуяй о насъ воздыханіи неизглаголанными, дающій пламенную съ воздыханіями и слезами молитву, согрѣвающій хладную душу, дающій умиленіе и скорбь о грѣхахъ, очищающій, освящающій, умиротворяющій, укрѣпляющій, обновляющій насъ! Слава Тебѣ, Троице Святая, Безначальная, Живоначальная, во вѣки благословляемая отъ всѣхъ созданій умныхъ!“

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИ МОЛИТВѢ ДѢЛЪ ЛЮБВИ ХРИСТІАНСКОЙ.

„Многіе, оскорбивши ближняго своего и съ нимъ не примирившись, къ Богу въ молитвѣ приступаютъ: таковыхъ суетна и тщетна есть молитва.

„Когда не оставляешь сердечно ближнему твоему, то словомъ только и устами и потому лицемѣрно молишься и тако молитва твоя не только не пользуетъ тебѣ, но и въ грѣхъ обращается. Безполезны тогда всѣ твои воздыханія и слезы. Воздѣваеши руцѣ твои къ Богу? Но не оскверняеши ли ихъ грабленіемъ, хищеніемъ и прочею неправдою? Призываеши устами твоими святое и страшное имя Божіе? Но не порочиши ли ихъ злословіемъ, клеветою, осужденіемъ, лестью, ложью и прочими пороками?

„Ищешь у Бога милости? Но самъ милуеши ли ближняго твоего, тебѣ подобнаго человѣка? Говоришь къ Богу: *Услыши, Господи!* Но самъ не затыкаеши ли ближнему твоему, просящему тебя? Что бо молитва безъ милости? Какъ гласъ безъ силы. Милость сама собою молится болѣе, нежели всѣ человѣки. И Богъ нашъ болѣе на сердце незлобивое, сострадательное, милостивое и доброхотное смотритъ, нежели на частое повтореніе: *Господи! Господи!* Богъ бо есть милостивъ и праведенъ: яко милостивъ, любитъ милость и творящаго милость милуетъ; а яко праведенъ, — отнимаетъ праведно милость отъ того, кто самъ не хочетъ миловать. Прочитай притчу о должникѣ и клевретѣ его (Мѳ. XVIII, 23—35) и увидишь истину сію“.

Изъ твореній св. Тихона задонскаго.

ЕЩЕ О МОЛИТВѢ.

„Кто-то опредѣляетъ молитву дыханіемъ духа. Она и есть дыханіе духа... Какъ въ дыханіи расширяются легкія и тѣмъ привлекаютъ животворныя стихіи воздуха, такъ и въ молитвѣ разверзаются глубины нашего сердца, и духъ возносится къ Богу, чтобы пріобщеніемъ къ Нему воспріять соотвѣтственный даръ. И какъ тамъ кислородъ, принятый въ дыханіи чрезъ кровь, расходится потомъ по всему тѣлу и оживляетъ его, такъ и здѣсь принятое отъ Бога входитъ во внутренняя наша и оживотворяетъ тамъ все...

„Можно назначить три степени молитвы. На первой она бываетъ преимущественно внѣшняя: чтенія, поклоны, бдѣнія и проч... Съ сего начинаютъ, и иные довольно долго трудятся надъ собою, пока появятся начатки молитвы, или легкія движенія молитвеннаго духа... Молитва, какъ высшій даръ, ниспосылается какъ бы по каплѣ малой-малой, чтобы научить человѣка дорого цѣнить ее. На второй степени въ ней тѣлесное съ духовнымъ являются въ равной силѣ. Здѣсь каждое слово молитвы сопровождается соотвѣтственнымъ чувствомъ, или внутреннія молитвенныя движенія, внутренно движимыя, изъясняются и изъявляются своимъ словомъ... Это повсюднѣйшая молитва, общая всѣмъ почти. Она обыкновенна въ томъ, въ комъ живъ духъ благочестія. На третьей степени въ молитвѣ преобладаетъ внутреннее или духовное,—когда и безъ словъ и безъ поклоновъ, и даже безъ размышленія, и безъ всякаго образа, при нѣкоторомъ молчаніи или безмолвіи, во глубинѣ

духа совершается дѣйство молитвы. Эта молитва не ограничивается ни временемъ, ни мѣстомъ, ни другимъ чѣмъ внѣшнимъ и можетъ никогда не прекращаться. Почему и называется *дѣйствомъ молитвы*, т. е. чѣмъ-то пребывающимъ неизмѣнно. Вотъ собственно *внутренняя молитва!* Но, чтобъ дойти до сей послѣдней степени, необходимо пройти первыя и слѣдовательно поднять всѣ труды тѣлеснаго дѣланія для молитвы, какъ-то: посты, поклоны, чтенія молитвъ, бдѣніе, колѣнопреклоненіе. Кто пройдетъ это, вступитъ на вторую степень, когда, какъ говоритъ Макарій Великій, лишь поклонишься, и духъ уже согрѣвается въ молитвѣ. Какъ тому, кто не знаетъ алфавита, нельзя начинать складовъ, потому что это будетъ безполезною тратою времени, такъ и здѣсь: кто не умѣетъ плавать по мелкой рѣкѣ, какъ того пускать въ глубокое море? Но и тогда, какъ кто взойдетъ до послѣдней степени молитвы, внѣшнее моленіе не прекращается, а также участвуетъ во внутреннемъ. Та только разница, что въ первомъ внѣшнее предшествуетъ внутреннему, а здѣсь внутреннее внѣшнему. Какъ же можно браться за одно внутреннее, когда еще не научились трудомъ и опытомъ отъ внѣшняго восходить къ внутреннему!

Видно теперь, гдѣ во всей полнотѣ, силѣ и красотѣ является жизнь въ Богѣ? На высшихъ степеняхъ молитвы. Такъ велика сила молитвы и такъ высоко ея значеніе!.. Молитва есть все: вѣра, благочестіе, спасеніе... Кто умѣетъ молиться, тотъ уже спасается...“

Преосв. Ѳеофанъ. Начерт. христіанск. вѣроуч. 399.

О МОЛИТВЕННОМЪ ПРИЗЫВАНІИ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

(Къ 15-му августа).

Въ молитвахъ неусыпающую Богородицу и въ предстательствахъ непреложное упованіе — гробъ и умерщвленіе не удержаста (Кондакъ на Успеніе Пр. Богородицы).

При самомъ началѣ общественнаго служенія Господа нашего Іисуса Христа совершилось трогательное и многознаменательное событіе. Въ небольшомъ галилейскомъ городкѣ, теперь обратившемся въ простую деревню, въ четырехъ часахъ пути отъ Назарета,— въ Канѣ Галилейской происходило семейное торжество — бракъ. Бракъ совершался въ семействѣ, которое, очевидно, было знакомо со святымъ семействомъ, почему въ числѣ приглашенныхъ мы видимъ Господа и Его Матерь. Благочестно, со всѣми подобающими обрядами совершалось брачное торжество, но оно готово было омрачиться: вѣроятно по недостаточности хозяевъ запасено было небольшое количество вина, и недостатокъ въ немъ могъ обнаружиться раньше, чѣмъ окончится чинъ брачнаго торжества. Только чуткое къ нуждѣ ближняго, только искренно-любящее сердце могло вы-

звать въ комъ-нибудь изъ присутствующихъ желаніе помочь горю. И это сердце открылось — у Пресвятой Дѣвы Маріи. Сердобольная ко всѣмъ, Она проявляетъ первый опытъ Своего ходатайства предъ Своимъ Сыномъ — въ тихой просьбѣ къ нему о помощи нуждающимся, да не омрачится скорбію свѣтлый день чистой радости. Но нѣжное и трогательно-заботливое сердце Богоматери не удовольствовалось однимъ ходатайствомъ. Она подходитъ къ служителямъ и предупреждаетъ ихъ: „Что скажетъ вамъ Сынъ Мой, то и сдѣлайте!“ Дорогая гостья какъ бы опасается, чтобы не вышло какого-нибудь недоразумѣнія, чтобы помощь произошла тихо, какъ бы незамѣтно для хозяевъ, ни на минуту не нарушая чистой радости семейнаго праздника.

Кому приходилось чувствовать нужду въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, кто только имѣетъ сострадательное сердце, способное отзываться на нужды близкихъ, тотъ пойметъ, какое неистощимое сокровище любви открывается предъ нами въ лицѣ Пресвятой Дѣвы въ этомъ трогательномъ разсказѣ о бракѣ въ Канѣ Галилейской. Мы имѣемъ мало свѣдѣній о жизни Пресвятой Дѣвы, но достаточно только что изложеннаго повѣствованія, чтобы вполнѣ живо представить себѣ безконечно любящее существо: въ первый разъ мы слышимъ обращеніе Богоматери къ Ея Божественному Сыну, достигшему совершеннаго возраста и готовому начать Свое искупительное служеніе, и это первое обращеніе есть ходатайство, просьба о нуждахъ человѣческихъ... И дивный образъ Заступницы и Ходатаицы за родъ человѣческій глубоко напечатлѣлся въ душахъ вѣрующихъ на всѣ времена: кто не знаетъ,

Успеніе Пресв. Богородицы.

съ какою готовностью христіане прибѣгали и прибѣгаютъ къ заступничеству Пресвятой Богородицы?

Если при жизни Богоматерь проявляла нѣжное и глубоко-сострадательное сердце, готовое на близкую и скорую помощь, то что̀ же можно сказать о Пресвятой Дѣвѣ, когда, послѣ Ея блаженнаго успенія, все существо Ея, покинувъ земную оболочку, озарилось въ сіяніи свѣта—Бога, какъ „уголь раскаленный въ великомъ огнѣ“, когда, пребывая всецѣло въ Богѣ, Она получила возможность слышать каждый вздохъ, доходящій къ Ней отъ земли, и являть на всякомъ мѣстѣ Свою могущественную и чудодѣйственную помощь? Когда Она, по ученію св. Церкви, одарена благодатію предъ всѣми ангелами, высшая всѣхъ существъ небесныхъ и земныхъ, честнѣйшая херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимъ, Царица небесная, предъ Которой въ благоговѣніи склоняются самыя высшія силы небесныя, когда въ самыхъ небесахъ, кромѣ Матери Божіей, нѣтъ ближайшаго духа къ престолу Божію? Можетъ ли быть другое высшее и надежнѣйшее ходатайство о насъ, грѣшныхъ? Сколько радостнаго для насъ въ мысли объ этомъ величіи Матери Божіей, Заступницы и Ходатаицы нашей и сколько вмѣстѣ съ тѣмъ поучительнаго!

„Насъ ради Господь воплотился, страдалъ, распятъ и умеръ и воскресъ. Насъ ради Онъ и Матерь Свою, Пречистую Дѣву Марію, всѣми добродѣтелями благоукрасилъ и всѣми божественными силами снабдилъ, чтобы Она, преблагосердная и всесовершенная, была послѣ Него всѣмъ для насъ. Итакъ да не будетъ для насъ тща благодать Божія, коей исполнена Владычица

наша! Да притекаемъ всѣ съ дерзновеніемъ и упованіемъ къ чудному и всеблагомощному и пречистому Покрову Дѣвы!“

Если при жизни Своей Пресвятая Дѣва готова была ходатайствовать за людей предъ Спасителемъ, то намъ трудно и представить себѣ всю безконечную силу любви Богородицы къ христіанамъ. которые дороже Ей, чѣмъ дѣти родной матери, потому что искуплены безцѣнною кровію Сына Ея, потому что Онъ не стыдится называть насъ своими братьями.

„Знай и помни, что дѣло твоего спасенія всегда близко сердцу Владычицы Богородицы, ибо для того избралъ Ее изъ всѣхъ родовъ и воплотился отъ Ней, Пречистой, благоволеніемъ Отца и содѣйствіемъ Святаго Духа, Сынъ Божій, чтобы спасти родъ человѣческій отъ грѣха, проклятія и вѣчной смерти и вѣчныхъ мученій. Обращайся къ Ней съ полною вѣрою и упованіемъ и любовію“.

„Міръ есть домъ. Строитель и хозяинъ этого дома, Творецъ и Отецъ живущихъ въ немъ людей — христіанъ есть Богъ. Мать въ этомъ домѣ Пресвятая Богородица. Въ добромъ семействѣ мать всегда въ высокомъ почитаніи. Ходи всегда въ присутствіи своего Отца, въ любви и послушаніи къ Нему; равно въ присутствіи общей нашей матери Пресвятой Богородицы,—во святой любви, благоговѣніи и послушаніи къ Ней. Чтобы мы не усомнились превознесенную Матерь Бога Вышняго, Пресвятую, Пречистую и Преблагословенную, Славную Владычицу нашу называть своею матерью, Предвѣчный, Божественный Сынъ Ея, Господь Іисусъ Христосъ разрѣшилъ наше сомнѣніе, прямо дозволилъ

намъ называть ее своею матерію: *се мати твоя*. Ибо въ лицѣ св. Іоанна Богослова это сказано и намъ, христіанамъ. Да. Она и дѣйствительно есть нѣжнѣйшая, благопромыслительная, всесвятая и къ святости насъ, чадъ своихъ, направляющая мать наша".

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что „благосердая Матерь Бога - Слова видитъ насъ и слышитъ наши молитвы и воздыханія къ Ней?"

„Мы молимся Всеблагой и Всенепорочной Матери Божіей—и Она молится о насъ. Мы прославляемъ Ее—Высшую всякой славы, и Она уготавливаетъ намъ самимъ вѣчную славу. Мы говоримъ Ей часто: „радуйся", и Она у Сына Своего и Бога проситъ: Сынъ Мой возлюбленный, дай имъ вѣчную радость за привѣтствіе Меня радостію".

Итакъ, „приступая молиться Царицѣ Богородицѣ, прежде молитвы будь твердо увѣренъ, что ты не уйдешь отъ Ней, не получивши милости. Такъ мыслить и такъ быть увѣреннымъ относительно Ея—достойно и праведно. О Ея милостяхъ, неисчетно великихъ и безчисленныхъ, возглашаютъ всѣ вѣка и всѣ Церкви христіанскія: Она точно есть *бездна благостыни и щедротъ*, какъ говорится о Ней въ канонѣ Одигитріи (кан. пѣсн. 5, ст. 1). Потому приступать къ Ней въ молитвѣ безъ такой увѣренности было бы неразумно и дерзко, а сомнѣніемъ оскорблялась бы благость Ея, какъ оскорбляется благость Божія, когда приступаютъ въ молитвѣ къ Богу и не надѣются получить отъ Него просимаго. Какъ спѣшатъ за милостію къ какому-либо высокому и богатому человѣку, милости кого всѣ знаютъ, который милость свою доказалъ многочисленными опытами?

Обыкновенно съ самою покойною увѣренностью и надеждою получить отъ него, чего желаютъ. Такъ надо и въ молитвѣ къ Пресвятой Богородицѣ не сомнѣваться и не малодушествовать“.

„Воззри на Пресвятую Богородицу сердечными очами вѣры и молитвы въ Духѣ Святомъ, воззри на Нее, какъ бы у самаго сердца твоего сущую и воззови къ Ней: пребыстрая Заступница, Госпоже Богородице Маріе, спаси меня! И тотчасъ, въ минуту, спасетъ Она тебя по вѣрѣ сердца твоего, по упованію на Нее сердца твоего,—такъ и отступятъ отъ боку тѣснота, огонь и уныніе тяжкое. Надо только вообразить и твердо вѣрить, что Духъ Святый вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, что въ Немъ все небо близко къ намъ, какъ на ладони, со всѣми ангелами и святыми, что только слѣдуетъ призвать Господа или Госпожу Богородицу отъ всего сердца, съ ясно видящею вѣрою, съ сердечнымъ раскаяніемъ во грѣхахъ, коими связываетъ насъ врагъ или связываемся сами добровольно, — и спасеніе тотчасъ возсіяетъ. Дивно спасеніе Владычицы, такъ оно и льется тебѣ въ душу, какъ цѣлебный бальзамъ или ароматическій живительный воздухъ, или какъ успокоивающая вода, только воззри на Нее очами сердечными съ упованіемъ на Ея благость и благопомощіе“.

Правда, „это трудно—съ сердечною, ясновидящею вѣрою воззрѣть къ Ней, равно какъ къ Господу или къ святымъ; врагъ усиливается всячески стать твердою, высокою и мрачною стѣною между твоею душою и Богомъ или Богородицею, ангелами и святыми, не допускаетъ, окаянный, чтобы сердечное око зрѣло Господа или святыхъ Его, затмеваетъ всячески сердце, вѣру

разсѣваетъ, внутренности тѣснитъ, жжетъ, омрачаетъ. Всѣ эти дѣйствія надо считать за мечту, за ложь, и сквозь эту мечтательную стѣну прорваться къ Господу или Богоматери или святымъ. Какъ прорвешься, такъ тотчасъ ты и спасенъ". „Демоны трепещутъ Богородицы и даже самаго имени Ея Всесвятаго, потому что вся Она въ сіяніи Свѣта — Бога, вся пресвѣтла и огненна".

Подобно тому, какъ въ трудныхъ обстоятельствахъ мы имѣемъ обыкновеніе обращаться съ просьбою о помощи къ друзьямъ и близкимъ родственникамъ, такъ прежде всего, прежде всякой помощи человѣческой, проси помощи Пресвятой Богородицы. Возникла ли у тебя въ домѣ смута, „буря вражды и злобы", молись Божіей Матери. „Она всеблагая и всеблагомощная удобно можетъ умирить сердца человѣческія. Миръ и любовь отъ Единаго Бога происходитъ, какъ отъ своего источника, а Владычица въ Богѣ, и, какъ Матерь Христа-Мира, ревнуетъ и молится о мирѣ всего міра, паче же—всѣхъ христіанъ. Она-то имѣетъ всеблагомощіе—маніемъ Своимъ прогонять отъ насъ духовъ злобы поднебесныхъ—этихъ неусыпныхъ и усердныхъ сѣятелей между людьми злобы и вражды, и всѣмъ съ вѣрою и любовію притекающимъ въ державный Покровъ Ея подаетъ скоро миръ и любовь".

Тѣснитъ ли тебя неисходная нужда, противъ которой тщетно ты напрягаешь свои человѣческія силы, падаешь ли подъ бременемъ бѣдствій,—вспомни о скорой Подательницѣ всѣхъ благъ, духовныхъ и тѣлесныхъ, и какъ туча разсѣвается вѣтромъ и сіяетъ солнце, такъ скоро утолится и твоя печаль, и возсіяетъ тебѣ неча-

янная радость. Вспомни: если на бракѣ въ Канѣ Пресвятая Дѣва не пожелала, чтобы свѣтлое торжество омрачилось печалію вслѣдствіе недостатка въ винѣ, то—тѣмъ болѣе, тѣмъ скорѣе поможетъ и тебѣ въ твоемъ несчастіи—и сколько примѣровъ неисчетныхъ благодѣяній, испрошенныхъ молитвою къ Царицѣ Небесной!

„Чувствуешь себя грѣшникомъ, нечестивымъ, скверным, лукавымъ, хульнымъ и потому не хочешь приступить къ Владычицѣ и молиться Ей,—но потому-то и молись усердно, что ты сознаешь себя такимъ грѣшникомъ, не лежи въ тинѣ грѣховной, приди къ Владычицѣ, стань предъ образомъ Ея въ чаяніи, что Она Сама—тутъ, покажи ей безъ стыда свои язвы грѣховныя, имѣй къ нимъ омерзѣніе и проси Ее очистить тебя отъ этой духовной проказы—и не постыдишься. Всеблагая не презритъ тебя, Пречистая и Всеблагомощная очиститъ тебя, какъ Господь очистилъ десять прокаженныхъ“.

„Дѣва Марія—Владычица благосерднѣйшая всѣхъ сыновъ и дщерей человѣческихъ, какъ дщерь Бога Отца, Который есть любовь; Мать Бога-Слова-Любви нашей и избранная невѣста Духа Всесвятаго, иже есть любовь единосущная Богу и Слову. Какъ же намъ не прибѣгать къ такой Владычицѣ и не чаять отъ Нея всѣхъ благъ духовныхъ!?“

„Благая Владычица! Яви и являй присно владычество Твое надо мною и людьми Твоими, богобоящимися и богонравными—избавленіемъ насъ, по молитвѣ нашей, отъ скверныхъ, лукавыхъ и хульныхъ помышленій, отъ всѣхъ грѣховъ и страстей, отъ всѣхъ козней демонскихъ, яко благая Мати Божія“.

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

О ХРИСТІАНСКОМЪ ПРОЩЕНІИ ОБИДЪ.

(къ 14 сентября).

— Господи! Сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? До семи ли разъ?

— Не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ (Мѳ. XVIII, 21, 22).

Если бы намъ задали вопросъ: какое главное различіе между языческой и христіанской жизнью,—можно было бы отвѣтить не задумываясь: въ язычествѣ было обычаемъ презирать и ненавидѣть своихъ ближнихъ, а христіанство заповѣдуетъ любить даже враговъ и прощать причиняемыя намъ обиды. Времена язычества, повидимому, давно прошли—однако, присматриваясь къ печальнымъ явленіямъ нашей жизни, мы находимъ возможнымъ спросить: не осталось ли среди насъ язычества? Подлинно ли мы—христіане, а не язычники по своей жизни? И не оправдываемъ ли мы часто своего языческаго поведенія такими разсужденіями: „съ волками жить по-волчьи выть. Самъ я человѣкъ добрый и не желаю никому зла. Но что же дѣлать, когда другіе злы и стараются причинить мнѣ всякій вредъ? Поне-

волѣ приходится защищаться и отплачивать за обиды, отстаивая свою честь и благоденствіе". А другіе изъ оборонительнаго положенія прямо переходятъ въ наступательное и доходятъ до такого одичанія, что не желаютъ сносить даже малѣйшей, иногда воображаемой обиды и, движимые чувствами злобы и мести, готовы бываютъ на всякое злодѣйство, поджогъ, убійство... Подобно реву кровожаднаго звѣря, нерѣдко приходится слышать дикій возгласъ: „прочь съ дороги... Не подходи близко... Не тронь меня!.."

А мудрецы вѣка сего стараются доказать, что такъ и должно быть, что иначе и быть не можетъ. Не сказывается ли старая языческая закваска въ разглагольствованіяхъ, что весь міръ населенъ ничтожными существами, что единственно правильное отношеніе къ нимъ—это презрѣніе самое глубокое, вытекающее будто бы само собою при видѣ людской пошлости и мелочности, тупости, злобы и пороковъ? Не языческій ли это образъ мыслей, когда одинъ изъ прославленныхъ мудрецовъ вѣка сего гордо заявляетъ, что уже на тридцатомъ году жизни ему до глубины души наскучило считать людей равными себѣ, что его жизнь среди людей походитъ на „одиночество царей" или на жизнь какого-нибудь брамина среди презрѣнныхъ парій!? (Шопенгауэръ). О, близорукая мудрость, разрывающая союзъ братской любви! Да развѣ одному мудрецу позволительно воображать себя существомъ, предъ которымъ всѣ другіе должны склоняться во прахѣ? Вырвавшееся на волю самолюбіе, направляемое звѣрскими инстинктами, можетъ еще скорѣе заявить себя и въ простомъ смертномъ, въ простолюдинѣ, въ рабочемъ. Что же это будетъ,

Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста.

когда каждый станетъ воображать, что всѣ интересы ближняго, его спокойствіе, благополучіе и самая жизнь могутъ быть принесены въ жертву его страстямъ и прихотямъ, такъ какъ кромѣ себя онъ знать ничего и никого не хочетъ!?

Но развѣ мы, христіане, можемъ забыть величайшій образецъ, которому мы должны слѣдовать? Развѣ можемъ мы забыть, какъ Господь нашъ училъ насъ братской любви, училъ прощать обиды „до седмижды семидесяти разъ", какъ Онъ заповѣдывалъ любить враговъ, благословлять проклинающихъ, благотворить ненавидящимъ и молиться за обижающихъ? Развѣ можемъ мы забыть, какъ, перенеся терпѣливо всевозможныя оскорбленія и муки, въ минуту невообразимаго ужаса, омрачившаго небо и всколебавшаго землю, Сынъ Божій обращался къ Небу не съ воплемъ естественной муки при страшной казни, предстоявшей Ему, не сотворившему ни одного грѣха, но съ мольбой безконечной любви за звѣрскихъ и безжалостныхъ убійцъ: „Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ!?" Можемъ ли мы забыть все это? О, если я забуду эти великіе завѣты, забудь меня, десница моя! Прильпни, языкъ мой, къ гортани моей!!..

А если такъ, если мы не желаемъ стать подъ знамя новаго язычества, если не хотимъ сдѣлаться учениками мудрецовъ вѣка сего, если желаемъ быть и навсегда остаться послѣдователями и учениками единственнаго истиннаго наставника — Господа нашего І. Христа, то мы должны подражать Ему, Его кротости и долготерпѣнію и, подобно Ему, молиться за обижающихъ насъ, а отнюдь не досаждать и не мстить.

„Имѣй христіанское благоискусство отъ сердца благословлять проклинающихъ тебя, да угодишь тѣмъ Христу твоему, рекшему: „благословите клянущія вы“. Люби враговъ своихъ искренно, не обращая вниманія на ихъ вражду,—но на образъ Божій, по коему они сотворены, видя въ нихъ себя самого. „Дѣлай добро ненавидящимъ тебя“, какъ Сынъ Отца небеснаго, Который благъ есть на безблагодатныя и злыя (Лук. 6, 35), вѣруя, что благимъ побѣдишь злое; потому что добро всегда сильнѣе зла. Молись за творящихъ тебѣ обиду (Лук. 6, 28), да молитвою и ихъ избавишь, если Богъ благоволитъ, отъ лукавства, злобы и козней, и себя избавишь отъ напасти... Если такъ будешь жить, стяжешь себѣ безцѣнное сокровище мира и любви и долголѣтенъ будеши на земли: ибо кротціи, сказано, наслѣдятъ землю (Мѳ. 5, 5) и насладятся о множествѣ мира“.

Правда, такое отношеніе къ недостаткамъ ближнихъ, особенно враговъ нашихъ, представляетъ большія трудности для насъ вслѣдствіе нашей грѣховности.

„Мы быстры на зло и медленны на добро. Вотъ я хочу быть добрымъ къ врагу и выразить на дѣлѣ свою доброту, но прежде чѣмъ я успѣю въ сердцѣ сдѣлаться добрымъ, я уже золъ, уже огненная стрѣла злобы палитъ мои внутренности; хочу быть терпѣливымъ, но прежде чѣмъ я утвержу свое сердце въ терпѣніи, я дѣлаюсь раздражителенъ, нетерпѣливъ; хочу быть смиреннымъ, но сатанинская гордость нашла уже во мнѣ просторный уголокъ; хочу быть ласковымъ, — между тѣмъ, когда нужно оказать ласку, я оказываюсь грубымъ... Я подобенъ тому разслабленному, который трид-

цать восемь лѣтъ лежалъ на одрѣ своемъ и сколько разъ ни приходилъ къ овчей купели, исцѣлявшей всякаго, кто первый опускался въ нее послѣ возмущенія ея ангеломъ,—инъ прежде его слазилъ. И когда я, разслабленный грѣхами моими, собираю свои усилія и прихожу самъ въ себя, — съ намѣреніемъ погрузиться въ Богѣ и измѣниться къ лучшему, — инъ прежде меня слазитъ въ мое сердце, грѣхъ, діаволъ упреждаютъ меня въ моемъ собственномъ домѣ, въ моей сердечной купели, не допускаютъ меня до Источника живыхъ водъ—Господа, не даютъ мнѣ погрузиться въ очистительной купели вѣры, смиренія, сердечнаго сокрушенія и слезъ".

Но это самое безсиліе наше исполнить заповѣдь Христову, безъ благодати Божіей, и должно болѣе всего научить насъ прощать обиды другимъ.

„Братъ! ты чувствуешь въ сердцѣ убійственное зло на ближняго, тебя мучатъ злыя думы объ обидахъ, причиненныхъ тебѣ отъ него,—вотъ тебѣ средство избавиться отъ внутренней тѣсноты: представь множество своихъ грѣховъ и живо вообрази, какъ на тебѣ терпитъ ихъ Владыка живота твоего, какъ Онъ ежедневно и безъ числа отпускаетъ тебѣ, если ты искренно молишь Его о томъ, согрѣшенія твои, — ты между тѣмъ не хочешь простить ближнему нѣсколькихъ вспышекъ страсти, возбужденныхъ въ немъ діаволомъ. Вздохни, если можешь, поплачь о своемъ безуміи, осуди только непремѣнно себя, никакъ не ближняго, — и вотъ отъ Владыки готово тебѣ помилованіе: тѣснота внутренняя какъ дымъ исчезнетъ, мысли прояснятся, сердце успокоится, и ты будешь опять ходить въ пространствѣ

сердца; пріучи себя къ незлобію такъ, какъ будто бы не ты слушалъ укоризны, клеветы, обиды, а кто-либо совсѣмъ другой или какъ бы тѣнь твоя; не допускай мнительности...“

„Чтобы не помнить тебѣ злобы противъ ближняго, а отъ души прощать его, вспомни, что ты самъ не чуждъ злобы, равно какъ и всѣхъ другихъ страстей. Признавай немощи и страсти ближняго за свои собственныя: прощающе другъ другу, якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ (Ефес. 4, 32). О, какъ я грѣшенъ, противенъ, по грѣхамъ моимъ, очамъ Божіимъ, людямъ и даже себѣ самому! Кто же для меня можетъ быть болѣе противенъ, кромѣ меня самого? Воистину никто: въ сравненіи со мною всѣ праведники. Буду же я немилосердно гнѣваться на себя, и прощеніе обидъ и погрѣшностей ближняго противъ меня, непотребнаго, считать за особенное счастіе, да и мнѣ долготерпѣливый, щедрый и милостивый Господь проститъ хотя нѣкоторыя согрѣшенія. Я долженъ помнить, что этимъ только я и заслуживаю себѣ милость Владыки, иначе мнѣ давно не надлежало бы и жить“.

Зная по собственному опыту всю слабость, всю грѣховность человѣческой природы, мы должны не ненавидѣть, не презирать враговъ нашихъ, а скорѣе—сожалѣть объ нихъ.

„Ближняго надо еще болѣе любить тогда, когда онъ согрѣшаетъ противъ Бога или противъ насъ, ибо онъ тогда боленъ, тогда онъ въ бѣдѣ душевной, въ опасности, тогда-то и надо помилосердовать и помолиться о немъ и приложить къ нему цѣлительный пластырь—слово ласки, вразумленія, обличенія, утѣшенія, проще-

нія, любви. Всѣ грѣхи и страсти, брани и свары суть истинно болѣзни душевныя,—такъ и надо смотрѣть на нихъ. Или всѣ страсти—пожаръ души, великій огонь, свирѣпѣющій внутри, огонь, выходящій изъ адской бездны. Его надо тушить водою любви, которая сильна потушить всякій адскій пламень злобы и другихъ страстей. Но горе и бѣда намъ, нашему самолюбію, когда будемъ увеличивать этотъ пламень новымъ адскимъ пламенемъ, своею собственною злобою и раздражительностью, и будемъ, такимъ образомъ, помощниками духовъ злобы, усиливающихся во всякое время производить всякое душевное запаленіе въ людяхъ посредствомъ многоразличныхъ страстей. Мы сами себѣ спискиваемъ геенскій огонь и, если не раскаемся и не будемъ впредь мудры на добро и просты на зло, то осудимся вмѣстѣ съ діаволомъ и аггелами его на мученіе въ езерѣ огненномъ. Итакъ не позволимъ побѣждать себя злу, но будемъ побѣждать благимъ злое. Окаянные мы человѣки! какъ мы доселѣ не научились считать всякій грѣхъ великою бѣдою нашей души и не сострадать душевно, искренно, съ любовію впадающимъ въ такую бѣду! Для чего не бѣжимъ отъ него, какъ отъ яда, какъ отъ змѣя, для чего коснѣемъ въ немъ?..“

Если же при обидахъ и огорченіяхъ закипаетъ въ сердцѣ какъ бы невольно злоба и ненависть, направляй ее не на брата, согрѣшающаго противъ тебя, но на діавола, творца всякой вражды и злобы, на самый грѣхъ.

„Діаволъ съ лукавствомъ побуждаетъ насъ — вмѣсто того, чтобы раздражаться на него самого, — внушаетъ намъ замѣчать грѣхи ближняго, чтобы насъ озлобить,

раздражить противъ человѣка, возбудить презрѣніе къ нему, и такимъ образомъ держитъ насъ во враждѣ съ ближними и съ Самимъ Господомъ Богомъ. Потому надо презирать самые грѣхи, погрѣшности, а не ближняго, дѣлающаго ихъ по наущенію діавола, по немощи, привычкѣ; ближняго же жалѣть, съ кротостію, съ любовію вразумлять его, какъ забывающагося или больного, какъ плѣнника, невольника своего грѣха. А злоба, презорство наше къ ближнему согрѣшающему только увеличиваетъ его болѣзнь, забвеніе, духовный плѣнъ его, а не уменьшаетъ, да и насъ дѣлаетъ какъ бы умопомѣшанными, больными, плѣнниками собственныхъ страстей и діавола—ихъ виновника".

„Ты ненавидишь врага? Ты глупъ! Почему? Потому что когда врагъ тебя гонитъ, ты еще самъ себя внутренно гонишь, ибо скажи, не гоненіе ли, не самое ли жестокое гоненіе — мучить себя ненавистью къ врагу? Люби врага—и ты будешь премудръ. Духомъ вражды, злобы, ненависти не служи діаволу и зла не умножай зломъ, царства вражія не распространяй въ царствѣ Христовомъ. Побѣждай благимъ злое. А зломъ зла не побѣдишь, какъ огнемъ огня не уничтожишь. Злоба — всегда мечта діавола. Любовь—всегда истина Божія и чадо Божіе. О, если бы ты зналъ, какое торжество, какое блаженство — любить врага и дѣлать ему добро! Такъ Сынъ Божій, такъ Богъ во Св. Троицѣ восторжествовалъ и торжествуетъ надъ неблагодарнымъ и злонравнымъ родомъ человѣческимъ: такъ святые Божіи торжествовали надъ врагами своими, любя ихъ и дѣлая имъ добро!"

Такъ, прощая обиды, человѣкъ несомнѣнно прино-

ситъ пользу не только врагу, обезоруживая его злобу, но и себѣ самому. Только невѣріе наше можетъ внушить намъ опасеніе, что мы можемъ много потерять, прощая обиды. „Сохрани кроткое и миролюбивое расположеніе къ брату даже тогда, когда онъ коварно или хитростію или же какъ-либо ненамѣренно лишаетъ тебя послѣдняго рубля. Тутъ-то и покажи, что ты любишь въ ближнемъ образъ Божій больше всего земного и тлѣннаго, что любовь твоя николиже отпадаетъ (1 Кор. 13, 8). Отъ взимающаго твое не истязуй (Лк. 6, 30). Хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу (Мѳ. 4, 4). Да не посрамитъ тебя врагъ надѣяніемъ на прахъ земной, каковы деньги, больше, чѣмъ на Бога, но да посрамленъ будетъ самъ крѣпкимъ упованіемъ твоимъ на Бога и на Его святое слово... Не роняй безумно достоинства своего безсмертнаго духа до суетнаго надѣянія на прахъ земной. Говори: Богъ упованіе мое, или: упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой — Духъ Святый—Троица Святая. А какъ многіе изъ насъ раздражаются и выходятъ изъ себя, когда ихъ лишаютъ не послѣдняго рубля, а только нѣкоторой небольшой части изъ ихъ далеко не послѣдняго имущества! Сколько возмущенія, гнѣва, желчи, горькихъ упрековъ, ропота, иногда проклятій! — Боже праведный! И этотъ прахъ, называемый деньгами, или же эти брашна и питья могутъ производить такую бурю въ нашихъ христіанскихъ душахъ! — въ насъ, когда мы знаемъ слово нашего Спасителя: не зависитъ жизнь человѣка отъ изобилія его имѣнія! (Лк. 12, 15). Боже мой! до чего мы дожили! Чѣмъ мы лучше язычниковъ

при своемъ образѣ жизни? Гдѣ наша вѣра, упованіе на Бога, любовь къ ближнему? О, тлѣніе сатанинское! О, стыдъ нашъ!"

„Вообще множество случаевъ можетъ представиться въ этой жизни безчисленныхъ взаимныхъ несовершенствъ нашихъ, и если при всякомъ случаѣ огорчаться, то не станетъ нашей жизни и на нѣсколько мѣсяцевъ. Да притомъ огорченіемъ и раздраженіемъ не поправляется дѣло, а напротивъ, болѣе разстраивается чрезъ наше разстройство. Лучше же быть всегда спокойнымъ, ровнымъ, всегда исполненнымъ любви и уваженія къ больному нравственно человѣчеству или, говоря частнѣе, къ ближнимъ, къ роднымъ своимъ и подчиненнымъ намъ. Вѣдь человѣкъ не ангелъ, да притомъ уже жизнь-то наша сложилась такъ, что ежедневно и невольно почти грѣшимъ, хотя бы и не хотѣли. Не еже хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю (Римл. 7, 19). И Господь научилъ насъ снисходительно смотрѣть на частыя человѣческія неисправности и паденія, сказавъ: остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Яко же хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде (Лук. 6, 31). А кто изъ насъ не хочетъ, чтобы къ нему относились снисходительно и терпѣливо въ его нуждахъ, преткновеніяхъ и паденіяхъ, неисправностяхъ, опущеніяхъ? Самъ ты желаешь, чтобы твои грѣхи были покрыты снисходительною, вся покрывающею любовію ближнихъ. Какъ бы ты былъ имъ благодаренъ, съ какою бы любовію обнялъ, поцѣловалъ ихъ за ихъ вся терпящую любовь; какъ это снисхожденіе облегчило бы безъ того тяжкую скорбь

твою о грѣхахъ, ободрило и укрѣпило твою немощь въ борьбѣ съ ними, укрѣпило бы твой духъ упованіемъ на милосердіе Божіе! Но чего желалъ бы ты себѣ въ подобныхъ случаяхъ, то дѣлай и брату: онъ твой членъ и членъ Христовъ: возлюбиши, сказано, ближняго твоего, яко самъ себе. И апостолъ учитъ насъ долготерпѣнію и снисхожденію. Любовь, говоритъ ап. Павелъ, долготерпитъ, милосердствуетъ, не раздражается, не мыслитъ зла, вся покрываетъ, вся терпитъ и николиже отпадаетъ" (1 Кор. 13, 4 и дал.).

„Любовь христіанская лучше предпочитаетъ терпѣть всѣ внѣшнія неудобства жизни, тѣсноту, отсутствіе чистаго воздуха, убытки, нежели изъ-за внѣшнихъ этихъ и подобныхъ неудобствъ допускать нетерпѣніе, огорченіе, раздраженіе, ропотъ на стѣсняющихъ насъ по нуждѣ или по капризу характера или по желанію пожить на чужой счетъ, на чужое спокойствіе. А гдѣ любовь, тамъ благодать Божія и всякое добро, тамъ спокойствіе, тамъ довольство".

Наконецъ — чтобы поддержать въ себѣ въ минуту искушенія истинно-христіанское настроеніе и чувства, будемъ чаще взирать на крестъ нашего Искупителя: Онъ скорѣе всего напомнитъ намъ о любви къ ближнему, о снисхожденіи и прощеніи обидъ. „Крестъ безъ любви нельзя мыслить и представлять: гдѣ крестъ, тамъ любовь; въ церкви вы вездѣ и на всемъ видите кресты для того, чтобы все напоминало вамъ, что вы въ храмѣ Бога любви, въ храмѣ любви, распятой за насъ".

„Насилуемый врагомъ всякаго добра — діаволомъ и увлекаемый страстями, я изобразилъ на себѣ крестное

знаменіе и сказалъ внутренно: силѣ благодати Твоей ничто не можетъ противиться, — и насиліе престало, смущеніе и тѣснота прошли, мѣсто ихъ заступила тишина и спокойствіе".

„Слава, Господи, никогда неизнемогающей силѣ креста Твоего!"

„Даждь мнѣ, Господи, любити всякаго ближняго моего, какъ себя, всегда и ни изъ-за чего на него не озлобляться и не работать діаволу. Даждь мнѣ распять мое самолюбіе, гордость, любостяжаніе, маловѣріе и прочія страсти. Да будетъ намъ имя: взаимная любовь, да вѣруемъ и уповаемъ, что для всѣхъ насъ все Господь, да не печемся, не безпокоимся ни о чемъ; да будешь Ты, Боже нашъ, единымъ Богомъ сердца нашего и кромѣ Тебя ничто. Да будемъ мы между собою въ единеніи любви, якоже подобаетъ, и все раздѣляющее насъ другъ отъ друга и отъ любви отлучающее да будетъ у насъ въ презрѣніи, какъ прахъ, попираемый ногами. Буди! буди!"

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

О СВѢТСКОЙ ЖИЗНИ.

(На октябрь).

Суета суетъ—все суета!

Оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я, дѣлая ихъ: и вотъ—все суета и томленіе духа! (Екклезіастъ, гл. I, 2, II, 11).

Съ наступленіемъ осенняго времени у городскихъ жителей обыкновенно начинаются усиленные хлопоты объ устройствѣ на зиму, поднимаются вопросы о квартирѣ, мебели, экипажахъ, модныхъ нарядахъ и т. п. Богатые стараются еще болѣе увеличить свою роскошь, бѣдные также не желаютъ отстать отъ богатыхъ, хотя подчасъ это ведетъ къ очень плачевнымъ слѣдствіямъ. Кто привыкъ глубже вдумываться въ истинный смыслъ жизни, кто при этомъ не лишенъ чувства любви къ ближнимъ,—навѣрное не разъ испытаетъ тяжелое чувство при видѣ этой ежегодной осенней страды городскихъ жителей. Въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь къ безчисленнымъ разговорамъ и потомъ скажите, что́, въ большинствѣ случаевъ, выражаетъ эта забота объ устройствѣ на зиму, какъ не желаніе наполнить пустоту внутренней жизни внѣшними удобствами и развлеченіями или стремленіе во что бы

то ни стало не отстать отъ другихъ, отъ моды, отъ условныхъ приличій свѣта? Не чувствуется и не слышится ли во всемъ этомъ страшная бѣдность души, оскудѣніе внутренняго родника жизни, небреженіе о „единомъ на потребу“, для котораго только и можно трудиться и работать, при которомъ только и имѣютъ цѣну всѣ внѣшнія удобства? При всѣхъ заботахъ о мельчайшихъ подробностяхъ ежедневнаго обихода услышите ли вы хотя одно слово о единомъ на потребу? „Жить какъ всѣ живутъ“, „жить какъ принято въ свѣтѣ“, т.-е. отдавать свое время, кромѣ служебныхъ или дѣловыхъ отношеній, выѣздамъ, баламъ, клубамъ, театрамъ, картамъ—вотъ чѣмъ руководствуется огромное большинство свѣтскихъ людей, устроиваясь на зиму, точно иначе и жить невозможно. И тонкій ядъ губительной свѣтской жизни разливается во всѣ стороны и охватываетъ постепенно, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, всѣ классы, всѣ состоянія.

Какъ же можно жить иначе? спросятъ, быть-можетъ, многіе. Укажите намъ какой-нибудь другой строй, другой порядокъ жизни?

„Есть, братіе-христіане, жизнь истинная, дѣйствительная, и есть жизнь мнимая, ложная. Жить для того, чтобы пить, ѣсть, одѣваться, гулять, обогащаться,—вообще, жить для земныхъ удовольствій или заботъ, равно какъ заводить интриги, козни, судить да рядить о другихъ, есть жизнь мнимая; жить для того, чтобы угождать Богу и ближнимъ, молиться о спасеніи душъ ихъ и всячески помогать ихъ спасенію, значитъ истинно жить. Первая жизнь есть непрестанная смерть духовная, вторая—не престающая жизнь духа“.

„Такъ какъ Господь составилъ насъ изъ двухъ началъ—духовнаго и вещественнаго, изъ разумной души и вещественнаго тѣла, имѣющаго нужду въ вещественной поддержкѣ, — то діаволъ, назло Богу и намъ, силится всячески изъ самой этой двойственности нашей природы извлечь для себя выгоду, склоняя насъ къ надѣянію не на Бога, а на плотскія вещи, на деньги, на пищу и питье, на человѣческія связи, на чины, отличія и преимущества, на знатность рода, на умъ, на образованіе, на книги; внушаетъ намъ искать наслажденія въ пищѣ, питьѣ, одеждахъ, въ концертахъ свѣтскихъ, въ театрахъ, въ смѣхотворствѣ, въ празднословіи, въ игрѣ словъ. Плоть цвѣтетъ, а душа вянетъ; плоть пространна, а душа въ тѣснотѣ; плоть пресыщена, а душа голодаетъ; плоть разукрашена, а душа безобразна; плоть благоухаетъ, а душа смердитъ; плоть разливается въ смѣхѣ, а душа кругомъ въ бѣдѣ; плоть во свѣтѣ, а душа во мракѣ, въ адскомъ мракѣ. Современное ложное просвѣщеніе удаляетъ отъ истиннаго Свѣта, *просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ*“.

„У христіанъ и науки и литература стали почти только земныя,—Евангеліе и законъ Божій пренебрегаютъ, житія святыхъ осмѣиваютъ; вообще у всѣхъ какая-то лихорадочная, земная дѣятельность, — объ угожденіи Богу и о спасеніи души никто почти не думаетъ. Жалкое состояніе!“

„Вотъ свѣтскій кружокъ: говорятъ, говорятъ, большею частью, переливая изъ пустого въ порожнее, и нѣтъ рѣчи о Богѣ—общемъ всѣхъ Отцѣ, о любви Его къ намъ, о будущей жизни, о воздаяніи,—почему? Сты-

дятся завести рѣчь о Богѣ. Но, что удивительнѣе всего, даже люди, мнящіеся быти благочестивыми, сами свѣтильники, рѣдко говорятъ о Богѣ, о Христѣ Спасителѣ, о драгоцѣнности времени, о воздержаніи, о воскресеніи, о судѣ, о будущемъ блаженствѣ и вѣчныхъ мукахъ, въ кругу своихъ семействъ и въ кругу свѣтскихъ людей, а проводятъ часто время въ пустыхъ разговорахъ, играхъ и занятіяхъ! Опять потому, что стыдятся завести такой разговоръ, боятся наскучить или опасаются, что сами не выдержатъ, не будутъ сердечно вести рѣчь о духовныхъ предметахъ. О, міръ прелюбодѣйный и грѣшный! Горе тебѣ въ день суда отъ общаго всѣхъ нелицепріятнаго Судіи!.. Во своя пріиде и свои Его не пріяша (Іоан. I, 11). Да, не принятъ у насъ Господь и Зиждитель всѣхъ! Не принятъ въ домахъ нашихъ, въ разговорахъ нашихъ... Или вотъ человѣкъ читаетъ св. книгу или читаетъ вслухъ молитвы, но отчего иногда онъ читаетъ какъ бы невольно, неохотно, у него языкъ запинается? Не отъ избытка сердца, а отъ тѣсноты, пустоты уста его едва говорятъ. Это отчего? Отъ постояннаго, внутри въ сердцѣ производимаго діаволомъ пренебреженія къ духовному чтенію или къ молитвѣ и ложнаго стыда".

„Гдѣ теперь чтеніе въ домахъ богодухновенной Псалтири, внушающей такую великую вѣру въ Бога, такое крѣпкое упованіе на Бога въ напастяхъ, въ болѣзняхъ, въ бѣдахъ и скорбяхъ, и такую пламенную любовь къ Богу? Гдѣ чтеніе богодухновенныхъ псалмовъ, которое было любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, не простыхъ только, но бояръ и самихъ князей? Нѣтъ его; зато нѣтъ во многихъ вѣры, упованія христіанскаго и любви къ Богу и ближнему, а есть безвѣріе, отча-

яніе, ненависть. Нѣтъ пламенной молитвы, нѣтъ чистоты нравовъ, нѣтъ духа сокрушенія о грѣхахъ и умиленія, нѣтъ правды, мира и радости въ Духѣ Святомъ. Большинство христіанъ проникнуты духомъ міра, духомъ журналовъ, газетъ и вообще свѣтскихъ писателей, кои сами проникнуты въ свою очередь духомъ языческимъ, а не христіанскимъ, духомъ отрицанія богодухновенности Священнаго Писанія и превозношенія себя самихъ, своего гордаго и напыщеннаго разума, духомъ житейской суеты".

Да, „во многихъ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ, которыхъ число умножилось до крайности, дышитъ духъ земной, нерѣдко богопротивный, между тѣмъ какъ христіанинъ (въ надеждѣ) есть гражданинъ не только земли, но и неба и долженъ мудрствовать и о небесномъ. Языческая древняя письменность была нерѣдко, кажется, лучше и чище, возвышеннѣе по своему началу и побужденію, чѣмъ письменность иная народовъ христіанскихъ. Ѵпостасное Слово Отчее, Господа нашего Іисуса Христа, непрестанно и крѣпко оскорбляютъ христіанскіе народы, которые должны были бы быть по преимуществу словесными, т.-е. богоподобными существами, въ устномъ и печатномъ словѣ, которое тратится во множествѣ попусту и даже къ соблазну христіанъ, свѣтскою письменностью отвлекаемыхъ отъ чтенія Слова Божія и писаній св. отцовъ. Въ преумноженіи льстивыхъ словесъ уловляютъ и обольщаютъ редакторы и издатели журналовъ и газетъ и словесное стадо Христово. О, Слове Божій! Какой отвѣтъ дадимъ мы на страшномъ судѣ Твоемъ!"

Да, воистину можно сказать: „по своихъ похотехъ

изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ“ (2. Тим. 4, 3). Не это ли нынѣ дѣлаютъ свѣтскіе люди и даже многіе духовные? Не сами ли себѣ избрали они учителей, ласкающихъ ихъ слухъ? Учатся не у единаго Учителя— Христа, изъ Евангелія Его, и не у Церкви Его, а у свѣтскихъ журналистовъ, фельетонистовъ, романистовъ, поэтовъ, актеровъ, и говорятъ: ахъ, какъ все это занимательно, какъ все это нравоучительно! и если не на словахъ, то на дѣлѣ говорятъ: намъ не надо ни Евангелія, ни Церкви съ ея богослуженіемъ, таинствами и проповѣданіемъ Слова Божія. У насъ такіе хорошіе, преннравственные учителя! Господи Іисусе! до чего мы дожили!? Отвергли словеса Твои вспять... О, бѣдные, бѣдные мы люди! Въ чемъ бы слѣдовало поставлять величайшую честь, того мы стыдимся. О, твари неблагодарныя и злонравныя! Какихъ мы мукъ заслуживаемъ такимъ поведеніемъ!“

Кромѣ свѣтской литературы, въ современномъ обществѣ приписываютъ великое просвѣтительное и воспитательное значеніе театру.

Опомнитесь, христіане! „Занятые суетою и суетными удовольствіями, вы не имѣете ни времени, ни охоты вникнуть въ духъ христіанской вѣры, христіанскаго богослуженія и знать уставы церковные, цѣль праздниковъ православной Церкви, постовъ и т. д. Вы знаете иногда наизусть, какую пьесу играли въ театрѣ, изъ сколькихъ дѣйствій или явленій она состоитъ, какое содержаніе ея общее и въ частностяхъ, а сущности христіанскихъ таинствъ не знаете, между тѣмъ какъ они достойно пріемлющимъ ихъ доставляютъ жизнь вѣчную и неизреченныя блага вѣчной жизни; вы не

знаете богослуженія святой православной Церкви, матери своей, питающей, грѣющей, очищающей, освящающей, и укрѣпляющей васъ въ материнскихъ своихъ нѣдрахъ; вы не знаете содержанія и значенія ни вечерняго, ни утренняго, ни обѣденнаго богослуженія и всегдашнихъ пѣснопѣній, чтеній и обрядовъ церковныхъ".

„Въ театрѣ многимъ пріятно чувствуется, а въ церкви — тяжело, скучно — отчего? Оттого, что въ театрѣ все прекрасно подлажено чувственному человѣку, и діавола мы тамъ не трогаемъ, а тѣшимъ его, и онъ намъ дѣлаетъ удовольствіе, не трогаетъ насъ: веселитесь себѣ, друзья мои, думаетъ, только смѣйтесь да Бога не помните. Въ церкви же все приспособлено къ возбужденію вѣры и страха Божія, благочестивыхъ чувствъ, чувства нашей грѣховности, растлѣнности; и діаволъ всѣваетъ въ наше сердце сомнѣнія, уныніе, тоску, лукавые, скверные и хульные помыслы,—и вотъ самъ себѣ не радъ человѣкъ и стоять не можетъ, часъ трудно простоять. И бѣжитъ скорѣе вонъ. Театръ и церковь— противоположности. То—храмъ міра, а это—храмъ Божій; то — капище діавола, а это — храмъ Господа" *).

„Оправдываютъ игру въ театрѣ и называютъ ее полезною и правоучительною или безвредною или, по меньшей мѣрѣ, меньшимъ зломъ въ сравненіи съ пьянствомъ и распутствомъ и съ этою цѣлію стараются заводить повсюду театральныя зрѣлища. Не обольщайтесь: театръ усыпляетъ христіанскую жизнь, уничтожаетъ ее, сообщая жизни христіанъ характеръ жизни

*) Ср. отзывъ преосвящ. Ѳеофана о томъ же въ письмахъ о христіанской жизни.

языческой. Воздремашася вся и спаху (Мѳ. 25, 5). Между прочимъ этотъ гибельный сонъ производитъ въ людяхъ и театръ... Театръ — школа міра сего и князя міра сего — діавола; а онъ иногда преобразуется и въ ангела свѣтла, чтобы прельщать удобнѣе недальновидныхъ,—иногда ввернетъ, повидимому, и нравственную пьеску, чтобы твердили, трубили про театръ, что онъ преправоучительная вещь, и стоитъ посѣщать его не меньше церкви, а то, пожалуй, и больше, потому де, что въ церкви одно и то же, а въ театрѣ разнообразіе и пьесъ и декорацій, и костюмовъ, и дѣйствующихъ лицъ. Но въ сущности—что вносятъ театры въ сердца человѣческія? Духъ этого вѣка,—духъ праздности, празднословія, пустословія, смѣхотворства, хитрости и лукавства, духъ гордости, чванства, и никому нимало доброй нравственности не даютъ. Сочинители пьесъ и актеры передаютъ народу то, что̀ имѣютъ въ себѣ сами, свой духъ,—ни больше ни меньше. А думаютъ ли актеры о нравственности народной? Имѣютъ ли они въ намѣреніи исправить народные нравы? Нѣтъ и нѣтъ! Поэтому—удивительное дѣло, что христіане не нашли лучшаго средства для препровожденія драгоцѣннаго времени, какъ театръ, и по происхожденію своему и по значенію своему сохраняющій доселѣ характеръ языческій, идолопоклонническій, характеръ суетности, пустоты, вообще показывающій въ себѣ полнѣйшее отраженіе всѣхъ страстей и безобразій міра сего, похоти плоти, похоти очей и гордости житейской, и лишь рѣдко-рѣдко доблестей сыновъ отечества, и то, конечно, сыновъ отечества земного, а не небеснаго. Уваженіе къ начальству, къ родителямъ, къ священнымъ лицамъ подры-

вается, когда публично осмѣиваются нѣкоторыя предосудительныя дѣйствія этихъ лицъ предъ лицомъ всего общества, предъ лицомъ легкомысленной молодежи, даже дѣтей, для которыхъ должны быть священны имена ихъ родителей и начальниковъ. Иногда довольно одного неуважительнаго или непристойнаго слова относительно старшихъ, чтобы подорвать къ нимъ должное уваженіе. Такъ ли стали христіане легкомысленны, что не находятъ лучшаго средства къ провожденію драгоцѣннаго времени, кромѣ театра, и изъ-за него оставляютъ храмъ Божій, богослуженіе, и драгоцѣнное праздничное время, данное Богомъ для поученія въ словѣ Божіемъ, въ спасительныхъ размышленіяхъ и въ дѣлахъ добродѣтели, безумно расточается на пустыя дѣла, на смѣхотворство и глупыя рукоплесканія въ театрахъ!? Нѣтъ, какъ хотите, а театръ—богомерзкое учрежденіе. Горе тому обществу, въ которомъ много театровъ и которое любитъ посѣщать театры!.. Прислушайтесь къ мнѣнію народному, къ мнѣнію тѣхъ, которые посѣщали театръ много разъ: они, не стѣсняясь, говорятъ, что театръ ведетъ къ разврату. Только слѣпые, въ нихъ же богъ вѣка сего ослѣпи разумъ, говорятъ, что театръ нравоучителенъ. Нѣтъ, христіане должны неотмѣнно поучаться въ законѣ Божіемъ, читать чаще Евангеліе, вникать въ богослуженіе, исполнять заповѣди и уставы церковные, читать писанія св. отцовъ, духовные журналы, чтобы проникаться духомъ христіанскимъ и жить по-христіански. Вотъ ваши зрѣлища!“

Вы еще колеблетесь, вы сомнѣваетесь въ истинѣ всего сказаннаго относительно свѣтской литературы, свѣтскихъ развлеченій и въ томъ числѣ театра? Но

вотъ вамъ рѣшительное, неотразимое доказательство: всякое дерево познается по плодамъ его. Разсмотрите жизнь свѣтскаго общества: чѣмъ становится оно внѣ спасительнаго воздѣйствія Церкви?

При всей нашей образованности — что такое представляетъ собою наша свѣтская жизнь?

„Жизнь наша — дѣтская неизвинительная игра: мы забавляемся пищею и питіемъ, лакомясь, вмѣсто того, чтобы употреблять ее только для необходимаго питанія тѣла и поддержанія тѣлесной жизни; мы забавляемся одеждами вмѣсто того, чтобы прилично прикрывать ими свое тѣло для предохраненія его отъ вреднаго дѣйствія стихій; мы забавляемся сребромъ и златомъ, любуясь имъ въ сокровищницахъ или употребляя его на предметы роскоши и удовольствій, вмѣсто того, чтобы употреблять его на нужды, а избытки раздѣлять нуждающимся; мы забавляемся своими жилищами и многоразличною въ нихъ утварью, богато и изысканно украшая ихъ, вмѣсто того, чтобы имѣть только прочный и приличный кровъ, защищающій насъ отъ вреднаго дѣйствія стихій, и необходимыя и приличныя для домашняго употребленія вещи; мы забавляемся своими душевными дарованіями, умомъ, воображеніемъ, словомъ, употребляя ихъ только на служеніе грѣху и суетѣ міра сего, только на служеніе земному и тлѣнному, вмѣсто того, чтобы прежде всего и болѣе всего употреблять ихъ на служеніе Богу, на познаніе Его, Премудраго Творца всякой твари, на молитву, моленія, прошенія, благодареніе и славословіе Его и на оказаніе взаимной любви и почтенія и только отчасти—на служеніе міру сему, имѣющему нѣкогда совершенно прейти; мы за-

бавляемся своими познаніями о мірской суетѣ и губимъ на пріобрѣтеніе ихъ драгоцѣннѣйшее время, данное для приготовленія къ вѣчности; мы нерѣдко забавляемся своею должностью, своими обязанностями, легкомысленно, нерадиво, неправедно исполняя ихъ и употребляя ихъ для своихъ корыстныхъ земныхъ видовъ; мы забавляемся хорошими лицами человѣческими или прекраснымъ и слабымъ поломъ и употребляемъ ихъ часто для игры своихъ страстей; мы забавляемся временемъ, которымъ надобно мудро пользоваться для искупленія имъ вѣчности, а не употребляя его на игры и разныя удовольствія; соберутся въ гости, сидятъ и празднословятъ, а потомъ сядутъ играть такъ или иначе. Мы забавляемся, наконецъ, сами собою, дѣлая изъ себя какіе-то кумиры, предъ которыми сами преклоняемся и для которыхъ ищемъ поклоненія другихъ. Кто достаточно опишетъ и оплачетъ наше окаянство, нашу великую, громадную суету, наше великое бѣдствіе, въ которое мы сами себя добровольно ввергаемъ? Какой мы отвѣтъ дадимъ безсмертному Царю—Христу Богу нашему, грядущему во славѣ Отца Своего судити живымъ и мертвымъ, объявить совѣты сердечные и принять отвѣтъ отъ насъ о всякомъ словѣ и дѣлѣ! О горе! горе, горе намъ, носящимъ на себѣ имя Христово и не имѣющимъ въ себѣ нимало Духа Христова! носящимъ на себѣ имя Христово, а не слѣдующимъ ученію Евангелія! Горе намъ, нерадящимъ о толицѣмъ спасеніи! (Евр. 2, 3). Горе намъ, не имѣющимъ христіанской вѣры, упованія и любви христіанской! Горе намъ, возлюбившимъ настоящій вѣкъ притворный, привременный и нерадящимъ объ улученіи того вѣка, который слѣдуетъ за смер-

тію тлѣннаго тѣла нашего, за этою плотскою завѣсою!“

Воистину жизнь наша—не игра, не шутка, не забава, но—подвигъ. „Злополученъ тотъ, кто любитъ чрезъ мѣру всякія удобства въ жизни и обставилъ себя всевозможными удобствами: онъ будетъ чуждаться всякаго неудобства, изнѣжится и не привыкнетъ къ терпѣнію; между тѣмъ жизнь христіанина вся есть неудобство, путь узкій и шероховатый, есть крестъ, требующій неудобствъ и великаго терпѣнія. Итакъ не ищи, подвижникъ, со всѣми удобствами жилища и обстановки и не полюби удобствъ міра сего, а возлюби Христа-Крестоносца. Терпи неудобства, привыкай къ неудобствамъ. Навыкохъ, въ нихже есмь, доволенъ быти, говоритъ апостолъ (Фил. 4, 11). Злополученъ, кто любитъ украшенія и ищетъ украшеній для тѣла своего: онъ не будетъ прилагать должнаго старанія объ украшеніи души своей вѣрою, любовію, кротостію, смиреніемъ, правдою, терпѣніемъ; особенно злополученъ тотъ, кто ищетъ украшенія почестей: онъ сдѣлаетъ изъ себя постыдный кумиръ и, какъ Навуходоносоръ, будетъ надмеваться предъ не имѣющими его почестей и требовать себѣ поклоненія. И мы, мужчины, стали какъ женщины: домогаемся украшеній и, какъ идоловъ какихъ, украшаемъ сами себя, а о внутреннемъ благообразіи мало помышляемъ, даже совсѣмъ забросили храмину души своей. Злополученъ, кто пристрастенъ къ пищѣ и питію, ревнуетъ о насыщеніи и наслажденіи: онъ на дѣлѣ увидитъ, когда приступитъ работать Господу, что пища и питіе, если мы прилагаемъ къ нимъ сердце, есть обуза тѣла, скорбь и крушеніе духа“...

Хочешь ли устроить свою жизнь по-христіански? Вотъ тебѣ совѣтъ: „всю жизнь свою старайся обратить въ служеніе Богу: читаешь ли что дома, начинай это дѣло съ краткою молитвою, чтобы Богъ вразумилъ и умудрилъ тебя въ вѣрѣ и благочестіи и въ тщательномъ прохожденіи твоихъ обязанностей; никогда не читай отъ праздности, для препровожденія времени; этимъ ты унизишь слово, которое все должно служить нашему спасенію, а не пустословію. Говоришь ли съ ближними, говори разумно, осмотрительно, назидательно; празднословія, какъ яда зміина, избѣгай, памятуя, что за всякое слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный (Мѳ. 12, 36), т. е. услышатъ справедливый приговоръ Судіи; учишь ли дѣтей своихъ или чужихъ, обращай дѣло въ служеніе Богу, уча ихъ съ усердіемъ. Побѣждай именемъ Господа и силою креста козни врага, который старается смутить, затмить, стѣснить, разслабить тебя. Если ѣшь, пьешь—все дѣлай во славу Божію!“

А самое главное—не чуждайся Церкви. „Нѣкоторые изъ прогрессистовъ почитаютъ Церковь врагомъ для себя. Но если есть кто любвеобильнѣе, благожелательнѣе и мудрѣе въ своей любви относительно людей, то это—Церковь: все, что есть сообразнѣйшаго съ нашей природою и благопотребнѣйшаго для ней—все это заключается въ Церкви, какъ въ сокровищницѣ. Церковь есть истая мать всего человѣчества, право вѣрующаго во Христа, самый вѣрный другъ христіанъ. Она сочувствуетъ и отвѣчаетъ всѣмъ существеннымъ потребностямъ души и тѣла христіанина дѣятельнымъ пособіемъ или поданіемъ помощи силою Господа Іисуса

Христа и Духа Святаго, Которымъ всяка душа живится".

„Господи! да не будетъ земныхъ идоловъ для сердца: денегъ, яствъ, одеждъ, чиновъ и знаковъ отличія и проч.! Да прилѣпится къ Тебѣ единому сердце мое и ни къ чему земному да не прилѣпляется: ибо въ прилѣпленіи къ земному скорбь, тѣснота, мука; ничто да не будетъ дорого для сердца изъ земного, но единаго Господа да цѣню паче всего и все небесное и созданную по образу Его душу безсмертную, разумную, словесную, свободную, дыханіе устъ Божіихъ!"

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

О СВЯТОМЪ ХРАМѢ.

(Къ 21 ноября).

Господи! возлюбилъ я обитель дома Твоего и мѣсто жилища славы Твоей! (Пс. XXV, 8).

Какъ вожделѣнны жилища Твои, Господи силъ! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются къ Богу живому. И птичка находитъ себѣ жилье, и ласточка гнѣздо себѣ, гдѣ положить птенцовъ своихъ, у алтарей Твоихъ, Господи силъ, Царь мой и Богъ мой! Блаженны живущіе въ домѣ Твоемъ! (Пс. LXXXIII, 2—5).

Блаженъ, кого Ты избралъ и приблизилъ, чтобы онъ жилъ во дворахъ Твоихъ! Насытимся благами дома Твоего, святаго храма Твоего! (Пс. LXIV, 5).

Храмъ Божій есть земное небо, гдѣ престолъ Божій, гдѣ страшныя тайны совершаются, гдѣ ангелы служатъ съ человѣками, гдѣ непрестанное славословіе Вседержителя, тамъ истинно небо и небо небесе. Какъ земное небо, гдѣ ощущается особенное присутствіе Божества, храмъ есть самое удобное и лучшее мѣсто для молитвенныхъ воздыханій человѣка. „О, храме

святый! Сколь благо, сладостно въ тебѣ молиться! Ибо гдѣ пламеннѣе молитва, какъ не въ стѣнахъ твоихъ, предъ Престоломъ Божіимъ и предъ лицемъ Сѣдящаго на немъ! Поистинѣ душа таетъ отъ умиленія молитвеннаго и слезы по ланитамъ струятся, какъ вода". Молитвенное настроеніе, возвышая душу человѣка, измѣняетъ все существо его, такъ что храмъ, гдѣ человѣкъ испытываетъ такое состояніе, дѣлается для него какъ бы земнымъ раемъ. „Люблю я молиться въ храмѣ Божіемъ, особенно въ св. алтарѣ у престола или у жертвенника Божія, ибо чудно измѣняюсь я благодатію Божіею; въ молитвѣ покаянія и умиленія спадаютъ съ души моей тернія, узы страстей, и мнѣ становится такъ легко; все обаяніе, вся прелесть страстей исчезаютъ, я какъ бы умираю для міра, и міръ для меня со всѣми своими благами; я оживаю въ Богѣ и для Бога, для единаго Бога, и весь Имъ проникаюсь и бываю единъ духъ съ Нимъ; я дѣлаюсь какъ дитя, утѣшаемое на колѣняхъ матери; сердце мое тогда полно пренебеснаго, сладкаго міра; душа просвѣщается свѣтомъ небеснымъ, все свѣтло видишь, на все смотришь правильно, ко всѣмъ чувствуешь дружество и любовь къ самимъ врагамъ и охотно ихъ извиняешь и прощаешь".

Сообразно такому высокому значенію св. храма и относиться къ нему должно съ особеннымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ. И прежде всего входить въ храмъ Божій нужно со страхомъ Божіимъ, съ чистымъ сердцемъ, отложивъ страсти и все житейское попеченіе; вошедши,—стоять въ немъ—съ вѣрою, благоговѣніемъ, разумно, внимательно, съ любовію и миромъ въ сердцѣ.

Введеніе во храмъ Пресв. Дѣвы Маріи.

„Бывая въ храмѣ, должно помнить, что мы находимся въ живомъ присутствіи Господа Бога, стоимъ предъ лицомъ Его, предъ очами Его, въ живомъ присутствіи Божіей Матери, св. ангеловъ и церкви первородныхъ: праотцевъ, пророковъ, апостоловъ, іерарховъ, мучениковъ, преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ". Вотъ въ какомъ высокомъ и святомъ обществѣ видитъ себя христіанинъ въ храмѣ, окруженный ликами святыхъ! „Въ церкви я поистинѣ какъ на земномъ небѣ: тутъ вижу лики Господа, Пречистой Богородицы, св. ангеловъ; тутъ престолъ Божій, тутъ крестъ животворящій, тутъ евангеліе вѣчное, — этотъ глаголъ Божій, коимъ все сотворено; тутъ лики святыхъ, я чувствую себя въ явномъ присутствіи Божіемъ, Его Матери, небесныхъ силъ и всѣхъ святыхъ. Тутъ присутствуешь не какъ чуждый членъ, но сознаешь себя и чувствуешь себя дѣйствительнымъ членомъ Тѣла Христова и Церкви Его, — той Церкви, къ которой принадлежатъ и всѣ святые Божіи. Какое побужденіе къ нравственному измѣненію и стремленію къ той же нестарѣющей жизни, къ которой стремились они и достигли! О, какъ я долженъ жить, мыслить, чувствовать, говорить, чтобы достойно быть въ этомъ высокомъ и святомъ обществѣ, — въ этомъ земномъ небѣ!.. Какъ я долженъ жить, съ какою кротостію, незлобіемъ, смиреніемъ, чистотою, воздержаніемъ, чтобы достойно именовать своею владычицею Пресвятую Богородицу, своимъ владыкою Господа Славы!" Память и сознаніе всего этого необходимо имѣть, присутствуя въ храмѣ, и охотно, всѣмъ сердцемъ принимать участіе въ богослуженіи.

Къ благоговѣйному, внимательному присутствію въ

храмѣ христіанинъ побуждается тѣми благими дарами, какіе онъ получаетъ здѣсь.

Храмъ своимъ внутреннимъ устройствомъ поучаетъ насъ дѣлу домостроительства Божія о нашемъ спасеніи: въ храмѣ, его расположеніи и частяхъ, въ иконахъ, богослуженіи съ чтеніемъ Св. Писанія, пѣніемъ, обрядами, начертана образно, какъ на картѣ въ лицахъ, въ общихъ чертахъ вся ветхозавѣтная, новозавѣтная и церковная исторія, — все божественное домостроительство человѣческаго спасенія. „Когда я съ размышленіемъ и съ вѣрою взираю на св. иконы въ церкви и на всѣ ея принадлежности, тогда я прихожу въ чудное созерцаніе: весь храмъ представляется мнѣ священной исторіею въ лицахъ, чуднымъ глаголомъ дѣлъ Божіихъ въ родѣ человѣческомъ. Тутъ я вижу исторію и нашего паденія, и возстановленія чуднымъ домостроительствомъ Божіимъ, и наше возвеличеніе въ воплощеніи Божіемъ, наше обоженіе и возведеніе на небеса: тутъ мнѣ представляется благовѣствующій о воплощеніи отъ Дѣвы Сына Божія Архангелъ Гавріилъ,—тутъ я вижу Рождество Бого-Младенца, Дѣву—Матерь, ясли виелеемскія; тутъ Обрѣзаніе, тамъ Крещеніе, дальше Срѣтеніе Богомладенца Симеономъ во храмѣ; тамъ Преображеніе, Входъ въ Іерусалимъ Царя праведнаго, кроткаго, спасающаго, тамъ Тайную Вечерю и установленіе всеспасительнаго Таинства Причащенія; тамъ страданія всеспасительныя Господа Славы; вижу какъ бы самую Голгоѳу и распятаго Господа за грѣхи міра, вижу сошествіе во адъ Побѣдителя ада и изведеніе узниковъ адовыхъ, Воскресеніе Его, Вознесеніе на небеса — и все это ради человѣчества, ради меня“.

Храмъ служитъ для насъ училищемъ благочестія. Все, что есть лучшаго, возвышеннѣйшаго, самаго драгоцѣннаго, святаго, мудраго, — все это заключается въ св. храмѣ. Храмъ, воспитывая человѣка, дѣйствуетъ на него всецѣло: онъ дѣйствуетъ на его зрѣніе, слухъ, обоняніе, на воображеніе, на чувство, на умъ и волю— благолѣпіемъ иконъ, звономъ, кадильнымъ ѳиміамомъ, лобзаніемъ Евангелія, креста и святыхъ иконъ, пѣніемъ и сладкозвучнымъ чтеніемъ писаній. Воспитательное дѣйствіе храма имѣетъ своею цѣлію — содѣлать насъ гражданами небесными, привести къ спасенію и жизни вѣчной. „Съ какою любовію материнскою, или, лучше, божественною Церковь ежедневно какъ бы носитъ насъ на рукахъ своихъ, возносия о всѣхъ насъ непрестанныя молитвы ко Господу, вечеромъ, въ полночь, утромъ и около средины дня: поучаетъ насъ, очищаетъ, освящаетъ, врачуетъ и укрѣпляетъ таинствами и всѣми способами руководствуетъ насъ нѣжнѣйшимъ и кротчайшимъ образомъ ко спасенію и жизни вѣчной". Въ церкви мы вытрезвляемся отъ мірского обаянія и опьянѣнія, страстей и похотей житейскихъ, просвѣтляемся, освящаемся, очищаемся душами своими, къ Богу приближаемся, съ Богомъ соединяемся.—Душевное спокойствіе и сладость, чувствуемыя нами повременамъ въ храмѣ Божіемъ, при стройномъ пѣніи пѣвчихъ, при внятномъ чтеніи чтеца и священнослужителей, есть уже задатокъ той безконечной сладости, которую будутъ ощущать въ себѣ вѣчно созерцающіе неизреченную доброту лица Божія, то-есть, получившіе спасеніе.

Такъ какъ главнымъ препятствіемъ къ спасенію слу-

жать грѣхи наши, то храмъ содѣйствуетъ очищенію насъ отъ грѣховныхъ скверпъ. „Вы слышите въ церкви больше всего гласы священнослужителей, чтецовъ и пѣвцовъ, поющихъ о помилованіи насъ. Что это значитъ? Это значитъ, что всѣ мы, сколько насъ ни есть въ храмѣ Божіемъ, по грѣхамъ своимъ достойны казней Божіихъ и что прежде всего, при пришествіи нашемъ въ храмъ, мы должны помнить, что мы — грѣшники, что пришли къ Господу неба и земли, Творцу и Благодѣтелю, ежечасно прогнѣвляемому нашими неправдами, — умолять Его каждый за себя и даже, по христіанской любви, и за другихъ о помилованіи". Въ храмѣ по преимуществу совершается тайна очищенія отъ грѣховъ и помилованія грѣшниковъ. Въ храмѣ — источникъ всякаго истиннаго спокойствія и умиренія совѣсти (какъ слѣдствіе прощенія грѣховъ), очищенія, исцѣленія душевнаго, источника силы и бодрости душевной; здѣсь Самъ Богъ утѣшаетъ души вѣрующія и обращающія къ Нему сердца свои, какъ мать утѣшаетъ младенца; Самъ Богъ касается Своею очищающею благодатіею сокрушенныхъ сердецъ нашихъ, проливая въ нихъ отраду и успокоеніе. Отъ храма получаютъ утѣшеніе, съ прощеніемъ грѣховъ и помилованіемъ, усопшіе наши. „Благоговѣй же къ мѣсту, гдѣ совершается очищеніе твоихъ душевныхъ скверпъ, гдѣ ты примиряешься съ Богомъ, гдѣ получаешь истинную жизнь духа. Сколько разъ Господь подавалъ мнѣ здѣсь очищеніе грѣховъ моихъ, безъ котораго я не могъ наслаждаться дарами Божіими: величайшимъ даромъ жизни, дарами мира и радости и благами вещественными! Слава Тебѣ, Іисусе, Сыне Божій! Ты *очищеніе о грѣсѣхъ*

нашихъ, не о нашихъ же точію, но и о всего міра (1 Іоан. 2, 2). Какъ долженъ быть достопочтенъ и достоинъ любви храмъ Божій! Какъ любили его святые Божіе человѣки!—Кто и изъ насъ, братіе, любящій жизнь—не возлюбитъ храма Божія всѣмъ сердцемъ своимъ?—Чѣмъ же мы можемъ выразить свою любовь и уваженіе къ нему? Нужно неотложно посѣщать, разумно, благоговѣйно и охотно слушать и созерцать совершаемое въ ономъ богослуженіе, особенно въ праздничные дни, участвовать въ благодатныхъ, установленныхъ Церковію, таинствахъ и заботиться о благоукрашеніи храма". И это дѣлаютъ всѣ, познавшіе ему цѣну; и за нихъ молится Церковь, говоря: помолимся о сихъ, иже съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ входятъ въ онь, и помолимся о плодоносящихъ и добродѣющихъ во святѣмъ и всечестнѣмъ храмѣ семъ, или: освяти любящія благолѣпіе дому Твоего, Ты тѣхъ воспрослави божественною Твоею силою".

„Господи! даруй, чтобы храмъ Твой всѣмъ, приходящимъ въ него съ вѣрою, благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, сообщалъ просвѣщеніе душъ, очищеніе грѣховъ, освященіе, миръ, здравіе, тишину душевную, — укрѣплялъ вѣру, надежду и любовь, способствовалъ исправленію житія, успѣхамъ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ и дѣлахъ, взаимной любви, чистому христіанскому житію, умягченію сердецъ и прекращенію самолюбія, жестокосердія, любостяжательности, жадности, зависти, злобы, чревоугодія, пьячства, разврата—этихъ пороковъ, столько вредныхъ въ общественной жизни и подрывающихъ основы ея. Даруй же сіе, даруй, Господи, всѣмъ любящимъ посѣщать храмъ Твой, да и не

любящихъ его расположи любить его и исправлять сердца и дѣла свои: ибо время близко, и судъ при дверѣхъ для всѣхъ людей всякаго званія и состоянія, всякаго пола и возраста, и всѣмъ предстоитъ дѣло безконечно-великой важности,—дать отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ".

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.

О БЛАГОТВОРЕНІИ.

(Къ 6 декабря).

Праведникъ милуетъ и даетъ.

Я былъ молодъ и состарѣлся, и не видалъ праведника оставленнымъ, и потомковъ его просящими хлѣба. Онъ всякой день милуетъ и взаймы даетъ, и потомство его въ благословеніе будетъ.

Видѣлъ я нечестивца грознаго, расширявшагося, подобно укоренившемуся многовѣтвистому дереву; но онъ прошелъ, и вотъ нѣтъ его; ищу его и не нахожу (Пс. XXXVI, 21, 25, 26, 35, 36).

Всякому, просящему у тебя, давай, и отъ взявшаго твое не требуй назадъ.

Давайте и дастся вамъ: мѣрою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплютъ вамъ въ лоно ваше.

Будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ (Лук. VI, 30, 38, 36).

„Святые Божіи человѣки—лучшіе, добрѣйшіе, вѣрные наши братья и друзья, столь часто помогающіе намъ въ разныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ никто изъ людей помочь не можетъ“.

Особенно же св. православная Церковь прославляетъ великаго святителя и чудотворца Николая, какъ „ми-

лостивѣйшаго и всеизряднѣйшаго помощника сущимъ въ скорбѣхъ, немощнымъ врача, питателя вдовъ и отца сиротъ, плачущихъ утѣшеніе".

Но что нужно для того, чтобы святые внимали нашимъ молитвамъ, когда мы взываемъ къ нимъ о помощи?

„Молящіеся святымъ да подражаютъ ихъ любви къ Богу и презрѣнію міра или суетныхъ его благъ, ихъ молитвѣ, воздержанію, нестяжанію, терпѣнію болѣзней, скорбей и напастей, ихъ любви къ ближнему. Въ противномъ случаѣ молитва будетъ воздухобіеніемъ".

Иначе и быть не можетъ. Возможно ли надѣяться на помощь и предстательство святыхъ предъ Богомъ, если мы, напримѣръ, сами не станемъ оказывать помощь нашимъ ближнимъ?

„Человѣкъ—чудное, прекрасное, величественное твореніе Божіе. Не величайшее ли безуміе, не безбожіе ли жалѣть для человѣка, для этого образа Божія, для этого причастника божественнаго естества, для котораго Богъ будетъ все—будетъ Богъ всяческая во всѣхъ (1 Кор. 28, 15), жалѣть пищи, питія, одежды, жилища и чего бы то ни было земного! Прахъ да будетъ прахомъ, —безсмертный образъ безсмертнаго Бога да будетъ всегда превознесенъ и предпочтенъ предъ всѣмъ земнымъ, тлѣннымъ, скорогибнущимъ! Поэтому да не щадимъ ничего для нашего ближняго! О, какая великая честь — питать, одѣвать, упокоять образъ Божій! Боже Преблагій и Прещедрый! исполни благости и щедролюбія сердца наши!"

Желая благотворить ближнимъ, мы должны совершать это изъ чистой любви къ ближнему.

„При подаяніи милостыни, всегда нужно заботиться о томъ, чтобы она подаваема была съ любовію, отъ искренняго сердца, охотно, а не съ досадою и огорченіемъ на нихъ. Самое слово милостыня показываетъ, что она должна быть дѣломъ и жертвою сердца, и подаваема съ умиленіемъ или сожалѣніемъ о бѣдственномъ состояніи нищаго, и съ умиленіемъ или сокрушеніемъ о своихъ грѣхахъ, въ очищеніе которыхъ подается милостыня; ибо *милостыня,* по писанію, *очищаетъ всякъ грѣхъ.* Кто подаетъ милостыню неохотно и съ досадою, скупо, тотъ не позналъ своихъ грѣховъ, не позналъ самого себя. Милостыня есть благодѣяніе прежде всего тому, кто ее подаетъ".

Любовь къ ближнему, нелицемѣрная и искренняя, научитъ насъ всего скорѣе и лучше святому дѣлу благотворенія.

„Благотвори бѣдному добровольно, безъ мнительности, сомнѣнія и мелочной пытливости, памятуя, что ты въ лицѣ бѣднаго благотворишь Самому Христу по писанному: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе (Мо. 25, 40). Знай, что милостыня твоя всегда ничтожна въ сравненіи съ человѣкомъ, этимъ чадомъ Божіимъ; знай, что твоя милостыня есть земля и прахъ; знай, что съ естественною милостію непремѣнно должна объ руку слѣдовать духовная: ласковое, братское съ чистосердечною любовію обращеніе съ ближнимъ; не давай ему замѣтить, что ты одолжаешь его, не покажи гордаго вида. *Подавай,* сказано. *въ простотѣ, милуяй съ добрымъ изволеніемъ* (Римл. 12, 8). Смотри же, не отнимай цѣны у своей милостыни вещественной чрезъ неоказаніе духов-

ной. Знай, что Владыка на судѣ и добрыя дѣла будетъ испытывать. Помни, что̀ для человѣка небо и земля, ибо ему *соблюдается наслѣдіе нетлѣнное на небесахъ*" (1 Петр. 1, 4).

Сколько для христіанина побужденій къ самой широкой благотворительности! Прежде всего—высота добродѣтели. „Благо во всѣхъ отношеніяхъ — подавать нищимъ: кромѣ помилованія на страшномъ судѣ, и здѣсь, на землѣ, милостынодавцы получаютъ часто великія милости отъ ближнихъ, и что другимъ достается за большія деньги, то имъ даютъ даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣколюбивѣйшій, праведнѣйшій и прещедрый Отецъ небесный, чадъ Коего милуютъ милостивые, не наградитъ ли ихъ и здѣсь, въ поощреніе ихъ къ большимъ дѣламъ или хотя къ продолженію тѣхъ же дѣлъ милосердія и къ исправленію немилостивыхъ, посмѣвающихся милостивымъ? Наградитъ и достойно и праведно".

„Каждый день просятъ у тебя милостыни, и давай каждый день охотно, безъ озлобленія, грубости и ропота: ты не свое, а Божіе даешь Божіимъ чадамъ крестоноснымъ, едва имѣющимъ, гдѣ главу подклонити; ты приставникъ Божія достоянія, ты слуга вседневный меньшей братіи Христовой, исполняй дѣло свое съ кротостію и смиреніемъ, не скучай имъ. Христу-Судіи и Мздовоздателю служишь: великая честь, высокое достоинство! Съ радостью твори дѣла добрыя. Просто, безъ большихъ трудовъ приходятъ тебѣ деньги; просто, не думая много, и раздавай ихъ. Щедро вознаграждаются твои труды, — будь щедръ къ другимъ самъ. Не по заслугамъ вознаграждаются, — не по заслугамъ и другимъ давай, а ради ихъ нужды!"

„Благороднаго и возвышеннаго духа тотъ человѣкъ, который благостно и щедро разсыпаетъ всѣмъ свои дары и радуется, что онъ имѣетъ случай сдѣлать добро и удовольствіе всякому, не думая о вознагражденіи за то! Благороднаго и возвышеннаго духа тотъ человѣкъ, который никогда не зазнается съ часто посѣщающимъ его и пользующимся его щедротами человѣкомъ, не пренебрегаетъ имъ ни въ какомъ отношеніи, не унижаетъ его ни на одну ступень въ мысляхъ своихъ, но всегда считаетъ его такимъ, какимъ считалъ при первой встрѣчѣ съ нимъ или и гораздо выше!“

Дары, всюду разсыпанные въ мірѣ въ изобиліи, внушаютъ также мысль о благотвореніи и располагаютъ къ нему.

„Смотря на міръ Божій, я вездѣ вижу необыкновенную щедрость Божію въ дарахъ природы: поверхность земли — это какъ бы богатѣйшая трапеза, приготовленная въ изобиліи и разнообразіи самымъ любящимъ и щедрымъ хозяиномъ; нѣдра водъ также служатъ насыщенію человѣка. Что говорить о животныхъ четвероногихъ и птицахъ? И здѣсь — сколько щедрости въ доставленіи пищи и одежды человѣку? Щедротамъ Господнимъ нѣтъ числа. Смотрите, чего не доставляетъ земля лѣтомъ и осенью! Такъ, всякій христіанинъ, подражай щедротамъ Господа, да будетъ трапеза твоя открыта всякому, какъ трапеза Господня“.

Но, безъ сомнѣнія, болѣе всего располагаютъ душу христіанина къ сострадательности и благотворенію благодѣянія Божіи, явленныя намъ для нашего спасенія: искупленіе отъ грѣха, проклятія и смерти крестными страданіями, сообщеніе даровъ Св. Духа, наше обоже-

ніе пречистою Плотію и Кровію въ таинствѣ причащенія.

„Не должны ли и мы дѣлиться, по Его волѣ, тѣмъ, что служитъ къ поддержанію нашей души и тѣла: своимъ умомъ, своими познаніями, своею вещественною собственностью съ ближними нашими, тогда какъ Самъ же Онъ обѣщалъ намъ не оскудѣніе, а пріумноженіе ввѣренныхъ намъ и возращаемыхъ нами талантовъ? Въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ! (Мѳ. 7, 2). Если Богъ принялъ насъ въ общеніе Божества, въ общеніе Своей плоти и крови, то и мы должны помогать бѣднымъ, подавать милостыню, принимать странныхъ, посѣщать больныхъ, утѣшать печальныхъ, наставлять невѣждъ, вразумлять заблуждающихся, прощать обиды, памятуя, что всѣ мы — Христовы. И за всѣхъ и за все Христосъ воздастъ!“

Милостыни и благотворенію научаютъ насъ и примѣры великихъ угодниковъ Божіихъ, „которые на землѣ жили небесно, чудно, въ великихъ подвигахъ, въ великой любви, въ великомъ смиреніи, незлобіи, терпѣніи, самоотверженіи, возлюбивъ Бога паче всего!“

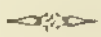
Таковъ былъ и святитель Христовъ Николай, „всеизряднѣйшій и зѣло милостивѣйшій помощникъ сущимъ въ скорбѣхъ!“

„Если мы будемъ имѣть живую, дѣятельную связь съ членами Христовыми здѣсь, будемъ любить ихъ дѣломъ и истиною, то и съ нами будутъ имѣть живой союзъ всѣ святые Божіи человѣки, и о чемъ бы мы ни попросили ихъ, они исходатайствуютъ намъ сіе у Христа Бога, для Котораго они всѣмъ, что было для нихъ дорого, пожертвовали“.

„Помолитесь обо мнѣ, св. Божіи человѣки: пророци, апостоли, святители, мученицы, преподобніи и всѣ святіи, да буду подобенъ вамъ!“

„Господи! въ любви взаимной жити научи и укрѣпи Духомъ Твоимъ святымъ; порывы сластей, запинающіе любви небесной, евангельской, укроти и сердца наши мертвы содѣлай для сластей земныхъ! Даждь мнѣ, Господи, всѣмъ благамъ земнымъ предпочитать всегда благодать Твою, миръ Твой, правду и святыню Твою и въ ней всегда пребывать, во вся дни живота, до послѣдняго издыханія!“

Изъ дневника о. Іоанна кронштадтскаго.



ЕЩЕ О БЛАГОТВОРЕНІИ.

„Если подойдетъ кто просить у насъ самой малой монеты, укоряемъ его, поносимъ, называемъ обманщикомъ. И ты не приходишь отъ сего въ ужасъ, тебѣ не стыдно за кусокъ хлѣба называть обманщикомъ? Если онъ и притворяется, тебѣ надлежало пожалѣть о немъ, что, не будучи угнетаемъ голодомъ, принужденъ принимать на себя такую личину. Это обвиняетъ насъ въ жестокости. Поелику у насъ трудно что-нибудь выпросить, то бѣдные поневолѣ должны придумывать безчисленныя хитрости, дабы обмануть наше безчеловѣчіе и смягчить жестокость“.

„Если всякій разъ будешь допытываться, то часто будешь обходить человѣка достойнаго и лишишься слѣдовавшей за то награды. Между тѣмъ принимающій и недостойнаго не дѣлается виновнымъ, но имѣетъ свою награду. „*Ибо кто принимаетъ пророка, во имя пророка, получитъ награду пророка*“ (Матѳ. X, 41). А кто отъ неумѣстнаго любопытства обходитъ человѣка, достойнаго удивленія, тотъ навлекаетъ на себя казнь. Итакъ не любопытствуй о жизни и дѣлахъ; за одинъ кусокъ хлѣба подвергать испытанію цѣлую жизнь показываетъ крайнюю разборчивость. Пусть онъ убійца, разбойникъ, или что тому подобное; неужели, по твоему мнѣнію, не стоитъ куска хлѣба и немногихъ монетъ? Господь твой и для него изводитъ солнце, а ты считаешь его не стóящимъ дневного пропитанія! Но я скажу тебѣ еще больше. Ежели тебѣ совершенно извѣстно, что онъ совершилъ тысячи преступленій, и тогда ты не извинителенъ, лишая его дневного пропитанія. Ибо ты рабъ Того, Кто сказалъ: „*Не знаете, какого вы духа*“ (Лука IX, 55). Ты слушатель Того, Кто оказывалъ услугу метавшимъ въ Него камнями или, лучше сказать, Кто за нихъ распятъ. Не говори мнѣ, что онъ убилъ человѣка. Ежели и тебя намѣревается убить, и въ такомъ случаѣ не презирай его, когда онъ голоденъ. Ты ученикъ Того, Кто желалъ спасенія распинавшимъ Его, Кто даже на крестѣ говорилъ: „*Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ*“ (Лук. XXIII, 34). Ты рабъ Того, Кто оказалъ услугу ударившему Его, увѣнчалъ поносившаго Его даже на крестѣ. Можетъ ли что съ Нимъ сравниться? Ибо сначала оба разбойника поносили Его, несмотря на то, одному изъ нихъ

отверзъ Онъ рай. Онъ плачетъ о тѣхъ, которые намѣреваются убить Его, безпокоится и смущается, увидѣвъ предателя, не потому, что Самъ будетъ распятъ, но потому, что тотъ погибнетъ, — смущается потому, что предвидитъ петлю, а за петлею казнь. Зная злобу Іуды, до послѣдняго часа терпѣлъ его и не отринулъ, но цѣловалъ предателя. Твой Владыка цѣлуетъ, допускаетъ прикоснуться къ устамъ Своимъ того, кто вскорѣ имѣлъ пролить драгоцѣнную кровь Его; а ты нищаго не удостоиваешь куска хлѣба! Не уважаешь закона, установленнаго Христомъ! Онъ доказалъ Своими дѣйствіями, что не должно отвращаться не только отъ нищихъ, но и тѣхъ, которые ведутъ насъ на смерть. Итакъ не говори мнѣ, что сей человѣкъ причинилъ тебѣ зло; но подумай, что дѣлалъ Христосъ до самаго креста. самымъ тѣмъ цѣлованіемъ, которымъ предавалъ Его Іуда, желавши исправить предателя".

Изъ твореній св. отца нашего Іоанна Златоустаго

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	I
О воплощеніи Бога-Слова (къ празднику Рождества Христова)	1—6
О святыхъ дняхъ (святки)	7—11
О Св. Троицѣ (къ 6 января)	12—19
Поклоненіе Св. Троицѣ	20—23
О достойномъ срѣтеніи Господа	24—35
Что болѣе всего нужно для достойнаго принятія св. Таинъ	36—38
О постѣ	39—46
Еще о постѣ	47—48
О покаяніи	49—57
Еще о покаяніи	57—59
О крестѣ (къ 4-й недѣлѣ Великаго поста)	60—68
Христосъ воскресе!	71—78
О силѣ вѣры (въ недѣлю св. апостола Ѳомы)	79—85
Какъ обрѣсти истинную вѣру	86—89
О благодати Св. Духа (ко дню св. Пятидесятницы)	90—99
Еще о благодати	100—104
О христіанскомъ перенесеніи скорбей (къ 29 іюня)	105—115
О силѣ молитвы (къ 20 іюля)	116—129
О необходимости при молитвѣ дѣлъ любви христіанской	130
Еще о молитвѣ	131—132
О молитвенномъ призываніи Пресвят. Богородицы (къ 15 августа)	133—142
О христіанскомъ прощеніи обидъ (къ 14 октября)	143—156
О свѣтской жизни (октябрь)	157—170
О св. храмѣ (къ 21 ноября)	171—180
О благотвореніи (къ 6 декабря)	181—187
Еще о благотвореніи	187—189

10

2007081217